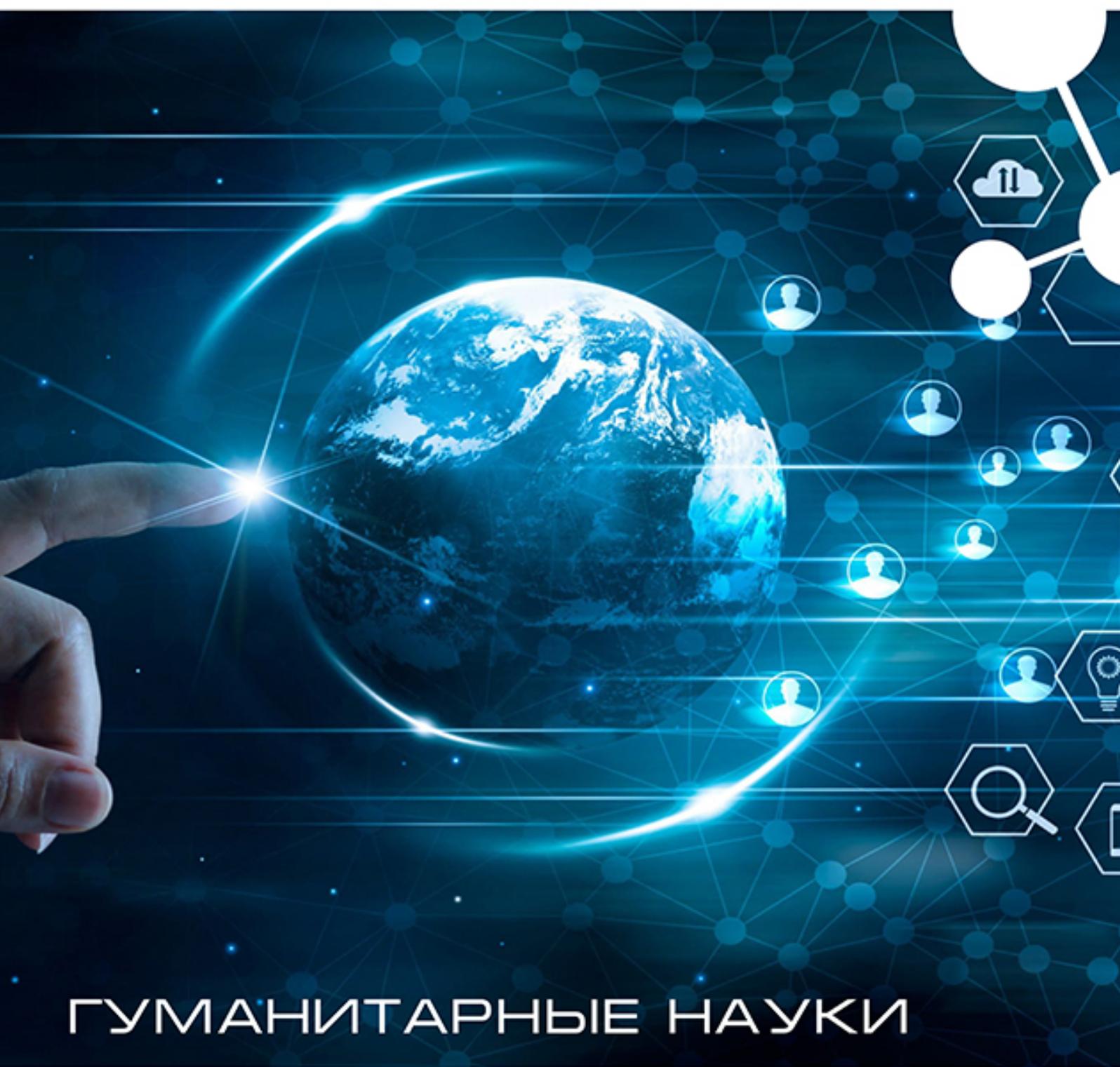

ВЕКТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ: ЭКОНОМИКА И СОЦИУМ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Том 52 № 2 (2024)

СОДЕРЖАНИЕ

Н.В. Медведева Особенности развития потребительской кооперации в РФ: роль информационного обеспечения	1-12
М.Н. Кокаревич Укрепление национальной идентичности как значимый фактор благополучия российского общества	13-22
Д.В. Некипелова Система долговременного ухода как фактор улучшения социально-экономического положения пенсионеров и инвалидов в РФ	23-36
Н.А. Вукович Корпоративные программы благополучия сотрудников: современные подходы и перспективы развития	37-45
С.И. Бояркина, Э.С. Кузнецова Риски инновационного предпринимательства в музыкальной индустрии в условиях (пост)пандемийных трансформаций медиакоммуникаций	46-61
Е.В. Ерофеева Феномен духовного равнодушия в условиях информационно-технологической экспансии	62-71
С.М. Левин Влияние вовлеченности и взаимодействия студентов в онлайн-учебных сообществах на академические достижения: обзор	72-85
Е.Р. Безгачева, Е.Г. Копалкина Особенности и проблемы организации социальной работы с ВИЧ-инфицированными в современных условиях (на примере Иркутской области)	86-98
Д.В. Маляревич ChatGPT и наука: взаимодействие научного сообщества и искусственного интеллекта	99-109
Т.Л. Краснодед Развитие кадрового потенциала индустрии туристских услуг Приазовья России	110-124
Г.В. Смолонский Природа «сдвига» власти и управления в когнитивном обществе: концептуальный аспект	125-132

УДК 334.735:303.4

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1746

Шифр специальности ВАК: 5.4.7

Особенности развития потребительской кооперации в РФ: роль информационного обеспечения

Н.В. Медведева[✉]

Российский государственный социальный университет, Россия, г. Москва

[✉] medvedevanv@rgsu.net

Аннотация. *Актуальность:* в условиях экономического давления и введения антироссийских санкций у потребительской кооперации есть все предпосылки для расширения деятельности в сфере продовольственного обеспечения. При этом наблюдается ситуация, при которой население не всегда осознает и понимает роль потребительской кооперации в развитии страны в новых экономических условиях, а государство недооценивает значимость потребительской кооперации в снабжении населения продовольствием и оказании социальных услуг. Потенциал потребительской кооперации остается невостребованным. *Цель:* определение уровня знаний граждан о потребительской кооперации с учетом региональной дифференциации. Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что от уровня осведомленности населения о потребительской кооперации зависит готовность граждан принимать в ней участие. *Методы:* методы обобщения, анализа документов, сравнительного анализа, анкетный опрос населения (ключевой метод). *Результаты:* выявлена степень осведомленности населения о потребительской кооперации, а также определены приоритетные источники получения информации о ней. *Вывод:* в настоящее время наблюдается средний уровень информированности граждан РФ о потребительской кооперации. Лишь около половины опрошенных осведомлены о данном понятии. Была выявлена зависимость между уровнем знаний респондентов о потребительской кооперации и их желанием принять участие в подобных практиках. Основными источниками получения информации о ней являются официальные СМИ, официальные порталы Центросоюза, социальные сети/цифровые сообщества субъектов потребительской кооперации, а также информационные и новостные порталы, содержащие новости района.

Ключевые слова: потребительская кооперация, потребительский кооператив, сотрудничество, информация, хозяйственная деятельность

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта 01-04/533 по теме «Роль потребительской кооперации Российской Федерации в новых экономических условиях, в том числе, в условиях внешних санкций» (Российский университет кооперации).

Для цитирования: Медведева Н.В. Особенности развития потребительской кооперации в РФ: роль информационного обеспечения // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 2. – С. 1–12. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1746

УДК 334.735:303.4

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1746

Features of consumer cooperation development in the Russian Federation: the role of information support

N.V. Medvedeva✉

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

✉ medvedevanv@rgsu.net

Abstract. Relevance. In conditions of economic pressure and introduction of anti-Russian sanctions, consumer cooperation has all the prerequisites for expanding activities in the food supply sector. At the same time, there is a situation in which the population does not always realize and understand the role of consumer cooperation in the development of the country in the new economic conditions, and the state underestimates the importance of consumer cooperation in supplying the population with food and providing social services. The potential of consumer cooperation remains unclaimed. **Aim.** To identify the level of knowledge of citizens about consumer cooperation, taking into account regional differentiation. The hypothesis of the study is the assumption that the level of awareness of the population about consumer cooperation depends on the willingness of citizens to take part in it. **Methods.** Methods of generalization, document analysis, comparative analysis. The key research method was a questionnaire survey of the population. **Results.** Based on the results of an all-Russian study, the degree of awareness of the population about consumer cooperation was identified, and priority sources for obtaining information about it were identified. The data obtained from the survey allowed us to conclude that currently there is an average level of awareness of Russian citizens about consumer cooperation: only about half of the respondents are aware of this concept. The author has identified the relationship between the respondents' level of knowledge about consumer cooperation and their desire to take part in such practices. The main sources for respondents to obtain information about it are the official media, official portals of the Central Union, social networks/digital communities of consumer cooperation entities, as well as information and news portals containing news from the region.

Keywords: consumer cooperation, consumer cooperative, cooperation, information, economic activity

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of grant 01-04/533 on the topic "The role of consumer cooperation in the Russian Federation in new economic conditions, including in the context of external sanctions" (Russian University of Cooperation).

For citation: Medvedeva N. Features of consumer cooperation development in the Russian Federation: the role of information support. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 2, pp. 1–12. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1746

Введение

Потребительская кооперация предполагает объединение потребителей для осуществления совместной хозяйственной деятельности по оказанию различных социальных услуг и производству необходимой продукции.

В настоящее время в России наблюдается достаточно широкий охват организаций потребительской кооперации – 2300 потребительских обществ в 71 субъекте РФ, которые принимают участие в жизнеобеспечении жителей 89 000 населенных пунктов. При этом в 54 000 поселениях потребительская кооперация является единственным источником получения жизненно важных товаров и услуг, так как там проживает менее 100 человек [1].

Главным звеном в системе потребительской кооперации выступает потребительский кооператив как объединение граждан или организаций для достижения каких-либо общих целей, существующих не для получения максимальной прибыли от торговли, а для увеличения благосостояния каждого члена кооператива. Разнообразие видов деятельности потребительских кооперативов позволяет создавать отраслевые кластеры или имущественные комплексы, использовать возможности для реализации проектов в различных отраслях хозяйства. Новая кооперация должна быть основана на новых принципах управления и организации труда, обладать инновационным потенциалом и аккумулировать ресурсы физических, юридических лиц индивидуальных предпринимателей [2].

В связи с этим важным аспектом для поиска направлений развития потребительской кооперации является оценка населением системы потребительской кооперации в Российской Федерации.

Научный обзор

Потребительскую кооперацию можно рассматривать как низовое звено самоуправления, основанное на принципах самоорганизации и позволяющее объединяться для достижения определенных целей. Об этом свидетельствует трактование данного понятия, раскрытое в федеральном законе от 19.06.1992 № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» (как «система организаций потребительской кооперации, созданных в целях удовлетворения материальных и иных потребностей их членов») [3]. Главным элементом потребительской кооперации выступает потребительский кооператив, который, согласно Гражданскому кодексу РФ, представляет собой «основанное на членстве добровольное объединение граждан или граждан и юридических лиц в целях удовлетворения их материальных и иных потребностей, осуществляемое путем объединения его членами имущественных паевых взносов» [4].

Определение роли потребительской кооперации в развитии территории и общества являются предметом исследования различных ученых. Д.Ю. Рабейкиной и М.Ф. Фридман особо подчеркивается социальная направленность потребительской кооперации «в различных сферах жизни общества, в решении социально-бытовых проблем и снижении социальной напряженности». [5, с. 25]. О.А. Моисеева выделяет роль потребительской кооперации в «пространственном развитии страны, повышении конкурентоспособности национальных экономик и геополитической устойчивости» [6, с. 479]. Е.Г. Решетникова в своей работе акцентирует внимание на необходимости кооперации крупных ритейлов с представителями малого и среднего бизнеса, но при создании жизнеспособных сбытовых кооперативов и усиления институциональной составляющей государственной поддержки [7].

По мнению Н.С. Гужвиной, «потребительская кооперация является необходимым условием обеспечения международного сотрудничества и действенным механизмом осуществления интеграционных процессов» [8]. Важная роль интеграционных процессов в системе потребительской кооперации отмечается и международными исследователями. Так, в работах Arshad Umer, Jun Tang, Xue Jiang, Yan, Wang анализируется пример сотрудничества в сфере сельского хозяйства рамках Китайско-Пакистанского экономического коридора (СРЕС). При этом авторы подчеркивают, что, несмотря на существующие политические риски, низкую конкурентоспособность предприятий, ограниченный обмен информацией, существует большой преобразующий потенциал сельскохозяйственного партнерства [9]. На необходимость обеспечения устойчивости проектов международной кооперации в сфере сельского хозяйства для развития страны указывают Kim Soyoen, Jeong Ahn-Seong [10]. По мнению Dureng Baoyin, роль кооперации между странами (на основе исследования сотрудничества Китая и Монголии) заключается в сокращении масштабов нищеты, повышения продовольственной безопасности, росте сельскохозяйственной экономики [11].

Особая роль принадлежит потребительской кооперации в повышении социально-экономической устойчивости регионов. В статье А.А. Кудрявцева, А.Д. Урядова выделяется высокая зависимость функционирования системы кооперации от финансовой поддержки государства в форме грантов на развитие материально-технической базы кооперативов в Пензенской области. Ими отмечается, что данная мера фактически является единственным стимулом создания и (или) расширения масштабов деятельности кооперативов [12]. В работе А.Р. Набиевой, Р.Р. Минниханова установлено место личных подсобных хозяйств и крестьянских (фермерских) хозяйств в наполнении продовольственных ресурсов во взаимодействии с потребительской кооперацией в Татарстане [13]. Е.А. Плехановой, В.М. Володиным, И.В. Волгиной отмечается вклад потребительской кооперации в формирование оборота розничной торговли Республики Мордовия [14].

В России традиционно потребительская кооперация имела большое значение для развития сельских территорий и АПК. В условиях импортозамещения и экономических санкций она приобретает новые возможности для модернизации аграрного сектора и сельской инфраструктуры. По мнению С.А. Пестрикова, С.А. Черниковой, сегодня необходима новая институциональная парадигма развития сельскохозяйственной кооперации – экосистемная, которая должна базироваться на передовых методах управления самоорганизующихся и саморазвивающихся процессов умной кооперации [15]. Как отмечают в своих работах В.Я. Ахметов, Ф.В. Матинова, одним из перспективных направлений диверсификации и кластеризации экономики депрессивных и дотационных сельских территорий может выступать межмуниципальная и межрегиональная кооперация в сфере этнического предпринимательства [16]. В статье А.А. Максаева и А.В. Ткач подчеркивается необходимость более активного и полного использования имеющихся ресурсов и сети кооперативных заготовительных контор, приемных пунктов потребительских обществ Центросоюза России в субъектах РФ для расширения рынка продовольствия. При этом особая роль принадлежит кооперативным магазинам в сфере закупок сельскохозяйственной продукции у сельского населения, что позволит улучшить материальное положение жителей сельских территорий [17]. По мнению К.В. Павлова и О.В. Котлячкова, потребительская кооперация – единственная торговая система, снабжающая товарами первой необходимости отдаленные и малонаселенные деревни и выполняющая таким образом важную социальную функцию [18]. В публикациях И.П. Чупиной, Н.Н. Симачковой и др. отмечается, что потребительская кооперация в первую очередь ориентируется на нужды членов своих кооперативов и обслуживаемого населения, развивает новые виды деятельности и способствует занятости и повышению доходов сельского населения [19].

Таким образом, анализ рассмотренных научных публикаций показал, что потенциал и возможности потребительской кооперации огромны. Она играет очень важную роль в социально-экономическом развитии регионов, сельских территорий, агропромышленного комплекса, формировании гражданского общества. В условиях антироссийских санкций и новых экономических условиях потребительская кооперация может способствовать повышению качества жизни населения, особенно аграрных территорий. Но при этом недостаточно изученным остается вопрос понимания и восприятия населением роли потребительской кооперации в развитии территории. Потенциал потребительской кооперации может быть невостребованным в связи с тем, что население не видит новых возможностей и преимуществ, связанных с созданием потребительских кооперативов.

Методология исследования

Целью статьи – выявление уровня знаний граждан о потребительской кооперации с учетом региональной дифференциации.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что от уровня осведомленности населения о потребительской кооперации зависит готовность граждан принимать в ней

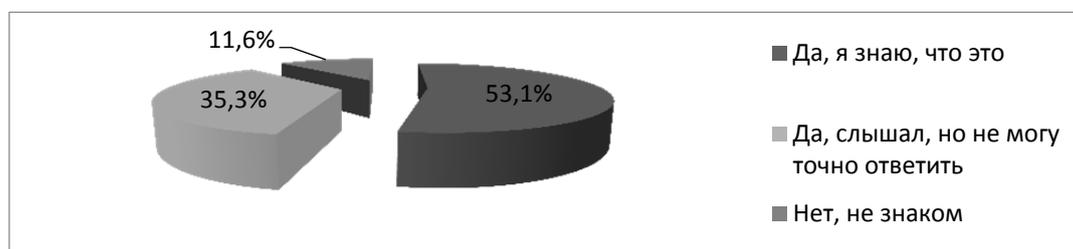
участие. Соответственно, чем выше уровень знаний о потребительской кооперации, тем больше вероятность повышения участия граждан в ней. Можно также предположить, что жители традиционно аграрных регионов больше знакомы с понятием потребительской кооперации. В связи с этим становится необходимым исследование таких аспектов, как уровень осведомленности граждан о потребительской кооперации с учетом региональной специфики и выявление приоритетных каналов информирования по данному вопросу.

Для подтверждения гипотезы и решения поставленных задач были использованы методы обобщения, анализа документов, сравнительного анализа. Ключевым методом исследования выступил анкетный опрос населения, проведенный в 2022 г., на тему «Роль потребительской кооперации Российской Федерации в новых экономических условиях, в том числе, в условиях внешних санкций» (при участии автора). Объем выборочной совокупности составил 4422 респондента, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше, в разбивке по возрастным когортам: 18–29 лет – 1201 (27,1 %); 30–44 года – 1166 (26,4 %); 45–54 года – 644 (14,6 %); 55–64 года – 714 (16,1 %); 65 лет и старше – 689 (15,6 %).

Репрезентативность социологической информации обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени. На первой ступени в рамках этой выборки районирование осуществлялось по федеральным округам Российской Федерации. Вторая ступень выборки включала выделение типичных субъектов РФ в составе каждого федерального округа. Третья ступень выборки: внутри субъектов РФ осуществлялось дальнейшее районирование по городским и сельским типам поселениям [20].

Результаты

Результаты проведенного исследования позволяют отметить средний уровень информированности граждан РФ о том, что такое «потребительская кооперация». Только каждый второй респондент (всего 53,1 %) знаком с данным термином. При этом 35,3 % опрошенных что-то слышали, но не могут точно ответить, что скрывается за «потребительской кооперацией». И практически каждый десятый (всего 11,6 %) гражданин не знаком с данным понятием (рис. 1). Существенных различий в ответах респондентов в зависимости от социально-демографических характеристик не наблюдалось. Большую осведомленность (54,6 %) по данному вопросу проявили жители городов (для сравнения: жители сел 48 %). При этом стоит отметить, что в первую очередь именно сельских жителей необходимо обеспечивать информацией о возможностях потребительской кооперации, так как потенциал сельских территорий значительно выше для ее развития.

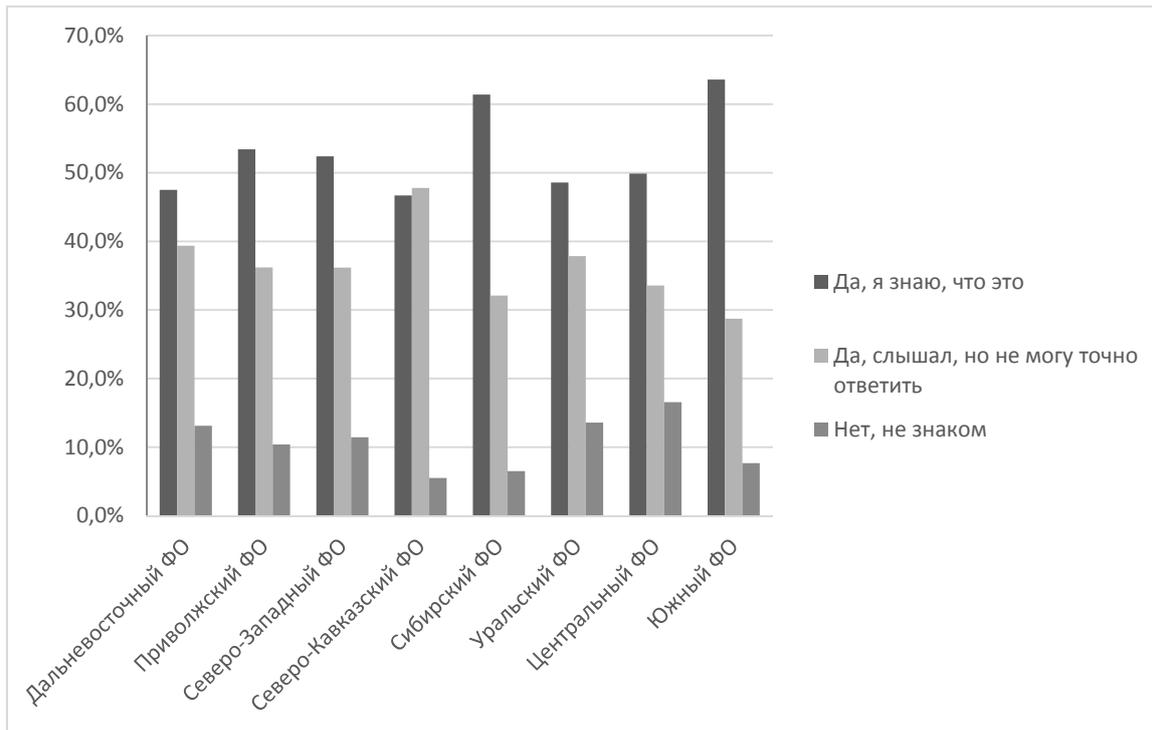

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Знакомы ли Вы с термином “потребительская кооперация”?»

Fig. 1. Distribution of answers to the question: “Are you familiar with the term “consumer cooperation”?”

При анализе степени информированности жителей различных федеральных округов о потребительской кооперации были получены следующие результаты. Уровень осведомленности у респондентов из Южного и Сибирского федеральных округов несколько выше и составляет более 60 %. Наименее слабые знания по данному вопросу продемонстрировали жители Дальневосточного и Северо-Кавказского федеральных округов (47,5 и 46,7 % соответственно) (рис. 2).

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

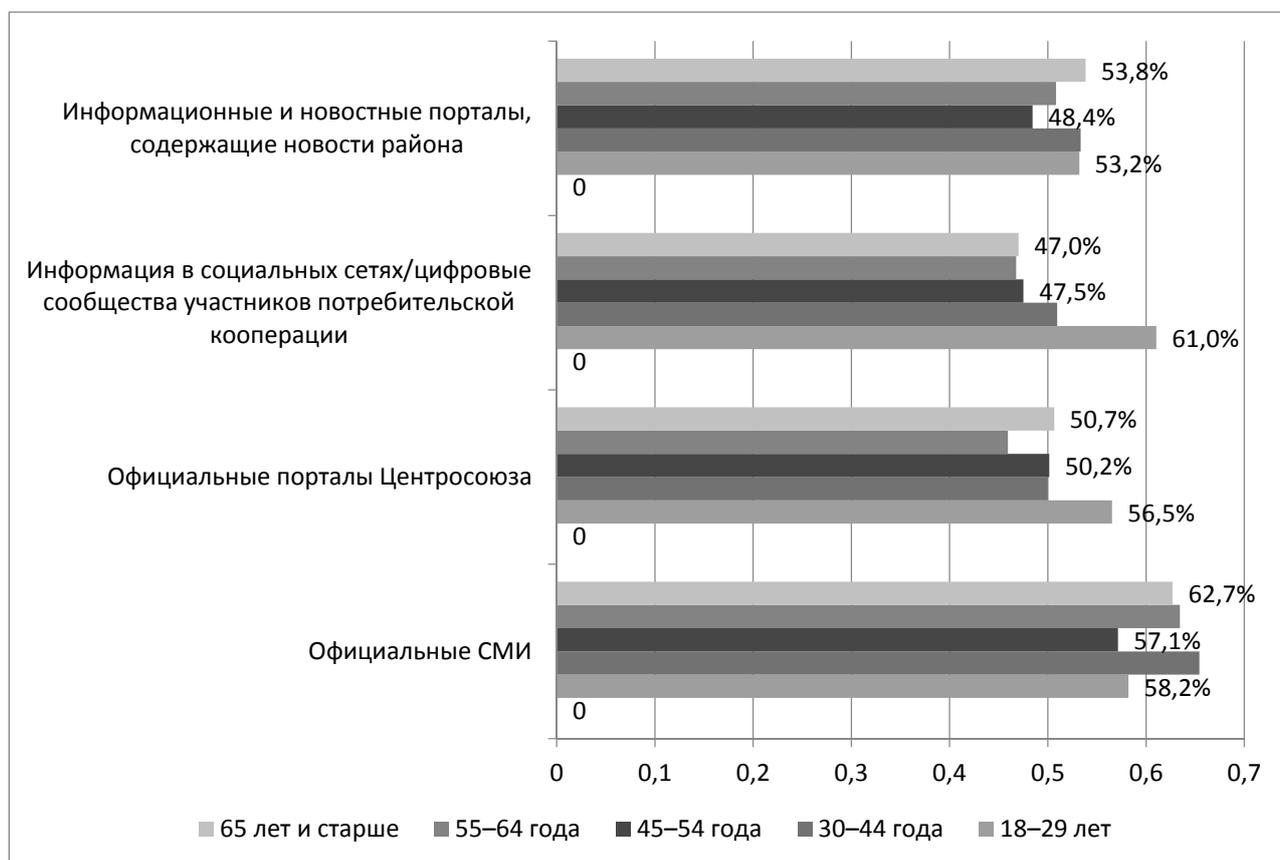
Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Знакомы ли Вы с термином «потребительская кооперация»?» (федеральные округа)

Fig. 2. Distribution of answers to the question: "Are you familiar with the term "consumer cooperation?" (federal districts)

Анализ результатов в различных субъектах РФ показал, что уровень знаний о потребительской кооперации наиболее высокий в таких регионах, как Краснодарский край (77,7 %), Самарская область (66,7 %) и Республика Чувашия (64,7 %), что значительно превышает среднее значение по стране. При этом в Самарской области отсутствуют респонденты, не знакомые с потребительской кооперацией, что свидетельствует об очень высоком уровне информирования населения региона по данному вопросу. Низкая осведомленность о потребительской кооперации наблюдается в таких субъектах РФ, как Республика Крым (34,8 %), Республика Марий Эл (37,5 %).

Данные проведенного опроса свидетельствуют о том, что информацию о потребительской кооперации большинство респондентов получают из официальных СМИ (61,5 %), с официальных порталов Центросоюза (51,2 %), социальных сетей/цифровых сообществ участников потребительской кооперации (51,9 %), а также из информационных и новостных порталов, содержащих новости района (52,2 %).

При этом традиционно информация в социальных сетях/цифровые сообщества субъектов потребительской кооперации более востребована среди респондентов в возрасте 18–29 лет (61 %) и наименее среди лиц пенсионного возраста (47 %), для которых официальные СМИ являются предпочтительным источником информации (рис. 3).

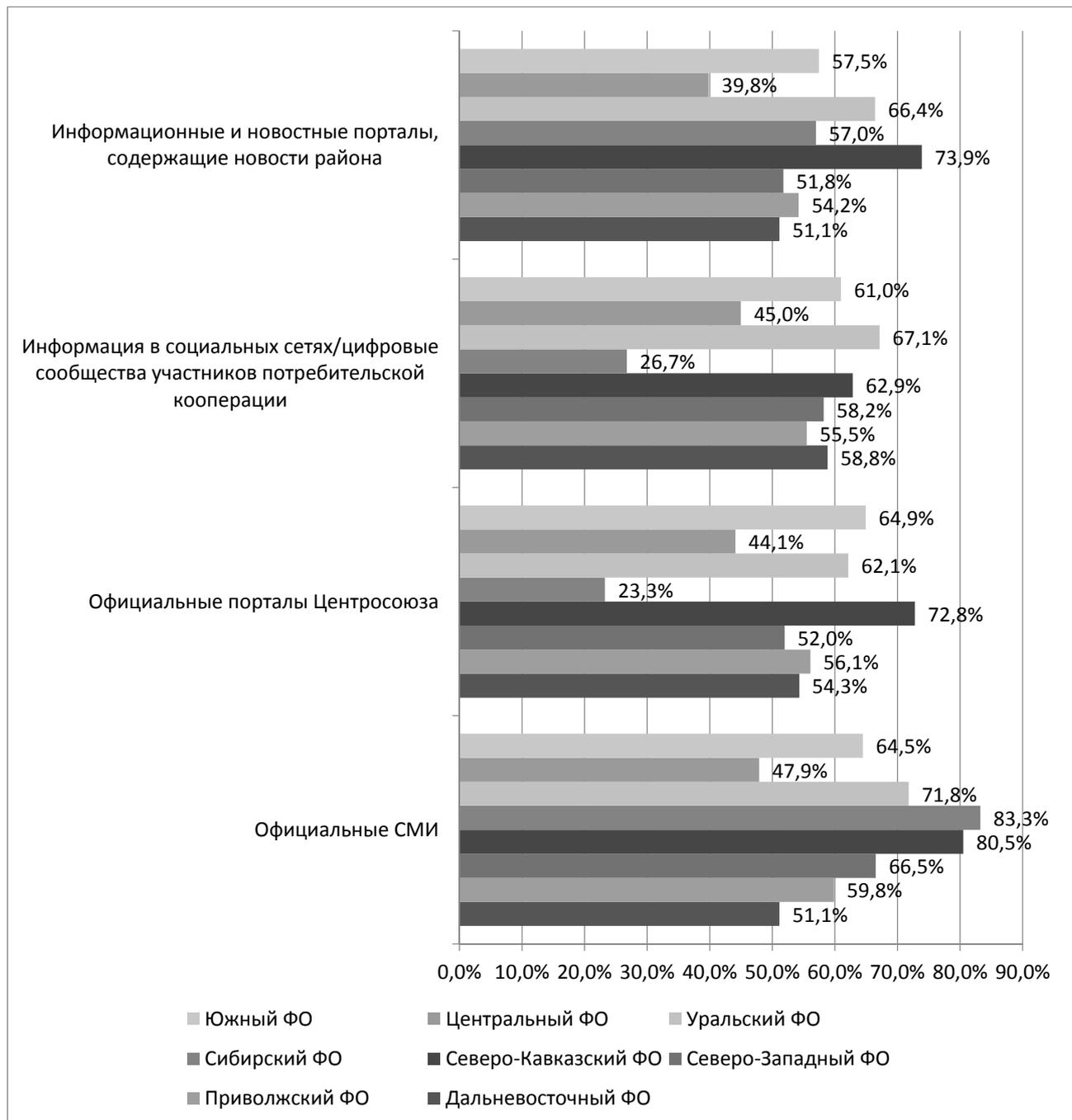
Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 3. Распределение ответа «Да» на вопрос «Встречали ли Вы информацию о потребительской кооперации в следующих источниках?»
Fig. 3. Distribution of the answer "Yes" to the question "Have you seen information about consumer cooperation in the following sources?"

В разрезе федеральных округов мнения респондентов о приоритетных для них источниках получения информации о потребительской кооперации дифференцированы. В частности, официальные СМИ более востребованы среди жителей таких федеральных округов, как Северо-Кавказский и Сибирский, а официальный портал Центросоюза – среди жителей Уральского и Южного федеральных округов. Социальные сети и цифровые сообщества участников потребительской кооперации, а также информационные и новостные порталы, содержащие новости района, являются популярными источниками получения информации среди жителей Уральского, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

Также стоит отметить, что большинство жителей Центрального федерального округа не встречали информации о потребительской кооперации ни в одном из перечисленных источников, а жители Сибирского федерального округа практически не получали ее с официальных порталов Центросоюза и из социальных сетей/цифровых сообществ участников потребительской кооперации. Следовательно, именно в данных федеральных округах наблюдается

достаточно низкий уровень популяризации потребительской кооперации, недостаточно внимания уделяется информированию жителей о ее возможностях и перспективах развития (рис. 4).

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 4. Распределение ответа «Да» на вопрос «Встречали ли Вы информацию о потребительской кооперации в следующих источниках?» (федеральные округа)

Fig. 4. Distribution of the answer "Yes" to the question "Have you seen information about consumer cooperation in the following sources?" (federal districts)

Среди российских регионов, большинство жителей которых встречали информацию о потребительской кооперации во всех представленных источниках, следует выделить Краснодарский край, Республику Башкортостан, Саратовскую область, Ставропольский край и Челябинскую область. При этом есть субъекты РФ, где наибольшая доля респондентов не знакома с информацией о потребительской кооперации: Москва, Московская область, Смоленская область и Республика Крым. Средний уровень популяризации потребительской кооперации наблюдается на информационных и новостных порталах, содержащих новости района в таких регионах, как Республика Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Самарская и Смоленские области.

В результате проведенного анализа было выявлено, что среди тех, кто знаком с основами потребительской кооперации, доля желающих организовать или стать членом потребительского кооператива значительно выше (76,7 %, что на 23 пункта выше среднего значения по РФ). Наблюдается корреляционная зависимость между знаниями в рассматриваемой области и желанием респондентов принять участие в практиках потребительской кооперации. Соответственно, чем выше будет уровень информирования граждан о потребительской кооперации, тем больше доля тех, кто готов стать членом потребительского кооператива.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования позволили определить, что в настоящее время наблюдается средний уровень информированности граждан РФ о потребительской кооперации: лишь около половины опрошенных осведомлены о данном понятии. Была выявлена зависимость между уровнем знаний респондентов о потребительской кооперации и их желанием принять участие в практиках потребительской кооперации. Соответственно, увеличение количества членов потребительских кооперативов возможно посредством усиления информационной политики в сфере потребительской кооперации. Наиболее слабые знания по данному вопросу продемонстрировали жители Центрального, Уральского и Дальневосточного федеральных округов. В связи с этим особого внимания требуют именно данные территории в рамках проведения мероприятий, направленных на разъяснение основ деятельности и популяризацию возможностей потребительских кооперативов.

Органам власти при осуществлении региональной политики необходимо активнее заниматься популяризацией потребительской кооперации с помощью таких источников получения информации, как официальные СМИ, официальные порталы Центросоюза, социальные сети/цифровые сообщества участников потребительской кооперации, а также информационные и новостные порталы, содержащие новости района. Согласно данным проведенного исследования, приоритетным источником являются официальные СМИ, поэтому особое внимание при наполнении информационного контента региональных публикаций и телевидения необходимо уделять вопросам развития потребительской кооперации, практикам создания потребительских кооперативов, демонстрации положительного опыта участия населения в них. В современных условиях приоритетными каналами информирования также становятся социальные сети и цифровые сообщества субъектов потребительской кооперации. В этой связи представители потребительских кооперативов, наряду с органами власти, с помощью различных информационных технологий должны обмениваться опытом, демонстрировать успехи в своей деятельности, чтобы привлекать новых участников. Таким образом, гипотезы подтвердились: наблюдается зависимость между уровнем знаний граждан о потребительской кооперации и готовностью принять в ней участие. При этом жители регионов Южного федерального округа (где преобладают территории с высоким уровнем развития АПК) имеют обширные знания в области потребительских коопераций в отличие от жителей других субъектов РФ.

Заключение

В условиях экономического давления и введения антироссийских санкций у потребительской кооперации есть все предпосылки для расширения деятельности в сфере продовольственного обеспечения. Потребительским обществам и их союзам важно оперативно найти новых поставщиков и покупателей готовой продукции, а гражданам должны быть предоставлены все необходимые товары и услуги. При этом наблюдается ситуация, при которой население не всегда осознает и понимает роль потребительской кооперации в развитии территории, а государство недооценивает значимость потребительской кооперации в обеспечении населения продовольствием и оказании социальных услуг. В результате потенциал потребительской кооперации остается невостребованным. Однако усиление информационной политики со стороны органов власти в сфере потребительской кооперации позволит повысить уровень знаний населения в данной сфере. Особенно это важно для сельских территорий, где развитие сельскохозяйственной кооперации может способствовать повышению качеству жизни граждан.

Список литературы

1. География потребкооперации // Официальный сайт Центросоюза. URL: <https://rus.coop/ru/geography/> (дата обращения 10.01.2024).
2. Шнипыцын И.В. Потребительская кооперация в свете реализации национальных проектов и стратегического развития России в период до 2024 года. – Ижевск: Бизнес Стандарт, 2020. – 22 с.
3. О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации: федер. закон № 3085-1 от 19 июня 1992 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_608/ (дата обращения 12.01.2024).
4. Гражданский кодекс РФ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 12.01.2024).
5. Рабейкин Д.Ю., Фридман М.Ф. Теоретико-правовое обоснование роли потребительской кооперации в развитии гражданского общества // Закон и право. – 2024. – № 1. – С. 25–28. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-1-25-28.
6. Моисеева О.А. Роль кооперации в пространственном развитии аграрного сектора России и стран ЕАЭС // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2022. – Т. 65. – № 5 (389). – С. 479–483. DOI: 10.55186/25876740_2022_65_5_479.
7. Решетникова Е.Г. Трансформация направлений реализации продовольственной продукции в условиях современных вызовов // Московский экономический журнал. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-napravleniy-realizatsii-prodovolstvennoy-produktsii-v-usloviyah-sovremennyh-vyzovov> (дата обращения 12.01.2024). DOI: 10.55186/2413046X_2023_8_2_68.
8. Гужвина Н.С. Роль потребительской кооперации в стабилизации рыночной экономики // Научный альманах. – 2016. – № 1-1 (15). – С. 75–77. DOI: 10.17117/na.2016.01.01.075.
9. Transformative potential: a comprehensive analysis of China-Pakistan agricultural cooperation under CPEC / Arshad Umer, Jun Tang, Xue Jiang, Yan Wang // Journal of Peace and Diplomacy. – 2023. – Vol. 4. – P. 28–60. DOI: <https://doi.org/10.59111/JPD.004.01.042>.
10. Kim Soyoen, Jeong Ahn-Seong. Priority analysis of sustainability influencing factors of international agricultural development cooperation project in Uganda // Korea Association of International Development and Cooperation. – 2023. – Vol. 15. – P. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.32580/idcr.2023.15.3.81>.
11. Dureng Baoyin. Risk identification from the perspective of south-south cooperation –evidence from China and Mongolia agricultural technology cooperation // Journal of Social Sciences and Economics. – 2022. – Vol. 1. – P. 32–39. DOI: <https://doi.org/10.61363/jsse.v1i1.35>.
12. Кудрявцев А.А., Урядов А.Д. Развитие сельскохозяйственных потребительских кооперативов в Пензенской области // International agricultural journal. – 2023. – № 3. – С. 771–787. DOI: 10.55186/25876740_2023_7_3_21.
13. Набиева А.Р., Минниханов Р.Р. Хозяйства населения Республики Татарстан в системе продовольственного обеспечения // Вестник Российского университета кооперации. – 2023. – № 3 (53). – С. 60–68.
14. Плеханова Е.А., Володин В.М., Волгина И.В. Современные тенденции развития отраслей деятельности системы потребительской кооперации Республики Мордовия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 177–187. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-18.

15. Пестриков С.А., Черникова С.А. Финансовые инструменты государственной поддержки императивного развития сельскохозяйственных кооперационных структур // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Экономика». – 2022. – Вып. 3 (305). – С. 70–80. DOI: 10.53598/2410-3683-2022-3-305-70-80.
16. Ахметов В.Я., Матинова Ф.В. Межмуниципальная и межрегиональная кооперация и ее роль в развитии этнического предпринимательства в сельской местности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2022. – Т. 32. – Вып. 6. – С. 961–968. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-6-961-968>.
17. Максаев А.А., Ткач А.В. Основные направления экономической деятельности по потребительской кооперации в инфраструктуре продовольственного рынка на уровне субъектов РФ // Вестник Российского университета кооперации. – 2019. – № 3 (37). – С. 69–78.
18. Павлов К.В., Котлячков О.В. Основные направления и перспективы инновационного развития потребительской кооперации: региональный аспект // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 40–50.
19. Принципы демократического управления в системе потребительской кооперации / И.П. Чупина, Н.Н. Симачкова, Е.В. Зарубина, Л.А. Журавлева, А.В. Ручкин // International agricultural journal. – 2023. – № 1. – С. 224–235. DOI: 10.55186/25876740_2023_7_1_17.
20. Проведение научно-исследовательской работы – репрезентативного социологического исследования, а также дополнительного целевого опроса жителей отдельных субъектов РФ по квотной выборке по теме «Роль потребительской кооперации Российской Федерации в новых экономических условиях, в том числе, в условиях внешних санкций». URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49179863&ysclid=ls0akxfgdu969525724> (дата обращения 12.01.2024).

Информация об авторах

Медведева Наталия Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры современного государственного и муниципального управления факультета экономики и управления Российского государственного социального университета, Россия, 129226, г. Москва, ул. В. Пика, 4, стр. 1; medvedevanv@rgsu.net

Поступила в редакцию: 18.04.2024

Поступила после рецензирования: 23.05.2024

Принята к публикации: 30.06.2024

REFERENCES

1. Geography of consumer cooperation. *Official website of the Central Union*. (In Russ.) Available at: <https://rus.coop/ru/geography/> (accessed 10 January 2024).
2. Shipitsyn I.V. *Consumer cooperation in the light of the implementation of national projects and strategic development of Russia in the period until 2024*. Izhevsk, Business Standard Publ., 2020. 22 p. (In Russ.)
3. *On consumer cooperation (consumer societies, their unions) in the Russian Federation*. Federal Law no. 3085-1 dated June 19, 1992. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_608/ (accessed 12 January 2024).
4. *Civil Code of the Russian Federation*. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed 12 January 2024).
5. Rabeykin D.Yu., Friedman M.F. Theoretical and legal substantiation of the role of consumer cooperation in the development of civil society. *Law and legislation*, 2024, no. 1, pp. 25–28. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-3313-2024-1-25-28.
6. Moiseeva O.A. The role of cooperation in the spatial development of the agricultural sector of Russia and countries of the Eurasian economic union. *International Agricultural Journal*, 2022, vol. 65, no. 5 (389), pp. 479–483. (In Russ.) DOI: 10.55186/25876740_2022_65_5_479.
7. Reshetnikova E.G. Transformation of food products sales directions in conditions of modern challenges. *Moscow Economic Journal*. (In Russ.) DOI: 10.55186/2413046X_2023_8_2_68. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-napravleniy-realizatsii-prodovolstvennoy-produktsii-v-usloviyah-sovremennyh-vyzovov> (accessed 12 January 2024).
8. Guzhvina N.S. The role of consumer cooperative in the stabilization of the market economy. *Scientific almanac*, 2016, no. 1-1 (15), pp. 75–77. (In Russ.) DOI: 10.17117/na.2016.01.01.075.

9. Arshad Umer, Jun Tang, Xue Jiang, Yan Wang. Transformative potential: a comprehensive analysis of China-Pakistan agricultural cooperation under CPEC. *Journal of Peace and Diplomacy*, 2023, vol. 4, pp. 28–60. DOI: <https://doi.org/10.59111/JPD.004.01.042>.
10. Kim Soyeon, Jeong Ahn-Seong. Priority analysis of sustainability influencing factors of international agricultural development cooperation project in Uganda. *Korea Association of International Development and Cooperation*, 2023, vol. 15, pp. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.32580/idcr.2023.15.3.81>.
11. Dureng Baoyin. Risk identification from the perspective of south-south cooperation –evidence from China and Mongolia agricultural technology cooperation. *Journal of Social Sciences and Economics*, 2022, vol. 1, pp. 32–39. DOI: <https://doi.org/10.61363/jsse.v1i1.35>.
12. Kudryavtsev A.A., Uryadov A.D. Development of agricultural consumer cooperatives in the Penza region. *International agricultural journal*, 2023, no. 3, pp. 771–787. (In Russ.) DOI: 10.55186/25876740_2023_7_3_21.
13. Nabieva A.R., Minnikhanov R.R. Farms of the population of the Republic of Tatarstan in the food supply system. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2023, no. 3 (53), pp. 60–68. (In Russ.)
14. Plekhanova E.A., Volodin V.M., Volgina I.V. Modern development trends of the consumer cooperation system branches in the Republic of Mordovia. *University proceedings. Volga region. Social sciences*, 2017, no. 1 (41), pp. 177–187. (In Russ.) DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-18.
15. Pestrikov S.A., Chernikova S.A. Financial instruments of state support for imperative development of agricultural cooperative structures. *Bulletin of the Adyghe State University. Series “Economics”*, 2022, no. 3 (305), pp. 70–80. (In Russ.) DOI: 10.53598/2410-3683-2022-3-305-70-80.
16. Akhmetov V.Ya., Matinova F.V. Intermunicipal and interregional cooperation and its role in the development of ethnic entrepreneurship in rural areas. *Bulletin of the Udmurt University. The series “Economics and Law”*, 2022, vol. 32, Iss. 6, pp. 961–968. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-6-961-968>.
17. Maksaev A.A., Tkach A.V. The main directions of consumer cooperatives economic activity in the infrastructure of the food market at the level of Russia subjects. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2019, no. 3 (37), pp. 69–78. (In Russ.)
18. Kotlyachkov O.V., Pavlov K.V. Main directions and prospects of innovative development of consumer cooperation: regional aspect. *Corporate governance and innovative economic development of the North. Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University*, 2017, no. 4, pp. 40–50. (In Russ.)
19. Chupina I.P., Zarubina E.V., Simachkova N.N., Zhuravleva L.A., Ruchkin A.V. Principles of democratic governance in the system of consumer cooperation. *International agricultural journal*, 2023, no. 1, pp. 224–235. (In Russ.) DOI: 10.55186/25876740_2023_7_1_17.
20. *Conducting research work – a representative sociological study, as well as an additional targeted survey of residents of individual constituent entities of the Russian Federation using a quota sample on the topic “The role of consumer cooperation of the Russian Federation in the new economic conditions, including under external sanctions”*. (In Russ.) Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49179863&ysclid=ls0akxfdgu969525724> (accessed 12 January 2024).

Information about the authors

Natalia V. Medvedeva, Cand. Sc., Associate Professor, Russian State Social University, 4, bld. 1, V. Pik street, Moscow, 129226, Russian Federation; medvedevanv@rgsu.net

Received: 18.04.2024

Revised: 23.05.2024

Accepted: 30.06.2024

УДК 316.7:316.454

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1773

Шифр специальности ВАК: 5.10.1

Укрепление национальной идентичности как значимый фактор благополучия российского общества

М.Н. Кокаревич✉

Томский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, г. Томск

✉kokarevich@mail.ru

Аннотация. Актуальность: усиливающиеся процессы глокализации в современном мире приводят к акцентированию на неповторимости каждого национально-государственного сообщества, что актуализирует обращение к способам укрепления культурной самоидентичности. **Методы:** историко-культурный и историко-философский подходы, методология интерпретации и реконструкции культурных явлений как актуализаций ментального ядра этой культуры. **Цель:** выявить основные механизмы кристаллизации российской идентичности. **Результаты:** показано, что главным механизмом укрепления национальной идентичности является релевантность действий в системе «вызов–ответ» в пространстве межкультурного и межгосударственного взаимодействия, которое базируется на запрете иронизирования над фундаментальными духовно-нравственными и государственными ценностями, на осмыслении роли ментальных доминант понимания, абсолютизма, соборности, доброты как факторов, детерминирующих становление русской и впоследствии российской культуры, на осознании их относительной изменчивости в процессе цивилизационного развития, их функционирования в качестве фильтров, задающих степень восприятия и трансформации культурно-цивилизационных феноменов в пространстве взаимодействия государств-культур. Другим механизмом укрепления национального достоинства становится отчетливое осознание величия многовековой истории России, роли православия как основы национальной самоидентичности, государственности, которая утверждается в соответствии с логикой: одна вера – единый народ – одна земля – единое государство.

Ключевые слова: культура, цивилизация, национальная идентичность, ментальные доминанты понимания, абсолютизма, соборности

Для цитирования: Кокаревич М.Н. Укрепление национальной идентичности как значимый фактор благополучия Российского общества // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 2. – С. 13–22. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1773

UDC 316.7:316.454

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1773

Strengthening of national identity as a significant factor in the well-being of Russian society

M.N. Kokarevich✉

Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation

✉kokarevich@mail.ru

Abstract. Relevance. The increasing processes of glocalization in the modern world lead to the emphasis on the uniqueness of each national-state community that actualizes the appeal to the ways of strengthening self-identity. **Methods.** Historical-cultural and historical-philosophical approaches, methodology of interpretation and reconstruction of cultural phenomena as actualizations of mental core of this culture. **Aim.** To identify the main mechanisms of the crystallization of Russian identity. **Results.** The article shows that the main mechanism for strengthening national identity is the relevance of actions in the "challenge-response" system in the space of intercultural and interstate interaction. The latter is based on the prohibition of irony over fundamental spiritual, moral and state values, on comprehension the role of the mental dominants of understanding, absolutism, conciliarity, kindness as system-forming Russian and, subsequently, sovereign Russian culture, on the awareness of their relative variability in civilizational change, their functioning as filters that set the degree of perception and transformation of cultural-civilizational phenomena in the space of interaction between the states-cultures. Another mechanism for strengthening national dignity is a clear realization of the greatness of our centuries-old history, the role of Orthodoxy as the basis of national self-identity and statehood, implemented in accordance with the following logic: one faith – one people – one land – one state.

Keywords: culture, civilization, national identity, mental dominants of understanding, absolutism, conciliarity

For citation: Kokarevich M.N. Strengthening of national identity as a significant factor in the well-being of Russian society. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 2, pp. 13–22. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1773

Введение

Благополучие в современном мире предполагает формирование принципа толерантности в межкультурных взаимодействиях. Глобализация, которая была долгое время актором всех общественных процессов, заменяется глокализацией, синтезирующей идею унификации в пространстве цивилизации и принцип доминирования локальной национальной идентичности в пространстве культуры. Вместе с тем глобализационные процессы имеют интенцию к подавлению национального самосознания, вестернизации всех сфер общественного развития. Последнее вызывает противодействие со стороны государств-культур, национальных сообществ, утвердившихся и утверждающихся веками и даже тысячелетиями.

Тем самым современное социальное пространство представляет собой сосуществование, соперничество многообразных социокультурных сообществ. Признание факта существования государства как государства-культуры, процессы глокализации формируют акцент на утверждение локальной культурной неповторимости каждой социогосударственной общности. В данной ситуации актуализируется проблема формирования и укрепления национальной самоидентичности, собственного культурно-государственного достоинства. Основными механизмами подобных процессов становятся утверждение адекватных ответов на унижающие национальное достоинство вызовов и усиление интереса к генезису, многовековому развитию своей культуры и государственности. Последнее становится условием самовозвышения, самоуважения, условием кристаллизации собственной значимости. Укрепление национальной самоидентичности становится фактором, как одновременно усиливающим самоуважение, собственное национальное достоинство, так и условием восприятия в качестве такового со стороны других культурно-исторических образований.

Методология исследования

Методологическим базисом настоящего исследования является культур-философский подход. Его основные принципы следующие: культура представляет собой сосуществование отдельных культурно-исторических типов; каждый культурно-исторический тип есть целостность всех культурных форм, которая задается их реконструкцией как воплощением системы ментальных доминант, инвариантного ядра каждой культуры; религия – та форма

культуры, в рамках которой аккумулируется вся полнота культурных ценностей [1–9]; значимая роль культурного контекста задает реальность – государство-культуру [10]; культура представляет собой воплощение человеческих потребностей, существующих как цивилизационные потребности (в организации хозяйственной жизни, в безопасности, социальной организации и т. п.) и собственно культурные (в красоте, вере, общении, осмыслении своих отношений с миром, познании), что задает структуру культуры как единство цивилизации, основанной на системе посясторонних ценностей (благо, социальные институты, условия и средства выживания и т. п.) и культуры, нацеленной на служение трансцендентальным ценностям или идеалам (Бог, Красота, Истина и т. п.) [11].

Результаты исследования

Реализация механизмов укрепления национальной самоидентичности обусловлена повышением уровня детерминации культурным контекстом экономической, политической, всех видов социальной деятельности. Существенными принципами самоутверждения национального достоинства, формирования высокой самооценки каждой культурно-исторической общностью становятся укрепление культурно-исторического самосознания путем жестких и адекватных ответов на вызовы, являющиеся актом пренебрежения, неуважения к той или иной культуре. Примером подобного ответа является запрет на деятельность Дольче и Габбана в Китае из-за того, что в рекламе, созданной для продвижения товаров этой фирмы, товарного знака оказались сцены ироничного отношения к китайским традиционным ценностям, традициям. Смысл рекламного ролика, изображающего красавицу-китайку в попытке приспособить палочки к поеданию огромного бифштекса, состоял в том, что и палочки, и все другое должно быть отброшено ради европейских товаров, европейского прогресса. Такое явное пренебрежение к традиционной культуре и вызвало адекватный ответ – полный запрет на продвижение своей продукции известным дизайнерам. Аналогично был выигран судебный иск к Дому Диор из-за того, что, по мнению китайской стороны, девушка, рекламирующая дамскую сумочку от Диор, не соответствовала национальному идеалу женской красоты.

Интерпретация иронии как пренебрежения свойственна далеко не всем культурам, однако в Китае ей нет места, она тождественна, скорее, издевательствам. Известен факт, насколько были возмущены китайские товарищи, когда им пытались объяснить, что строка «Мой дядя самых честных правил ...» вносит ироническую интонацию в портрет дядюшки главного героя. Их реакция была такова – нам не нужна поэма, в которой издеваются над пожилым человеком. Впоследствии инцидент был исчерпан, но перевод был таков: «Мой дядя – твердолобый и заскорузлый».

Категория иронического имманентно присуща российскому эстетическому дискурсу. Однако стоит последовать примеру китайской культуры на табу смеяться над государственными институтами, традициями. Представляется, что произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.В. Гоголя и многих русских замечательных писателей, в которых так едко высмеивали, в частности, власть, способствовали ее свержению, поскольку она становилась такой смешной и нелепой, что уважать и испытывать к ней пиетет становилось абсурдным. Этот прием задевали еще софисты. Действительно, смех сводит то, над чем смеются, и того, над которым смеются с пьедестала уважения. Софисты первыми это ясно осознали, и потому многие знаменитые софизмы («Рогатый» и т. п.) использовались, чтобы поставить, например, оратора в нелепое положение смешного человечка, а потому речь его уже не воспринималась как значимая, весомая. Аналогично сатирические образы государственных чиновников превращали «государственных мужей» в «неприглядных личностей».

Тем самым сосуществование и взаимодействие различных государств-культур реализуется в поле «вызов–ответ». Практика межгосударственной, политической коммуникации веками складывается таким образом, что на каждый вызов государство получает адекватный, симмет-

ричный ответ. С утверждением весомой роли культурного контекста в деятельности каждого государства принцип симметричности и адекватности должен распространяться на все виды социальных взаимоотношений. Необходимым условием релевантности ответа является принцип самоутверждения собственного национального достоинства, которое укрепляется и за счет табу как минимум на иронизирование по поводу государственных институтов.

Онтологическим основанием взаимодействия государств-культур по типу «вызов–ответ» является ментальное ядро культуры, система ее ментальных доминант. Русская культура как понимающая культура зачастую не дает адекватного по силе и жесткости ответа. Возможно, наступает время таких ответов. Акцент на понимании, несомненно, нивелирует силу ответной реакции, превращая девятый вал негодования в мягкую волну порицания. От российского государства привычно ожидают жестов доброй воли, но в настоящее время они могут быть только ответными как в политической, так и экономической сферах. Вместе с тем доминанта понимания, которая воплощается, в частности, в правиле не входить со своим уставом в чужой монастырь, как ментальная черта русской культуры должна быть осознана, должны быть очерчены ее границы, поняты ситуации, когда она воспринимается другими культурами как проявление слабости. Понимание всегда должно сопровождаться принципом недопустимости унижения национального достоинства.

Действительно, ментальное ядро культуры задает границы и глубину восприятий отдельных феноменов, предложений, их трансформацию. Особенно отчетливо данный принцип прослеживается в современном пространстве сосуществования государств-культур. Так возникает исламский банкинг, сочетающий банковскую деятельность, без которой немислимо развитие экономики, с исламским запретом на ростовщичество, вклады под проценты, финансирование производства алкоголя и т. п. Доминанта понимания расширяет границы допустимости иных культурных форм, правил. В сочетании с другой ментальной доминантой русской культуры – абсолютизмом – это приводит не просто к естественному восприятию на фоне критического анализа, но к возвышению, восхищению, привносимым из другой культуры. Абсолютным становится восхищение западноевропейской культурой.

Примером является мода на все привнесенное из Европы после победоносного похода русской армии на Париж. Русским дворянам гордиться бы собой, своей славой, а вместо этого все затемняет жажда понимания и принятия. Окончательно входит в русский дворянский быт елка как атрибут рождественских праздников. При этом первые елки вывозили из Германии и украшали с русским абсолютизмом, размахом – золотом, драгоценными камнями. Отметим, что каждой эпохе свойственно свое прочтение доминант понимания и абсолютизма. Восхищение западноевропейской культурой особенно усилилось во времена Петра I. Он первым пытается привнести в русскую культуру обычай ставить елку на рождество, но сильный славянский контекст с его отождествлением ели и смерти ставит четкие границы восприятию и трансформации данного феномена в атрибут кабаков. Европеизации в эту эпоху подвергаются практически все области культуры. Утверждается дендизм в моде, в образе жизни дворянского сообщества, что воплощается в необходимости созидания комфортного и удобного жилья, в требовании европейского изящества в одежде, сочинения эпиграмм, критики правительства, православия, крепостничества и т. п.

Яркий пример абсолютистского прочтения западных ценностей, культуры в целом – западничество П.Я. Чаадаева. Он обвиняет православие в утверждении раболепия, унижает русскую культуру, российскую государственность, говоря, что образование отечественное – самое странное и жалкое в мире и нет у России собственного пути развития, что русские как нация не способны к глубокомыслию, к постоянству, в русской крови есть что-то враждебное и отталкивающее жажду к совершенствованию, что русский мир существует лишь для того, чтобы преподать самый пугающий урок всему миру, а в семье цивилизованных, европейских народов «Россия – особое явление, в ее прошлом – рабство и варварство, раболепное

подражание другим народам, их идеям, культуре», а также нет у русских своего стержня, а только способность к заимствованию, да и то в худшей форме [12].

В последующем традиция абсолютного отвержения, критицизма сохраняется и в XX в. Н.А. Бердяев, один из авторов национальной идеи, называет российское государство бессмысленным и бессловесным царством, а интеллигенцию – «монашеским орденом со своей особой нетерпимой моралью». Поэтому русской интеллигенции, по Н.А. Бердяеву, присущ и фанатизм, и идолопоклонничество, и максимализм, то есть все разновидности абсолютного прочтения веры, отношения к государственной власти и многому другому [13].

Такой же абсолютно негодующей, гневной, понимающей и отрицающей была реакция славянофилов на западнические сентенции П.Я. Чаадаева. Славянофильство отстаивает самобытность русской культуры, ее пути развития. Православие провозглашается религией безмерной любви и свободы, высочайшей доброты, по сравнению с которой западноевропейское прочтение добра – это средний стандарт. Политические институты Западной Европы позиционируются как нечто чужеродное российскому обществу. Главное, что Запад эксплицируется как ложная и безнравственная цивилизация, в которой моральность заменена подчинением праву и государству.

Ментальная доминанта понимания в контексте абсолютизма, таким образом, приводит к беспредельно пиететному отношению, в частности к западным культурным формам и идеям. Отметим, что абсолютизм является фоном восприятия и прочтения практически всей окружающей культурно-исторической реальности русской культурой. Так, понимание доброты существует как необходимость раствориться в милосердии даже к врагам по примеру Бориса и Глеба, называвших своих убийц милыми и любимыми братьями и не противившихся им. Другой образец абсолютно понимания добра как нищелюбия дают герои В.О. Ключевского («Добрые люди Древней Руси»). Так, Ульяна Устиновна Осорьина обшивала сирот, постоянно раздавала нищим милостыню, во времена трехлетнего голода при царе Борисе продала все, что было из имущества, чтобы кормить всех обращающихся за помощью и сама дошла до такой бедности, что ей и в церковь стало не в чем выйти [14].

Абсолютное понимание добра приводит к утверждению категории святых – страсто-терпцы. Жалеть так, что сразу причислить к лику святых многих невинно умерших и убитых. Эти и многие другие примеры задают высокие образцы духовно-нравственного поведения, деятельности, которые вызывают глубочайшее уважение. Однако, например, Ф.М. Достоевский восхищается поступком мужиков, которые переводят по собирающемуся треснуть весеннему льду барыню к заболевшей дочке. Жаль заболевшую девочку, жаль мать до такой степени, что они рискуют своей жизнью, а у каждого свои дети, но абсолютная отзывчивость заставляет жертвовать собой, а ведь заболевший ребенок окружен заботой, не одинок, не умирает.

Абсолютизм как ментальная доминанта приводит и к утверждению аскетизма, как полного пренебрежения к земному, материальному благополучию, комфорту. Отсюда, с одной стороны, истинно русское прочтение архитектоники церковных крыш, а именно характерная для православного храма золотая луковица, венчаемая крестом, обозначающая пламя свечи и призывающая сгореть как свечка во имя любви к Богу, отвергнув все земное. С другой стороны, аскетизм определяет специфику экономики, материальной жизни. Он приводит и к распространению юродства (юродивый надевает на себя личину сумасшедшего, чтобы своим видом и поступками показывать низменность забот о материальных благах), а главное – к пренебрежению изобретением и производством бытовой техники, служащей ценностям комфорта и благополучия и т. п.

Доминанта абсолютизма задает понимание жизни как следование идеалу, а потому заботы и цели реальной повседневной жизни, не совпадающие со служением идеалам, понимаются как мелочные, низменные. При этом абсолютизм возводит нравственные ценности на вер-

шину идеального. Однако такая высота нравственных идеалов оказывается настолько недосягаемой, что зачастую приводит к отказу совершенствования. Можно согласиться с Ф.М. Достоевским, который утверждал, что «нет такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок ... Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а потому чем бы он желал стать. А идеалы его сильны и святы...» [15, с. 144]. Еще одним воплощением абсолютизма является поляризованность настроений и действий, предпочтение крайностей, отказ от золотой середины, широта русской души, которую, по мнению Ф.М. Достоевского, следовало бы сузить. Продолжая эту мысль, можно сказать, что следовало бы в рамках цивилизационной деятельности ориентироваться на земные ценности: благополучие, успех и т. п.

Понимая, что методология социогуманитарного познания – реконструкция и интерпретация культурно-исторической реальности, автор отдает себе отчет в некоторой схематизации и субъективности акцентирования на определенных аспектах русской культуры. В вышеприведенном культур-теоретическом анализе отмечена амбивалентность ментальных детерминант русской культуры, выделены положения, которые в соответствии с современными реалиями необходимости развития экономики, социальной сферы должны быть нивелированы, адаптированы к современности. При этом реалии исторического развития способствуют увеличению степени релевантности ментальных детерминант. Например, абсолютное, отрицающее, горячее западничество П.Я. Чаадаева совсем не похоже на современную его форму – либерализм. Возможно, следует прислушаться к сентенции о необходимости включаться в культурно-историческую реальность заметно, с силой: «Жить – это значит постоянно отбрасывать от себя то, что хочет умереть; жить – это значит: быть жестоким и беспощадным ко всему, что становится слабым и старым в нас, и не только в нас» [16, с. 81]. Здесь речь идет о человеке, укреплении его экзистенции. Однако и культура, и человек аналогичны в том аспекте, что у каждой из этих сущностей есть душа, экзистенциальное ядро, система своих онтологических мировоззренческих принципов. Данный призыв отвечает современным реалиям мировой политики и практики сосуществования государств-культур в контексте усиления взаимодействия при сохранении национальной самоидентичности, национального достоинства. Он также предполагает поворот к более критичному отношению к доминантам понимания и абсолютизма.

Таким образом, основным механизмом укрепления русской идентичности становится формирование адекватных ответов на унижающие культурное достоинство вызовы. Последнее может быть реализовано путем поворота к запрету над иронизированием по поводу государственных институтов, отчетливого осознания роли ментального ядра культуры, с присутствующими ему доминантами понимания и абсолютизма, в качестве фильтра, задающего как границы и глубину восприятия тех или иных феноменов других культур, так и степень понимания и принятия иных культурных форм в процессе взаимодействия государств-культур.

Другой механизм – формирование интереса и глубокого понимания культурно-исторических особенностей генезиса и развития российской культуры и государственности, такого понимания, чтобы каждый мог повторить пушкинское: «Два чувства дивно близки нам – В них обретает сердце пищу – любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам. На них основано от века, по воле Бога Самого самостоянье человека, залог величия его. Животворящая святыня! Без них душа была б пуста. Без них наш тесный мир – пустыня, душа – алтарь без божества».

Представляется, что глубокое проникновение в душу русской культуры означает понимание ее ментального ядра и, прежде всего, доминанты православной соборности, организующей целостность уже российской культуры, российского государства-культуры. Эту ментальную доминанту вычленил и определил А.С. Хомяков. Для него и всех последующих представителей русской идеи соборность – это единство людей, которое основано на любви

к Богу, к Христу, к Божьей Правде. При этом данная детерминанта исходит из понимания того, что верующих объединяет искренняя, свободная любовь к Иисусу, а значит, и церковь как объединение множества верующих представляет собой не простое единство людей, а единение свободных в своей любви к Богу личностей. Именно православное христианство реализует идею соборности [17]. Отсюда сложившиеся в русской религиозной философии представления о том, что католическая церковь – единство без свободы, а протестантизм – свобода без единства.

Оба образа единства – католическое и православное – сравнил Ф.И. Тютчев:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью ...
Но мы попробуем спаять его любовью –
А там увидим, что прочней ...»

Соборность означает, только православная церковь, представляющая собой единство верующих и их пастырей, может быть носителем Правды, Совести, Божественной истины. Такой прерогативой не может обладать ни Вселенский собор, ни патриарх. Ярким воплощением соборности становится крестьянская община, которая принимает все решения сообща, всем миром и руководствуется принципами совести и справедливости. Поэтому данная ментальная доминанта считается единственным принципом всех форм социальной и политической жизни и исходит из понимания человеческой природы как двойственной: духовной и физической. Отсюда вытекает понимание двухуровневого человеческого бытия – собственно соборного и общественного. Данные уровни составляют единство духовного, содержание которого обусловлено служением данному идеалу, и общественного, которое, являясь воплощением духовного, задает живое общество.

Именно соборность, по мнению Д.И. Ильина, задает основания выстраивания и существования многонационального российского государства. Согласно его доводам, категория «русские» изначально предполагает идею объединения многочисленных народов в единое государство, возможность и прочность которого исходит из православной соборности с присутствием ей принципами понимания, веротерпимости. Следовательно «русские» – единственное название нации, существующее в форме прилагательного и обозначающее отношение к народам Руси, России [18]. Тем самым православие становится стержнем объединения многих народов, населяющих российское государство.

Отметим, что эта ментальная доминанта имманентна и славянской культуре, являющейся одним из источников российской духовности. Родством славянской и православной ментальности можно объяснить и выбор православной модификации христианства славянами-русичами. В частности, идея соборности прослеживается в славянских «братчинах». А.В. Карташов замечает, что князь Владимир всей душой хотел, чтобы все принявшие святое крещение чувствовали свое единство, что у них «одно сердце и одна душа». Его пиры были действием единения, в котором каждый мог участвовать. Для тех, кто не мог прийти за угощением, снаряжали телеги с едой, которые под возглас «Где больные, где нищие, не могущие ходить» объезжали город. Неудивительно, что православие определяется как историческая форма соборности.

Славянофилы возвышают данную идею в качестве основной православной ценности, означающей объединение всех на основе любви к Божьей Правде и Справедливости. Представляется, что соборностью можно объяснить факт существования многонационального государства в форме Руси, Российской империи, СССР, современной России. Как было отмечено, в самом понятии «русские» заключена идея собирания народов в единое государство-культуру, ставшее возможным в силу религиозно воспринятых принципов соборности и понимания, обеспечивающих толерантные отношения в пространстве российской культуры и цивилизации.

Тем самым механизм укрепления российской национальной идентичности предполагает отчетливое осознание собственной культуры как православной по своей сущности, поскольку все составляющие русской идеи, культурного ментального ядра – соборность, абсолютизм, аскетизм, доброта – имманентны православию. Православие, задающее духовно-нравственные ориентиры, становится лоном, вбирающим многие этносы и преобразующим их в русских, а также основой для собирания княжеств, земель в единое государство-культуру. Более того, принятие православия было обусловлено самоочевидностью «того редкостного и огромного факта», что принимаемая славянами-русичами новая вера имеет привлекательное национальное языковое обличье, по определению А.В. Карташова [19].

Впоследствии защита православной веры как бытийного основания российского культурного кода всегда была и остается значимой государственной целью. Так было в период правления Александра Невского, противостоящего рыцарям с их миссией крестового похода. Отстаивание православной государственности всегда вплеталась в политику русских князей, царей. Несомненно, этому способствовало и наделение охранной грамотой Батыем церкви в лице митрополита Кирилла. Эта грамота впоследствии пролонгировалась. Поэтому церковь и строила русский мир. Известны многие эпизоды отстаивания православной бытийной основы русского государства-культуры. В частности, как возможность потерять отечество было воспринято русскими князем Василием Васильевичем подписание митрополитом Исидором Флорентийской унии. После этого события Исидор был заключен в монастырь и впоследствии изгнан, а русское духовенство стало выдвигать митрополитов из своей среды, а не из греческой иерархии, запятнавшей себя вероотступничеством.

Русский мир как культурно-этническая общность также утверждался в контексте православия. Это происходило и в процессе монастырской колонизации, когда монастыри становились пунктами притяжения и заселения земель, формируя культурно-этническую общность путем трансляции православных ценностей. Здесь огромную роль играли такие личности, как Сергей Радонежский, который, по высказыванию В.О. Ключевского, своими мыслями и делами создавал православное единство. Реконструируя Куликовскую битву и ее причины, историки соглашались с тем, что люди шли в бой защищать православную веру от Мамаю, который хотел истребить христиан. Евразийцы подчеркивают, что через Мамаю католики-генуэзцы хотели хозяйничать на русских землях, и Сергей Радонежский, благословляя князя Дмитрия на битву, призывал не дать доступ католикам на Русь. Эта битва стала определяющим событием в формировании православной культурно-этнической общности. Действительно, как отмечает В.О. Ключевский, если на битву шли москвичи, владимирцы, суздальцы, то вернулись русские люди уже в Москву, Владимир, Суздаль как города одной земли.

Впоследствии перенос митрополичьей кафедры Иваном Калитой в Москву сделал ее центром православия, а поскольку в глазах людей церковь всегда была защитницей Руси в Орде, то и на Московское княжество эта функция была перенесена. Поэтому именно Москва и начала прирастать землями. Например, тверичане открыли ворота московскому князю и т. п. Таким образом, православие было и является основанием для формирования русского и российского культурно-этнического и государственного единства.

Вывод

Таким образом, многовековое развитие российской социокультурной общности – это прежде всего укрепление православия с присущей ему доминантой соборности в качестве бытийного основания национальной самоидентичности. Последнее становится базисом единения народов России и фундаментом построения собственной государственности, реализуемой в соответствии с логикой: одна вера – одна супернация – одна земля – единое государство. Поэтому осознание данного обстоятельства должно стать основанием для формирования национального достоинства как следствия понимания собственной неповторимости, ве-

личия многовековой истории, а потому и значимости своей государственности и культуры, и восприятия в качестве таковой другими государствами-культурами. Понимание православия как онтологической сущности русской культуры и государственности может стать концептуальным основанием нового курса «Основы российской государственности».

Другим механизмом укрепления национальной идентичности становится формирование адекватных ответов на вызовы, возникающие в пространстве межкультурного и межгосударственного взаимодействия. Релевантность ответов становится фактором перманентного культурно-цивилизационного самовозвышения и самоуважения, которое эксплицируется в контексте принятия запрета на иронизирование над фундаментальными духовно-нравственными и государственными ценностями. Симметричность ответов базируется и на осмыслении роли ментальных доминант понимания, абсолютизма, соборности, доброты как факторов, системообразующих русскую культуру и впоследствии российскую, на осознании их относительной изменчивости в процессе цивилизационного развития, их функционирования в качестве фильтров, задающих степень восприятия и трансформации культурно-цивилизационных феноменов в пространстве взаимодействия государств-культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шпенглер О. Закат Европы. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
2. Кребер А. Культура. Критический анализ концепций и дефиниций. – М.: Прогресс, 1992. – 278 с.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постмодерну / пер. с фр. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427–457.
4. Кнабе Г.С. Строгость науки и безбрежность жизни // Вопросы философии. – 2001. – № 8. – С. 112–124.
5. Светлов В.А. Конфликт поколений как эволюционная проблема // Научные труды SWORLD. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 4–7. DOI: 10.21893/2410-6720-2016-44-5-005.
6. Кравченко О.А. Концептуализация модели научной коммуникации и процессах межкультурного взаимодействия (на примере БРИКС): дис. ... канд. филос. наук. – Курск, 2017. – 181 с.
7. Карасик В.Н. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
8. Архангельский А. Матрица русской культуры: Миф? Двигатель модернизации? Барьер? – М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2012. – 216 с.
9. Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: ОГИ, 1999. – 208 с.
10. Кокаревич М.Н. Доминанта культурной индивидуальности как норма сосуществования государств-культур в современную эпоху // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2022. – Т. 45. – № 2. – С. 94–104.
11. Кокаревич М.Н. Культурная детерминированность цивилизационных феноменов // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. – Вып. 2 (18). – 2012. – С. 84–92.
12. Чаадаев П.Я. Философические письма. Апология сумасшедшего. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 254 с.
13. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
14. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М.: Правда, 1991. – 624 с.
15. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – М.: Современник, 1989. – 557 с.
16. Ницше Ф. Веселая наука. Злая мудрость. – М.: Эксмо, 2010. – 528 с.
17. Хомяков А.С. Всемирная задача России. – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – 784 с.
18. Ильин И.А. О России. Три речи. URL: http://www.golden-ship.ru/_ld/10/1077_163.htm (дата обращения 27.02.2024).
19. Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1992. – 686 с.

Информация об авторах

Кокаревич Мария Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета, Россия, 634003, г. Томск, пл. Соляная, 2; kokarevich@mail.ru

Поступила в редакцию: 05.03.2024

Поступила после рецензирования: 17.04.2024

Принята к публикации: 30.06.2024

REFERENCES

1. Shpengler O. *The decline of Europe*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Mysl Publ., 1993. 663 p. (In Russ.)
2. Kreber A. *Culture. Critical analysis of concepts and definitions*. Moscow, Progress Publ., 1992. 278 p. (In Russ.)
3. Kristeva Yu. Bakhtin, word, dialogue and novel. *French semiotics: from structuralism to postmodernism*. Ed. by G.K. Kosikov. Moscow, Progress Publ., 2000. pp. 427–457. (In Russ.)
4. Knabe G.S. The rigor of science and the vastness of life. *Voprosy filosofii*, 2001, no. 8, pp. 112–124. (In Russ.)
5. Svetlov V.A. Generational conflict as an evolutionary problem. *Scientific works SWORLD*, 2016, vol. 5, no. 3, pp. 4–7. (In Russ.) DOI: 10.21893/2410-6720-2016-44-5-005.
6. Kravchenko O.A. *Conceptualization of the model of scientific communication in the processes of intercultural interaction (on the example of BRICS)*. Cand. Diss. Kursk, 2017. 181 p. (In Russ.)
7. Karasik V.N. *Language matrix of culture*. Moscow, Gnozis Publ., 2013. 320 p. (In Russ.)
8. Arkhangelskiy A. *The matrix of Russian culture: a Myth? Upgrade engine? Barrier?* Moscow, Council on Foreign and Defense Policy Publ., 2012. 216 p. (In Russ.)
9. Malinovskiy B. *Scientific theory of culture*. Moscow, OGI Publ., 1999. 208 p. (In Russ.)
10. Kokarevich M.N. Dominant of cultural personality as a norm of the States-Cultures coexistence in the Modern era. *Journal of wellbeing technologists*, 2022, vol. 45, no. 2, pp. 94–104. (In Russ.) DOI: 10.18799/26584956/2022/2.
11. Kokarevich M.N. Cultural determinacy of civilizational phenomena. *Bulletin of TSU. Philosophy. Sociology. Political science*, 2012, no. 2 (18), pp. 84–92. (In Russ.)
12. Chaadaev P.Ya. *Philosophical letters. Apology of a madman*. Moscow, ACT Publ., Astrel Publ., 2011. 254 p. (In Russ.)
13. Berdyaev N.A. *Origins and meaning of Russian communism*. Moscow, Science Publ., 1990. 224 p. (In Russ.)
14. Klyuchevskiy V.O. *Historical portraits. Figures of historical thought*. Moscow, Pravda Publ., 1991. 624 p. (In Russ.)
15. Dostoevsky F.M. *Writer's diary*. Moscow, Contemporary Publ., 1989. 557 p. (In Russ.)
16. Nietzsche F. *Fun science. Evil wisdom*. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 528 p. (In Russ.)
17. Khomyakov A.S. *Russia's global task*. Moscow, Institute of Russian Civilization. Blessing, 2011. 784 p. (In Russ.)
18. Ilin I.A. About Russia. Three speeches. (In Russ.) Available at: http://www.golden-ship.ru/_ld/10/1077_163.htm (accessed 27 February 2024).
19. Kartashov A.V. *Essays on the history of the Russian church*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, TERRA Publ., 1992. 686 p. (In Russ.)

Information about the authors

Maria N. Kokarevich, Dr. Sc., Professor, Head of the Philosophy and History Department, Tomsk State University of Architecture and Building, 2, Solyanaya square, Tomsk, 634003, Russian Federation; kokarevich@mail.ru

Received: 05.03.2024

Revised: 17.04.2024

Accepted: 30.06.2024

УДК 316.346.32-053.9:364.2:330.59
DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1782
Шифр специальности ВАК: 5.2.1

Система долговременного ухода как фактор улучшения социально-экономического положения пенсионеров и инвалидов в РФ

Д.В. Некипелова✉

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, г. Москва

✉ dvnekipelova@fa.ru

Аннотация. Увеличение доли населения пенсионного возраста в демографической структуре России обостряет вопросы обеспечения достойного уровня и качества жизни таких граждан. На первый план выходят аспекты не только материального обеспечения (хотя и оно находится на не очень высоком уровне относительно международных стандартов), но и аспекты обеспечения качественного медицинского обслуживания, заботы, помощи и, при необходимости, ухода. **Цель:** оценить влияние развития системы долговременного ухода на социально-экономическое положение лиц пенсионного возраста. **Методы:** сравнительный анализ, анализ статистических данных, контент-анализ, обобщение и синтез данных. **Результаты:** доля лиц пенсионного возраста увеличивается, а их материальное состояние ухудшается. Для того чтобы сохранить достойный уровень жизни после достижения пенсионного возраста, многим пенсионерам приходится продолжать работать. При этом по мере старения у людей развиваются возраст-ассоциированные заболевания, последствиями которых являются необходимость обеспечения таким гражданам дополнительной помощи, заботы и даже ухода. Данные услуги оказываются в рамках действующей системы здравоохранения и по линии органов социальной защиты, однако статистические данные говорят об очень низком уровне охвата пенсионеров такими услугами и достаточно высоким спросом на них. Основная нагрузка по уходу ложится на трудоспособных родных и близких, что сказывается на их занятости. Реализация в отдельных регионах страны пилотного проекта по внедрению системы долговременного ухода дала положительные результаты в виде улучшения физического и психоэмоционального состояния как получателей таких услуг, так и их родственников, осуществляющих уход. Таким образом, сделан **вывод** о важности развития системы долговременного ухода как постоянной части социального обеспечения пожилых граждан с целью повышения качества и уровня жизни не только пожилых людей, но и их семей.

Ключевые слова: долговременный уход, социальные услуги, пенсионеры, инвалиды, реабилитация, геронтология

Благодарности: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Некипелова Д.В. Система долговременного ухода как фактор улучшения социально-экономического положения пенсионеров и инвалидов в РФ // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 2. – С. 23–36. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1782

UDC 316.346.32-053.9:364.2:330.59
DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1782

Long-term care system as a factor in improving the socio-economic situation of pensioners and disabled people in the Russian Federation

D.V. Nekipelova[✉]

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

[✉]dvnekipelova@fa.ru

Abstract. The increase in the share of the retirement age population in Russian demographic structure aggravates the issues of ensuring a decent standard and quality of life for such citizens. Aspects of not only material support come to the fore (although this is not at a very high level relative to international standards), but also aspects of providing quality medical service, solicitude, assistance and, if necessary, long-term care. **Aim.** To assess the impact of the development of a long-term care system on the socio-economic status of people of retirement age. **Methods.** Comparative analysis, statistical data analysis, content analysis, generalization and synthesis of data. **Results.** The proportion of people of retirement age is increasing, and their financial condition is worsening. To maintain a decent standard of living after reaching retirement age, many pensioners must continue working. At the same time, as people age, age-associated diseases develop, the consequences of which are the need to provide such citizens with additional assistance, solicitude and even long-term care. These services are provided to citizens within the framework of the current health care system and through social protection authorities, however, statistical data indicate a very low level of coverage of pensioners with such services and a high demand for them. The main burden of care falls on able-bodied relatives and friends, which affects their employment. The implementation of a pilot project in certain regions of the country to introduce a long-term care system has yielded positive results in the form of improvement in the physical and psycho-emotional state of both recipients of such services and their relatives providing care. Thus, a conclusion was made about the importance of developing a long-term care system as a permanent part of the social security of older citizens to improve the quality and standard of living, not only for them, but also for their families.

Keywords: long-term care, social services, pensioners, disabled people, rehabilitation, gerontology

Acknowledgments. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state assignment of the Financial University.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Nekipelova D.V. Long-term care system as a factor in improving the socio-economic situation of pensioners and disabled people in the Russian Federation. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 2, pp. 23–36. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1782

Введение

Вопрос повышения качества жизни лиц пенсионного возраста не раз вставал на повестке дня на самом высоком государственном уровне. Надо отметить, что в сложившихся условиях, как демографических, так и экономических, решение этого вопроса имеет немало аспектов. В первую очередь, разумеется, финансовый аспект, ведь исполнение социальных обязательств государства требует серьезных материальных затрат, а поиск источников финансирования лежит в плоскости поиска компромисса между повышением налоговой нагрузки и увеличением социальных расходов. Между тем, согласно Конституции РФ (ст. 7) [1], Россия

является социальным государством и в рамках реализации этой функции немаловажной видится необходимость обеспечения достойного уровня жизни лиц старшего возраста (пенсионеров по старости), в том числе с установленной группой инвалидности (инвалидов). Подобные задачи отражены и в ряде отдельных документов – указах Президента РФ и распоряжениях Правительства РФ, в которых предусмотрены такие пункты, как увеличение продолжительности жизни до 78 лет [2], достижение устойчивого роста реальных доходов граждан и роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции [3] и в целом формирование условий для использования знаний, опыта, потенциала граждан старшего возраста, проявление заботы о таких гражданах и оказание им необходимой помощи [4].

Результаты исследования

Заметной демографической тенденцией последних десятилетий не только в России, но и во многих странах мира, является увеличение численности граждан пенсионного возраста, или проблема старения населения. Так, в России доля лиц старше 65 лет за последние 50 лет увеличилась вдвое и в 2023 г. составила 16,5 %, а по прогнозу Росстата через 10 лет вырастет до 26 % [5]. Уже сегодня пенсионеров в РФ около половины от числа тех, кто находится в трудоспособном возрасте. По состоянию на 1 января 2023 г. на учете в Фонде пенсионного и социального страхования РФ стоит 41 775 тыс. пенсионеров, из них 34 266 тыс. – это пенсионеры по старости и 2133 тыс. – пенсионеры по инвалидности, еще 3361 тыс. – социальные пенсионеры¹ [6]. Таким образом, более 95 % пенсионеров – граждане, утратившие трудоспособность по возрасту или инвалидности, оставшиеся 5 % — это получатели государственной пенсии, пенсии по потере кормильца и других видов государственного пенсионного обеспечения. В целом становится понятно, что речь идет об исполнении социальных обязательств перед значительной частью населения РФ, материальное положение которых в наибольшей степени или даже полностью зависит от пенсионных выплат.

Средний размер назначенной пенсии по старости в 2023 г. составил 20678,5 руб., по инвалидности – 12539,5 руб., что эквивалентно 167,3 и 87,2 % соответственно от размера общефедерального прожиточного минимума (для пенсионеров по своей категории, для инвалидов на душу населения) [7]. Вместе с тем коэффициент замещения пенсией по старости утраченного заработка в последние годы находится на уровне менее 30 % [8], при рекомендованных Международной организацией труда (МОТ) не менее 40 % [9]. Таким образом, уровень материального обеспечения пенсионеров нельзя назвать высоким. Кроме того, сложившиеся условия рынка труда и особенности государственной системы пенсионного страхования формируют дополнительные предпосылки для усиления тенденции снижения уровня материального благосостояния лиц пенсионного возраста в дальнейшем [10]. Поэтому присутствует необходимость для тех граждан, кто способен продолжать трудовую деятельность, искать занятость и выходить на рынок труда. В противном случае пенсионеры по старости при завершении трудовой деятельности могут столкнуться с резким падением уровня жизни. Так, по официальным данным статистики (см. таблицу) численность работающих пенсионеров в 2023 г. составила около 8 млн чел., что соответствует около 19 % от общей численности пенсионеров в РФ. Но это данные об официальной занятости, при этом есть основания полагать, что эта цифра может быть гораздо выше с учетом неформального сектора рынка труда.

---

¹ Граждане, не имеющие на момент установления инвалидности или достижения пенсионного возраста, необходимого страхового стажа и суммы страховых взносов для назначения страховой пенсии. Размер их пенсионного обеспечения равен величине прожиточного минимума пенсионера.

Таблица. Занятость пенсионеров по старости и инвалидности
Table. Employment of old-age and disability pensioners

Год/Year	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Численность работающих пенсионеров, чел. Number of working pensioners, people	14917,0	15259,0	9883,0	9669,0	9667,0	9315,0	8891,0	8513,0	7912,0
Доля работающих пенсионеров от общей численности пенсионеров, % Share of working pensioners from the total number of pensioners, %	36,0	35,7	22,9	22,2	22,0	21,4	20,7	20,3	18,9
Доля дохода от занятости в структуре доходов пенсионеров по старости, % Share of income from employment in the structure of income of old-age pensioners, %	39,7	40,3	39,3	38,7	38,3	38,4	38,6	41,7	н/д
Доля дохода от занятости в структуре доходов пенсионеров по инвалидности, % Share of income from employment in the structure of income of disability pensioners, %	14,2	10,7	11,7	12,3	11,9	9,8	11,9	14,9	н/д

Источник: составлено автором по данным [11–13].

Source: compiled by the author based on data [11–13].

В динамике с 2015 г. наблюдается снижение численности работающих пенсионеров почти в 2 раза. При этом доля дохода от занятости в общей структуре доходов домохозяйств, состоящих из пенсионеров, составляет не менее 40 % и не демонстрирует тенденции к снижению. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что такая динамика отнюдь не означает падение интереса к занятости и отсутствие потребности в ней для обеспечения дополнительного дохода среди российских пенсионеров. Возможно, ответ лежит в плоскости временно действующих мер по ограничению, даже приостановке, индексации размера пенсионного обеспечения на уровень потребительской инфляции тех пенсионеров, кто официально трудоустроен² [14]. Примечательно, что тенденция снижения численности официально занятых пенсионеров наблюдается именно после 2016 г., когда были введены ограничения, что и позволяет сделать такой вывод. Таким образом, будучи занятыми в неформальном секторе, пенсионеры по старости и по инвалидности могут получать выгоды как от индексации пенсионных выплат, так и от занятости в виде дополнительного дохода. Никаких стимулов быть занятым на формальной основе при этом у российских пенсионеров не остается, ведь они уже накопили необходимые параметры для назначения страховой пенсии по старости (стаж и сумму взносов). С этого момента быть занятым неофициально, очевидно, более выгодно, чем продолжать работать в секторе формального рынка труда.

Однако закономерно, что способность трудиться определяется физическим и психоэмоциональным состоянием граждан. Так, после 60 лет около 40 % граждан, то есть почти каждый второй, испытывают умеренную боль или дискомфорт, а также умеренную тревогу или депрессию, а каждый пятый имеет трудности с обычной повседневной деятельностью. После 65 лет у почти каждого третьего возникают трудности в повседневной деятельности, а после 70 лет – уже у каждого второго (рис. 1).

² Мера касается только получателей страховых пенсий по старости, которые продолжают официально работать. Гражданам, получающим пенсии по государственному пенсионному обеспечению, в том числе социальные пенсии, индексация сохранена.

Источник: составлено автором по данным [15].
 Source: compiled by the author based on [15].

Рис. 1. Распределение численности граждан по состоянию здоровья и возрастным группам, в % от общей численности возрастной категории
Fig. 1. Distribution of the number of citizens by health status and age groups, as a percentage of the total number of age categories

Таким образом, способность трудиться сохраняется у пожилых людей только на ранней стадии пенсионного возраста и далее постепенно угасает, учитывая функциональные изменения в организме человека. При этом по данным Росстата в 2022 г. средняя продолжительность трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста в России составляла около 7,5 лет и увеличилась за последние годы почти на год [16], однако на фоне повышения законодательно установленного пенсионного возраста этот срок может в дальнейшем сокращаться. С 2019 г. в России поэтапно повышается законодательно установленный пенсионный возраст. Так, с 2025 г. мужчины будут выходить на пенсию в 65 лет, женщины – в 60 [17]. В случае если гражданин не накопил необходимого количества индивидуальных пенсионных коэффициентов и страхового стажа, то ему будет назначена социальная пенсия по старости, размер которой равен величине прожиточного минимума пенсионера, а возраст выхода на пенсию составляет 70 лет для мужчин и 65 – для женщин.

Согласно классификации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) для лиц старшего возраста выделяют следующие периоды: пожилой (60–74 лет), старческий (75–89 лет) и возраст долгожителей (90 лет и старше) [18]. Численность граждан в возрасте 60–74 лет в 2022 г. в России составляла 26 245 тыс. чел., в возрасте 75–89 лет – 13 915, в возрасте 90 лет и старше – 586 [19]. Таким образом, наблюдается резкое сокращение количества граждан в старческом возрасте по сравнению с пожилым (почти в два раза) и еще более резкое сокращение долгожителей по сравнению с количеством граждан в старческом возрасте (почти в 24 раза).

В Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года [20] для целей Стратегии с учетом особенностей продолжительности жизни, состояния здоровья и пенсионной системы граждан старшего поколения условно классифицируют иначе:

- с 60 до 64 лет – достаточно активные в экономическом и социальном плане граждане, продолжающие осуществлять трудовую деятельность;
- с 65 до 80 лет – люди менее активные, многим из которых требуется медицинская помощь и социальные услуги;
- граждане старше 80 лет – люди, как правило, имеющие множественные проблемы со здоровьем и зачастую нуждающиеся в уходе и помощи.

Поэтому в целом возможность продолжать трудиться существенно ограничена для лиц пенсионного возраста, особенно с учетом его повышения. Согласно приведенной классификации, после 65 лет способность к труду у человека сокращается, а потребность в дополнительной помощи и уходе возрастает, что создает новые вызовы в плане материального обеспечения для лиц старшего возраста и их семей. Кроме того, продолжение трудовой деятельности после наступления пенсионного возраста как вынужденная мера наносит еще больший вред здоровью пожилых граждан. Ведь если бы такой необходимости не было, пенсионеры могли бы качественно проводить свое время на заслуженном отдыхе, а продолжать трудиться исключительно по личному желанию и исходя из состояния здоровья. Представляется, что такой подход положительным образом отразится на качестве и продолжительности жизни пожилых граждан [21].

Рассмотрим и другой аспект, связанный с ухудшением здоровья в пенсионном возрасте. В общей структуре численности инвалидов в РФ доля лиц старше 60 лет составляет более 60 % и показывает тенденцию к росту [22]. При выявлении стойких расстройств функций организма граждане могут оформить инвалидность и получать дополнительные выплаты и социальные гарантии. В зависимости от степени выраженности стойких расстройств функций организма, возникших в результате заболеваний, последствий травм или дефектов, гражданину, признанному инвалидом, устанавливается I, II или III группа инвалидности, при этом инвалидность I группы устанавливается на 2 года, II и III группы – на 1 год, а при обнаружении у гражданина заболевания, дефектов, необратимых морфологических изменений, нарушений функций органов и систем организма, указанных в разделе IV Постановления Правительства РФ от 05.04.2022 № 588, инвалидность устанавливается без срока переосвидетельствования. Таким образом, инвалиды I группы нуждаются в постоянном уходе (помощи, надзоре), не могут себя обслуживать и тем более работать в обычных условиях, инвалиды II группы не нуждаются в постоянном уходе или помощи, но также не могут работать в обычных условиях, а инвалиды III группы могут работать, но для этого им нужны специальные условия труда. В зависимости от группы инвалидности различается и размер пенсионного обеспечения. В 2024 г. базовый размер социальной пенсии по инвалидности составляет для инвалидов I группы – 14 306,73 руб., инвалидов II группы – 7153,33 руб., инвалидов III группы – 6080,38 руб.

Однако следует отметить, что при наступлении пенсионного возраста и наличии инвалидности граждане могут получать только один вид пенсионного обеспечения, получать оба вида пенсионного обеспечения – и пенсию по старости, и пенсию по инвалидности – могут только отдельные категории граждан, такие как: граждане, ставшие инвалидами вследствие военной травмы; участники Великой Отечественной войны; граждане, награжденные знаком «Жителю блокадного Ленинграда» [23].

Кроме пенсионного обеспечения отдельным категориям пенсионеров по старости и пенсионерам по инвалидности положена ежемесячная денежная выплата (ЕДВ) и набор социальных услуг (НСУ), который включает в себя санаторно-курортное лечение, обеспечение лекарственными препаратами, бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транс-

порте, а также на междугородном транспорте к месту лечения и обратно. По желанию гражданина НСУ частично или полностью может быть заменен на денежную компенсацию в рамках ЕДВ [24].

Основными причинами инвалидности в России являются болезни системы кровообращения (35,4 %) и злокачественные новообразования (12,2 %). В остальном структура общего накопленного контингента инвалидов в Российской Федерации на 01.01.2023 по классам болезней была следующей:

- болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (7,9 %);
- психические расстройства и расстройства поведения (7,8 %);
- последствия травм, отравлений (4,3 %);
- болезни нервной системы (4,1 %);
- болезни глаза (3,6 %);
- болезни эндокринной системы (2,6 %);
- другие болезни (22,1 %).

Болезни системы кровообращения наиболее распространены среди лиц пожилого возраста, в том числе и как причина первичной инвалидности, а спектр нарушений основных функций ассоциируется с комплексом нарушения жизнедеятельности [25]. По мнению медиков, в борьбе с последствиями таких заболеваний немаловажным является профилактика, заключающаяся в популяризации здорового образа жизни и повышении реабилитационной культуры лиц с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Результаты медицинских исследований также говорят о наличии тесной взаимосвязи между образом жизни пожилых пациентов, имеющих в анамнезе сердечно-сосудистые заболевания и онкозаболевания, их профессиональной деятельностью и психоэмоциональными особенностями [26].

Исходя из этого можно сделать вывод, что важной частью достойной жизни лиц старшего возраста, особенно с инвалидностью и нарушением автономности³, является медицинское обеспечение, оказание своевременной помощи и надлежащий уход. Согласно закону о социальном обслуживании, социальные услуги предоставляются их получателям на дому, в полустационарной или стационарной форме. Социальные услуги предоставляются бесплатно, если среднедушевой доход получателя социальных услуг ниже полуторной величины прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ (ст. 31) [27]. Судя по количеству социальных пенсионеров (рис. 2) и количеству получателей социальных доплат к пенсии с целью доведения уровня материального обеспечения пенсионера до величины прожиточного минимума (рис. 3), на социальную помощь на бесплатной основе могут претендовать как минимум 9,6 млн пенсионеров. При этом нужно отметить, что количество таких пенсионеров в совокупности имеет тенденцию к умеренному росту. Одновременно с этим, согласно данным Росстата, более 90 % лиц старше трудоспособного возраста не состоят на социальном обслуживании в органах социальной защиты. Этот показатель высок и среди пенсионеров, имеющих установленную группу инвалидности и составляет 89 %. Из пенсионеров с инвалидностью только треть получают социальные услуги, почти половина таких пенсионеров ранее состояли на учете в органах социальной защиты населения, но в настоящее время не обслуживаются, еще около 15 % стоят на очереди в органах социальной защиты. Самой распространенной формой социального патронажа является надомное посещение, а среди видов услуг наиболее распространены социально-бытовые и социально-медицинские. По условиям оплаты большая часть пенсионеров (68,7 %) получают услуги бесплатно, 26 % – на условиях частичной оплаты за счет собственных средств и только 5 % – полностью оплачивают их самостоятельно [28].

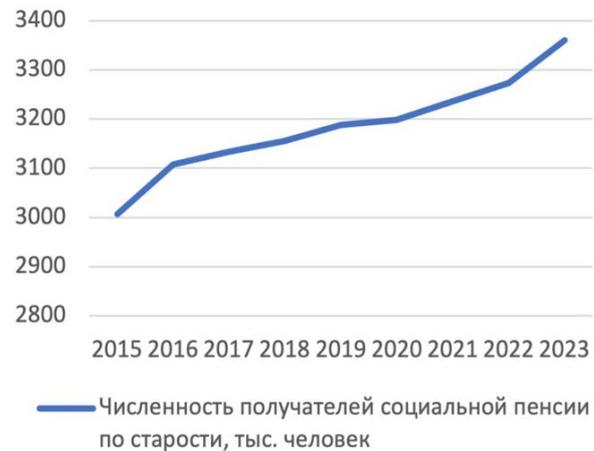
³ Под автономностью понимается независимость от посторонней помощи и способность самостоятельно принимать решения.

Источник: составлено автором по данным [7].
Source: compiled by the author based on data from [7].

Рис. 2. Динамика численности получателей социальной пенсии по старости в 2015–2023 гг.

Fig. 2. Dynamics of the number of recipients of social old-age pension in 2015–2023

Источник: составлено автором по данным [29].
Source: compiled by the author based on data from [29].

Рис. 3. Динамика численности получателей социальных доплат к пенсии по старости с целью доведения ее до величины прожиточного минимума в РФ в 2015–2023 гг.

Fig. 3. Dynamics of the number of recipients of social supplements to the old-age pension in order to bring it to the subsistence level in the Russian Federation in 2015–2023

При этом анализируя структуру получения на дому медицинских и санитарно-гигиенических услуг в 2023 г., можно сделать вывод, что основным источником их предоставления для пенсионеров по старости, в том числе имеющих установленную группу инвалидности, являются родные и знакомые: 71,2 % респондентов указали этот источник. И только 24,6 % получают необходимые услуги по уходу от медицинского персонала и социальных работников. Примечательно, что для лиц, почти или полностью прикованных к постели, более чем в 90 % случаев уход осуществляют родные и знакомые [30].

Помимо ухода и помощи лицам пенсионного возраста требуются услуги особых медицинских специалистов. Поскольку кроме существенных функциональных расстройств, приводящих к инвалидности у пожилых граждан, развиваются возраст-ассоциированные заболевания, к которым относятся: старческая астения, деменция, делирий, депрессия, синдром поведенческих и психических нарушений у пациентов с деменцией, остеопороз, саркопения, функциональные нарушения, снижение мобильности, нарушение равновесия, головокружение и др. [31].

В медицине наука, которая изучает процесс старения организма и связанные с этим биологические, социальные и психологические аспекты, называется геронтология, а болезни – геронтологическими синдромами. Геронтология использует междисциплинарный подход, подразделами геронтологии являются гериатрия, геронтогигиена, геронтопсихология и социальная геронтология [32]. В настоящее время медико-социальная помощь пенсионерам оказывается в рамках государственной системы медицинского обеспечения. Однако особенностью пожилых больных является то, что при большинстве заболеваний они не могут выздороветь и им необходимо длительное протезирование функций организма, надомный уход или психологическая помощь. При этом медики отмечают спрос на такие услуги с одновременным сокращением необходимого медицинского персонала и соответствующей инфраструктуры. Так, например, Л.П. Хорошинина описывает ситуацию, при которой пожилому человеку для получения направления к врачу-гериатру необходимо прийти на прием к врачу-

терапевту, на который отведено по нормативам 12 минут, а диагностика старческой астении по нормам Минздрава РФ занимает минимум 75 минут [33]. Очевидно, что регламенты государственной системы здравоохранения порой не учитывают особенности пожилых граждан, что, в свою очередь, вносит дисбаланс в работу медицинских учреждений и создает затруднения для медицинского персонала, а пенсионеры могут быть недовольны качеством медицинских услуг.

В развитых странах граждане старших возрастов получают необходимое социальное обслуживание и уход в рамках программ частного страхования по долговременному уходу [34]. В России система долговременного ухода (СДУ) начала внедряться в виде пилотного проекта в рамках национального проекта «Демография». С 2018 г. количество регионов-участников ежегодно увеличивалось, и в 2024 г. программа распространила свое действие на все субъекты РФ. Финансирование программы осуществляется в основном за счет средств федерального бюджета на условиях выделения субсидий региональным бюджетам (софинансирование). И только отдельные регионы финансировали пилотную программу полностью за счет собственных средств, а в настоящее время это делает только г. Москва. При этом, по оценкам различных ведомств, чтобы реализовать программу по развитию СДУ на территории всей страны необходимо от 300 до 600 млрд руб. ежегодно [35]. На реализацию пилотного проекта за весь период с 2019 по 2024 г. было выделено 10,1 млрд руб. из средств федерального бюджета, или примерно от 1,5 до 3,5 % от необходимой ежегодно суммы.

В качестве положительных результатов реализации СДУ в пилотных регионах можно отметить:

- развитие образовательных программ для медицинского персонала и родственников, осуществляющих уход;
- создание пунктов проката средств реабилитации;
- увеличение количества геронтологических кабинетов в поликлиниках;
- предоставление возможности лицам, осуществляющим уход быть занятыми официально с оплатой услуг;
- улучшение физического и психоэмоционального состояния пациентов и их родственников, осуществляющих уход.

Так, например, в 2021 г. пилотный проект по созданию системы долговременного ухода реализовывался в 24 регионах России: Республиках Бурятия, Мордовия, Татарстан, Алтайском, Забайкальском, Камчатском, Приморском, Ставропольском краях, Амурской, Волгоградской, Воронежской, Кемеровской, Кировской, Костромской, Нижегородской, Новгородской, Новосибирской, Рязанской, Самарской, Тамбовской, Тульской, Тюменской, Ульяновской областях, городе Москве, в которых охват СДУ составил 108,7 тыс. чел. (это оценивается как 23,9 % от общего числа граждан, нуждающихся в долговременном уходе, однако не уточняется в масштабах указанных регионов или в масштабах всей страны). При реализации СДУ предпочтение отдается надомной форме обслуживания: из 108,7 тыс. чел. свыше 80 тыс. чел. (76 %) обслуживались именно в этой форме, что, по мнению автора, является правильным и позволяет получателям услуг, в том числе одиноко проживающим, оставаться в привычной обстановке и снизить уровень стресса. Кроме того, более 2 тыс. членов семей, осуществляющих родственный уход, получили возможность вернуться на работу, а свыше 7 тыс. чел. смогли сохранить рабочие места за счет сторонней помощи в уходе за своими родными. Вместе с тем в пилотных регионах было создано 408 «Школ ухода», в которых обучено свыше 23 тыс. чел., в том числе осуществляющих родственный уход, а также открыт 361 пункт проката технических средств реабилитации (ТСР), в которые обратились 16,7 тыс. чел. Также в организациях социального обслуживания дополнительно создано порядка 4,7 тыс. рабочих мест для предоставления социальных услуг по уходу. При этом объем финансирования в 2021 г. из средств федерального бюджета составил около 1,8 млрд руб. [36].

Одной из основных задач пилотного проекта было выработать различные механизмы СДУ, в том числе в части трудоустройства граждан, осуществляющих родственный уход, межведомственного взаимодействия, подбора и обучения персонала, выявления граждан, испытывающих потребность в уходе и методологии определения индивидуального уровня их нуждаемости в уходе. Важным итогом реализации пилотной программы является утверждение в соответствии с Приказом Минтруда России от 27.12.2023 № 895 «О реализации в Российской Федерации в 2024 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе» Типовой модели СДУ, где зафиксированы основные положения распространения СДУ в регионах РФ.

Таким образом, учитывая объем финансирования и цели реализации пилотного проекта, можно сказать, что они были достигнуты. Однако комплексное внедрение СДУ на всей территории страны требует выработки механизма стабильного финансирования, который в настоящее время не определен. В то же время, если программа будет распространена, как и предполагается, на всей территории страны, это, безусловно, самым положительным образом отразится на качестве жизни граждан пенсионного возраста, инвалидов и их семей. Во-первых, это позволит формализовать родственный уход, так как ухаживающие члены семей смогут либо трудоустроиться в качестве социальных работников и осуществлять уход на формальной основе, либо получают помощь по уходу со стороны социальных служб и смогут продолжать свою трудовую деятельность без отрыва и ущерба для материального положения всей семьи. Во-вторых, организация пунктов проката технических средств реабилитации (ТСП) позволяет снизить издержки по данной статье расходов для домохозяйств. В настоящее время пенсионеры, которым требуются ТСП, но у которых не установлена группа инвалидности, не могут претендовать на бесплатное их получение и вынуждены приобретать их за счет собственных средств. В-третьих, СДУ позволит охватить заботой и необходимой помощью одиноко проживающих пенсионеров, которые по различным причинам не могут получать родственный уход, что, учитывая низкий уровень материального обеспечения, характеризующийся, в том числе, ростом численности социальных пенсионеров и получателей социальных доплат к пенсии, может быть жизненно важным, поскольку такие граждане не могут позволить себе оплачивать услуги сиделок.

Заключение

Несомненно, внедрение и развитие СДУ на всей территории РФ является важным аспектом повышения качества и уровня жизни лиц пенсионного возраста. На фоне увеличения численности лиц пенсионного возраста необходимо не только развивать возможности для их занятости, но и создавать условия для достойной жизни тех, кто уже не может трудиться по состоянию здоровья и нуждается в дополнительной помощи и уходе. Такая система сможет повысить эффективность государственной системы здравоохранения, поскольку она учитывает потребности именно возрастных граждан. Кроме того, развитие СДУ снизит нагрузку на семьи в связи с необходимостью осуществления долговременного ухода и позволит избежать выпадения из рынка труда значительной части специалистов, а также приведет к созданию новых рабочих мест для младшего медицинского персонала и социальных работников. Ввиду сокращения уровня материального обеспечения пенсионеров было бы целесообразно предоставить им дополнительный источник помощи и поддержки, устранив существующие препятствия на пути к их получению. Как цель это видится перспективным, однако требует поиска источников финансирования, что является предметом для дальнейших изысканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 01.02.2024).
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения 01.02.2024).
3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»: указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 01.02.2024).
4. Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/ (дата обращения 01.02.2024).
5. В России доля населения в возрасте 65 лет и старше увеличилась вдвое за последние 50 лет. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18031025> (дата обращения 08.02.2024).
6. Общая численность пенсионеров в РФ // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_2.1.docx (дата обращения 05.02.2024).
7. Численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров в Российской Федерации // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SP_2.2.docx (дата обращения 05.02.2024).
8. Основные показатели пенсионного обеспечения в Российской Федерации // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_2.3.docx (дата обращения 05.02.2024).
9. Конвенция МОТ о минимальных нормах социального обеспечения № 102. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c102_ru.pdf (дата обращения 01.02.2023).
10. Некипелова Д.В. Развитие бедности среди российских пенсионеров: тенденции, предпосылки, качественный и количественный анализ // Труд и социальные отношения. – 2023. – Т. 34. – № 5. – С. 146–158.
11. Уровень и структура денежных доходов домашних хозяйств, состоящих из пенсионеров, в Российской Федерации // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SP_2-12.xlsx (дата обращения 05.02.2024).
12. Численность работающих пенсионеров, состоящих на учете в системе Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации, по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров в Российской Федерации. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sp_2.4.docx (дата обращения 05.02.2024).
13. Уровень и структура денежных доходов домашних хозяйств, состоящих из инвалидов // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pi_3.4.xlsx (дата обращения 05.02.2024).
14. О страховых пенсиях: федер. закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ (дата обращения 05.02.2024).
15. Выборочное наблюдение состояния здоровья населения в 2023 году // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor23/PublishSite_2023/files/74_2023_C3H.xlsx (дата обращения 14.03.2024).
16. Продолжительность трудового стажа после назначения пенсии по возрасту назначения и виду назначенной пенсии в Российской Федерации // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5.1_%202011-2022.xlsx (дата обращения 05.02.2024).
17. Официальный сайт Фонда пенсионного и социального страхования РФ. URL: <https://sfr.gov.ru/grazhdanam/zakon/> (дата обращения 05.02.2024).
18. Dyussenbayev A. Age periods of human life // *Advances in Social Sciences Research Journal*. – 2017. – Vol. 4. – № 6. DOI: <https://doi.org/10.14738/assrj.46.2924>.
19. Численность населения по полу и возрасту на 1 января 2022 года (пересчет от итогов ВПН-2020) // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Chisl_polvozr_01-01-2022_VPN-2020.xlsx (дата обращения 05.02.2024).
20. Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (дата обращения 10.02.2024).
21. Маркеева А.В. Продолжение работы на пенсии: взгляд российских пенсионеров // *Общество: социология, психология, педагогика*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodolzhenie-raboty-na-pensii-vzglyad-rossiyskih-pensionerov> (дата обращения 10.02.2024).
22. Состояние и динамика инвалидности взрослого населения Российской Федерации. URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-1198-src-1561646332.387.doc> (дата обращения 10.02.2024).

23. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024): федер. закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 25.12.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34419/ (дата обращения 10.02.2024).
24. Размер индексации выплат, пособий и компенсаций отдельным категориям граждан. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278745/687008c49624d050dfe64f26d3414a7feaf237c6/ (дата обращения 10.02.2024).
25. Первичная инвалидность взрослого населения вследствие болезней системы кровообращения / С.Н. Пузин, А.А. Яковлев, И.В. Лялина, М.А. Шургая, Д.Т. Шарикадзе // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervichnaya-invalidnost-vzroslogo-naseleniya-vsledstvie-bolezney-sistemy-krovoobrascheniya> (дата обращения 06.02.2024).
26. Березина Т.Н., Чумакова Е.А. Индивидуально-личностные предпосылки развития сердечно-сосудистых заболеваний в пожилом возрасте // Психология и психотехника. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-lichnostnye-predposylki-razvitiya-serdechno-sosudistykh-zabolevaniy-v-pozhilom-vozraste> (дата обращения 10.02.2024).
27. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федер. закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения 10.02.2024).
28. Охват социальным обслуживанием, формы его получения и причины неполучения // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_3.8.8_2021-2023.xlsx (дата обращения 08.02.2024).
29. Численность пенсионеров, получающих социальные доплаты к пенсии в целях доведения уровня материального обеспечения пенсионера до величины прожиточного минимума пенсионера в Российской Федерации // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SP_2.10.docx (дата обращения 08.02.2024).
30. Получение на дому медицинских и санитарно-гигиенических процедур // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_3.8.10_2021-2023.xlsx (дата обращения 08.02.2024).
31. Клинические рекомендации Министерства здравоохранения РФ «Старческая астения». URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/054/893/original/Клинические_рекомендации_Старческая_астения_2020.pdf?1614860914 (дата обращения 10.02.2024).
32. Хорошинина Л.П. Развитие гериатрии в современной России – шаг вперед, два шага назад // Медицина и организация здравоохранения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-geriatrii-v-sovremennoy-rossii-shag-vpered-dva-shaga-nazad> (дата обращения 09.02.2024).
33. Королев М.А. Медико-социальная помощь лицам пожилого возраста (обзор литературы) // Consilium Medicum. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnaya-pomosch-litsam-pozhilogo-vozrasta-obzor-literatury> (дата обращения 10.02.2024).
34. Система долговременного ухода: уроки международного опыта для России / Е.В. Селезнева, О.В. Синявская, Е.Л. Якушев, Е.С. Горват, Н.Б. Грищенко, Д.Е. Карева; науч. ред. О.В. Синявская // XXIII Ясинская (Апрельская) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и обществ. – М., 2022. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2022. – 156 с.
35. Глава Минфина РФ раскритиковал пилотный проект по уходу за пожилыми. URL: <https://finance.rambler.ru/realty/48726121-glava-minfina-rf-raskritikoval-pilotnyy-proekt-po-uhodu-za-pozhilymi/> (дата обращения 26.01.2024).
36. Доклад Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации о реализации отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации по вопросам, находящимся в ведении Правительства Российской Федерации. URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-1201-src-1622533941.3368.docx> (дата обращения 25.01.2024).

Информация об авторах

Некипелова Дарья Валерьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, 125167, г. Москва, пр. Ленинградский, 49/2; dvnekipelova@fa.ru, ORCID: 0009-0000-8891-009X

Поступила в редакцию: 17.03.2024

Поступила после рецензирования: 08.06.2024

Принята к публикации: 30.06.2024

REFERENCES

1. *The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)*. (In Russ.) Available at: <http://www.constitution.ru/> (accessed 1 February 2024).
2. *On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030*. Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020, no. 474. (In Russ.) Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (accessed 1 February 2024).
3. *On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024*. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018, no. 204. (In Russ.) Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (accessed 1 February 2024).
4. *On approval of the Strategy of Action in the interests of older citizens in the Russian Federation until 2025*. Order of the Government of the Russian Federation dated February 5, 2016, no. 164-r. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/ (accessed 1 February 2024).
5. *In Russia, the proportion of the population aged 65 years and older has doubled over the past 50 years*. (In Russ.) Available at: <https://tass.ru/obschestvo/18031025> (accessed 8 February 2024).
6. The total number of pensioners in the Russian Federation. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_2.1.docx (accessed 5 February 2024).
7. The number of pensioners and the average size of assigned pensions by type of pension provision and categories of pensioners in the Russian Federation. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SP_2.2.docx (accessed 5 February 2024).
8. Main indicators of pension provision in the Russian Federation. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_2.3.docx (accessed 5 February 2024).
9. *ILO Convention on Minimum Standards of Social Security No. 102*. (In Russ.) Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c102_ru.pdf (accessed 1 February 2024).
10. Nekipelova D.V. Development of poverty among Russian pensioners: trends, prerequisites, qualitative and quantitative analysis. *Labor and social relations*, 2023, vol. 34, no. 5, pp. 146–158. (In Russ.)
11. Level and structure of cash income of households consisting of pensioners in the Russian Federation. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SP_2-12.xlsx (accessed 5 February 2024).
12. The number of working pensioners registered in the system of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation, by type of pension provision and categories of pensioners in the Russian Federation. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sp_2.4.docx (accessed 5 February 2024).
13. Level and structure of cash income of households consisting of disabled people. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pi_3.4.xlsx (accessed 5 February 2024).
14. *On Insurance Pensions*. Federal Law no. 400-FZ dated December 28, 2013 (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2024). (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ (accessed 5 February 2024).
15. Selective observation of the health status of the population in 2023. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor23/PublishSite_2023/files/74_2023_SZN.xlsx (accessed 14 March 2024).
16. Length of work experience after the assignment of a pension by age of assignment and type of assigned pension in the Russian Federation. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5.1_%202011-2022.xlsx (accessed 5 February 2024).
17. *Official website of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation*. (In Russ.) Available at: <https://sfr.gov.ru/grazhdanam/zakon/> (accessed 5 February 2024).
18. Dyussenbayev A. Age periods of human life. *Advances in Social Sciences Research Journal*, 2017, vol. 4, no. 6. DOI: <https://doi.org/10.14738/assrj.46.2924>.
19. Population by sex and age as of January 1, 2022 (recalculated from the results of the VPN-2020). *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Chisl_polvozn_01-01-2022_VPN-2020.xlsx (accessed 5 February 2024).
20. *On approval of the Strategy of Action in the interests of older citizens in the Russian Federation until 2025*. Order of the Government of the Russian Federation dated 02/05/2016 no. 164-r. (In Russ.) Available at: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (accessed 10 February 2024).
21. Markeeva A.V. Continuing to work in retirement: the view of Russian pensioners. *Society: sociology, psychology, pedagogy*. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodolzhenie-raboty-na-pensii-vzglyad-rossijskih-pensionerov> (accessed 10 February 2024).
22. *State and dynamics of disability in the adult population of the Russian Federation*. (In Russ.) Available at: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-1198-src-1561646332.387.doc> (accessed 10 February 2024).

23. *On state pension provision in the Russian Federation (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2024)*. Federal Law no. 166-FZ dated December 15, 2001 (as amended on December 25, 2023). (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34419/ (accessed 10 February 2024).
24. *The amount of indexation of payments, benefits and compensation for certain categories of citizens*. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278745/687008c49624d050dfe64f26d3414a7feaf237c6/ (accessed 10 February 2024).
25. Puzin S.N., Yakovlev A.A., Lyalina I.V., Shurgaya M.A., Sharikadze D.T. Primary disability of the adult population due to diseases of the circulatory system. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervichnaya-invalidnost-vzroslogo-naseleniya-vsledstvie-bolezney-sistemy-krovoobrascheniya> (accessed 6 February 2024).
26. Berezina T.N., Chumakova E.A. Individual and personal prerequisites for the development of cardiovascular diseases in old age. *Psychology and psychotechnics*. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-lichnostnye-predposylki-razvitiya-serdechno-sosudistykh-zabolevaniy-v-pozhilom-vozraste> (accessed 10 February 2024).
27. *On the fundamentals of social services for citizens in the Russian Federation (latest edition)*. Federal Law of December 28, 2013 no. 442-FZ. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (accessed 10 February 2024).
28. Coverage of social services, forms of receipt and reasons for non-receipt. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_3.8.8_2021-2023.xlsx (accessed 8 February 2024).
29. The number of pensioners receiving social supplements to pensions in order to bring the level of material support for a pensioner to the minimum subsistence level of a pensioner in the Russian Federation. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SP_2.10.docx (accessed 8 February 2024).
30. Receiving medical and sanitary procedures at home. *Rosstat*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_3.8.10_2021-2023.xlsx (accessed 8 February 2024).
31. *Clinical recommendations of the Ministry of Health of the Russian Federation "Senile asthenia"*. (In Russ.) Available at: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/054/893/original/Clinical_recommendations_Senile_asthenia_2020.pdf?1614860914 (accessed 10 February 2024).
32. Khoroshinina L.P. Development of geriatrics in modern Russia – one step forward, two steps back. *Medicine and healthcare organization*. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-geriatrii-v-sovremennoy-rossii-shag-vpered-dva-shaga-nazad> (accessed 9 February 2024).
33. Korolev M.A. Medical and social assistance to the elderly (literature review). *Consilium Medicum*. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnaya-pomosch-litsam-pozhilogo-vozrasta-obzor-literatury> (accessed 10 February 2024).
34. Selezneva E.V., Sinyavskaya O.V., Yakushev E.L., Gorvat E.S., Grishchenko N.B., Kareva D.E. Long-term care system: lessons from international experience for Russia. *XXIII Yasinsk (April) international scientific conference on problems of economic and social development*. Ed. by O.V. Sinyavskaya. Moscow, Higher School of Economics Publ. house, 2022. 156 p.
35. *The head of the Ministry of Finance of the Russian Federation criticized the pilot project on care for the elderly*. (In Russ.) Available at: <https://finance.rambler.ru/realty/48726121-glava-minfina-rf-raskritikoval-pilotnyy-proekt-pouhodu-za-pozhilymi/> (accessed 26 January 2024).
36. *Report of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation on the implementation of sectoral strategic planning documents of the Russian Federation on issues under the jurisdiction of the Government of the Russian Federation*. (In Russ.) Available at: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-1201-src-1622533941.3368.docx> (accessed 26 January 2024).

Information about the authors

Daria V. Nekipelova, Cand. Sc., Senior Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2, Leningradsky avenue, Moscow, 125167, Russian Federation; dvnekipelova@fa.ru, ORCID: 0009-0000-8891-009X

Received: 17.03.2024

Revised: 08.06.2024

Accepted: 30.06.2024

УДК 005.35:005.962:36(083.97)

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1771

Шифр специальности ВАК: 22.00.08

Корпоративные программы благополучия сотрудников: современные подходы и перспективы развития

Н.А. Вукович✉

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, г. Москва*

✉nvukovich@hse.ru

Аннотация. Вопросы благополучия и счастья человека являются приоритетными на протяжении всей истории человечества. Современные тренды устойчивого развития определяют вопрос благополучия человека как одну из важнейших 17 целей (ЦУР № 3 «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте»). На уровне бизнеса и компаний ориентация на человека и его потребности проявилась в корпоративных программах благополучия сотрудников в начале XX в. В последние годы особую актуальность корпоративные программы благополучия сотрудников получили в связи с пандемией COVID-19 и другими глобальными вызовами, а также турбулентностью. **Цель:** анализ современных корпоративных программ благополучия сотрудников и выявление основных тенденций их развития. **Методы:** методы количественного и качественного анализа научных публикаций по вопросам корпоративного благополучия человека; метод кейс-анализа корпоративных программ благополучия ведущих мировых и российских компаний. **Результаты:** автором выявлен стабильный рост научных публикаций по вопросам корпоративных политик в области благополучия сотрудников, а также увеличение доли междисциплинарных исследований. Анализ успешных практик российских и международных компаний показал преобладание на уровне бизнеса интереса к субъективным методикам оценки благополучия сотрудника и высокую ориентацию компаний на практики по развитию социального благополучия сотрудников. **Выводы:** корпоративные программы благополучия сотрудников – активно развивающийся инструмент управления персоналом и эффективностью компании. Отличительная черта современных корпоративных программ благополучия сотрудников заключается в индивидуальной оценке уровня благополучия сотрудника. Мониторинг индекса благополучия сотрудников позволяет компаниям повышать эффективность социальных расходов и инвестиций. Направлением, требующим дальнейшего изучения, является комплексная оценка влияния корпоративных программ благополучия сотрудников на экономические результаты бизнеса и его эффективность.

Ключевые слова: благополучие человека, объективное благополучие человека, субъективное благополучие человека, корпоративная программа благополучия, социальная политика компании, корпоративная культура

Благодарности: Данная работа является результатом исследовательского проекта «Новые подходы к пониманию благополучия человека и роли бизнеса в его обеспечении», реализованного в рамках конкурса проектных групп НИУ «Высшая школа экономики» на факультете мировой экономики и мировой политики.

Для цитирования: Вукович Н.А. Корпоративные программы благополучия сотрудников: современные подходы и перспективы развития // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 2. – С. 37–45. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1771

UDC 005.35:005.962:36(083.97)

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1771

Corporate employee well-being programs: modern approaches and development prospects

N.A. Vukovic✉

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉nvukovich@hse.ru

Abstract. The issues of human well-being and happiness have been a priority throughout the history of human development. Modern trends in sustainable development define human well-being issues as one of the most important 17 goals (SDG No. 3 "Good human health and well-being"). At the business and company level, human orientation and human needs manifested themselves in corporate employee well-being programs at the beginning of the 20th century. In recent years, corporate employee welfare programs became particularly relevant in connection with the Covid-19 pandemic and other global challenges and turbulence. **Aim.** To analyze modern corporate programs for the development of employee well-being and identify the main trends in their development. **Methods.** Methods of quantitative and qualitative analysis of scientific publications on human corporate well-being, as well as the method of case analysis of corporate well-being programs of leading global and Russian companies. **Results.** Because of the conducted research, the authors revealed a steady increase in scientific publications on corporate policies in the field of employee well-being, as well as an increase in the share of interdisciplinary research. An analysis of successful practices of Russian and international companies shown a predominance at the business level of interest in subjective methods for assessing employee well-being and a high orientation of companies towards practices for the development of social well-being of employees. **Conclusions.** Corporate employee well-being programs are an urgent and actively developing tool for personnel management and the effectiveness of the company. A distinctive feature of modern corporate employee well-being programs is an individual assessment of the level of employee well-being with a predominance of subjective assessment methods. The assessment of the employee well-being index allows companies to increase the efficiency of social spending and investments. The issue requiring further study on the topic of corporate employee welfare programs, in our opinion, is a comprehensive assessment of the impact of corporate employee welfare programs on business economic results and its effectiveness.

Keywords: human well-being, objective human well-being, subjective human well-being, corporate well-being program, social policy of the company, corporate culture

Acknowledgment: This work is the result of the research project "New approaches to understanding human change and the role of business in its implementation", implemented as part of a competition of project groups of the National Research University Higher School of Economics at the Faculty of World Economy and World Politics.

For citation: Vukovic N.A. Corporate employee well-being programs: modern approaches and development prospects. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 2, pp. 37–45. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1771

Введение

Вопросы благополучия и счастья человека являются актуальными и важными на протяжении всей истории человечества. Современные тренды устойчивого развития определяют вопросы благополучия человека как одну из важнейших 17 целей [1] (ЦУР № 3 «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» [2]).

На уровне бизнеса и компаний ориентация на человека и его потребности проявилась в корпоративных программах благополучия сотрудников в начале XX в. В 1920-х гг. возникли

первые программы по охране труда и здоровья, которые включали в себя проведение медицинского осмотра, предоставление питания и оказания первой медицинской помощи. В 1970-х и 80-х гг. корпоративные программы благополучия начали развивать политики по повышению уровня удовлетворенности работой у сотрудников. Также в это время начали появляться первые программы поощрения здорового образа жизни, такие как проведение спортивных мероприятий и предоставление скидок на абонементы в спортивные клубы.

Российский опыт широко представлен социально ориентированной кадровой политикой крупных и градообразующих промышленных предприятий. Основы, заложенные в советский период, дают положительные результаты [3] до сих пор и активно трансформируются компаниями в элементы корпоративных программ благополучия сотрудников и ESG-политики [4].

Пандемия COVID-19 стала самым важным фактором в развитии корпоративных программ благополучия сотрудников. Именно в этот период можно наблюдать значительное падение уровня эффективности сотрудников компании. Использование корпоративных программ благополучия сотрудников прежде всего преследовало цель по сохранению-продуктивности работы сотрудников. В это время наблюдается рост интереса бизнес-экспертов к корпоративным программам благополучия сотрудников и их применение начинает распространяться на более широкий кадровый состав, переходя к более массовым практикам и политикам [5].

После пандемии акцент на удаленную или гибридную работу неожиданно открыли перед профессионалами возможности выбора города, в котором они могут проживать в течение любого периода времени. Возникло отдельное явление, называемое цифровыми кочевниками [6]. Это люди, которые выбирают для проживания регионы, соответствующие их требованиям. Часто ключевым фактором является наличие комфортных условий для достижения высокого уровня благополучия, личного и семейного счастья, возможность комплексно и полно обеспечивать свои собственные потребности. Данной тенденции способствовал тренд по переходу от техноцентричной к человекоцентричной модели развития городов [7], особенно в проектах «умных» городов [8]. В настоящее время человекоцентричный подход активно развивается как на уровне городов, так и на уровне бизнеса [9].

Глобальные вызовы 2018–2024 гг. существенно повысили интерес крупных компаний к использованию корпоративных программ благополучия сотрудников как инструмента сохранения эффективности сотрудников и компании в условиях турбулентности [10]. Группы компаний регулярно проводят самостоятельные исследования и оценку человекоцентричности крупных компаний, как, например, Росатом [11].

Современные корпоративные программы благополучия сотрудников – это комплексные программы, включающие мероприятия по сохранению здоровья, благосостояния и качества жизни сотрудников и их семей.

Цель настоящего исследования – анализ современных корпоративных программ благополучия сотрудников и выявление основных тенденций их развития.

Методология исследования

Для изучения современных корпоративных программ благополучия сотрудников и выявления основных тенденций их развития использованы методы количественного и качественного анализа научных публикаций по вопросам корпоративного благополучия человека, а также метод кейс-анализа корпоративных программ благополучия ведущих мировых и российских компаний.

Результаты и выводы исследования

Согласно международной базе данных научного цитирования Scopus, в 2023 г. по всему миру было опубликовано более 10 тысяч научных работ по вопросам благополучия человека.

Следует отметить, что в 2013 г. этот показатель составлял лишь около 3 тыс. Таким образом, наблюдается более чем трехкратный рост количества исследований по данной теме за рассматриваемый период. Следует также отметить, что доля публикаций в области бизнеса и экономики на тему благополучия человека составляет более 40 %, что подтверждает наличие высокой заинтересованности в данной тематике у бизнес-сообщества. Также результаты анализа научных публикаций свидетельствуют о росте доли междисциплинарных исследований, что является общенаучной глобальной тенденцией.

Рост доли междисциплинарных публикаций связан прежде всего с комплексностью изучения вопросов благополучия человека и его измерением, объективной и субъективной оценкой. Субъективное благополучие – это субъективное ощущение счастья и удовлетворенности жизнью, которое может не совпадать с объективными показателями. Субъективное благополучие можно измерить с помощью опросов и анкет, где сотрудники оценивают свою удовлетворенность различными аспектами жизни. Объективное благополучие – это уровень удовлетворенности сотрудников своей жизнью, который можно измерить с помощью различных показателей, таких как уровень дохода, жилищные условия, здоровье, образование и т. д. В целом оба понятия, объективное и субъективное благополучие, важны для достижения счастливой и полноценной жизни. Изучением объективных показателей благополучия человека занимаются различные организации и исследовательские группы, такие как Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международная организация труда (МОТ) и др.

В научных исследованиях наиболее цитируемыми и признанными экспертами по вопросам субъективного и объективного благополучия человека являются Прааг, Фрайтерс и Феррер-и-Карбонелл, которые выделяли от 6 до 8 основных сфер благополучия человека: здоровье, семья, социальные связи, жилищные условия, условия труда, экология окружающей среды, личные финансы, хобби и увлечения [12].

На практике широкое распространение получила методика оценки субъективного благополучия – «Концепция благополучия человека» М. Селигмана [13], включающая пять основных элементов: положительные эмоции, вовлеченность, взаимоотношения, смысл, успехи и достижения. Стоит отдельно выделить тот факт, что М. Селигман в своих работах подчеркивал важность комплексного подхода в оценке благополучия человека объективных и субъективных показателей, так как они взаимно дополняют друг друга.

Ведущие мировые эксперты по вопросам благополучия человека (субъективная оценка) Б.В. Прааг и М. Селигман имеют много схожего в видении и понимании благополучия человека, а также его основных составляющих, и результаты их исследований активно используются в корпоративных программах благополучия по всему миру.

Однако при адаптации современных научно-практических подходов к развитию корпоративных программ благополучия существенное влияние оказывает национальная специфика. В развитии корпоративных программ благополучия в настоящее время можно выделить два принципиально различных подхода: европейский и азиатский. Их специфика объясняется прежде всего различными экономическими условиями, но важную роль сыграло и влияние национальных культур и религий.

Европейские компании уделяют большое внимание физическому и психическому здоровью своих сотрудников. Они предлагают различные программы, направленные на улучшение здоровья и благополучия работников. Например, многие компании предоставляют сотрудникам возможность заниматься спортом, посещать массажистов и психологов. Кроме того, они могут организовывать мероприятия, направленные на укрепление командного духа и поддержку здорового образа жизни.

К европейским и американским компаниям, развивающим корпоративные программы благополучия, относятся Google, Apple, Microsoft, Amazon и др. Их корпоративные програм-

мы благополучия предлагают широкий спектр социальных политик, включая программы здравоохранения и программы поддержки семьи, спортивные и экологические программы.

Азиатские компании позднее перешли к развитию корпоративных практик благополучия в основном по экономическим причинам, и применяемый ими подход отличается от европейского. В Азии особое внимание уделяется социальной поддержке сотрудников, развитию их профессиональных навыков и социальных связей. Например, в Японии многие компании организуют специальные программы, которые помогают сотрудникам лучше адаптироваться к работе и развивать свои профессиональные навыки.

К азиатским компаниям, развивающим корпоративные программы благополучия, относятся Alibaba, Tencent, Huawei и др. Они также предлагают широкий спектр программ с акцентом на социальные мероприятия.

Содержание каждой корпоративной программы благополучия сотрудников индивидуально и определяется влиянием различных факторов каждой конкретной компании. Прежде всего стоит выделить цель внедрения программы благополучия.

Целевые индикаторы корпоративной программы благополучия напрямую связаны с оценкой интегрального индекса сотрудников компании, который складывается из индивидуальных показателей персонально по каждому сотруднику компании. Именно динамика индекса благополучия сотрудников компании позволяет оценить эффективность действующей корпоративной программы благополучия.

Безусловно, фактор преемственности и использования накопленного исторического опыта в социальной политике способствует более эффективной реализации корпоративной программы благополучия. Обычно для создания и внедрения корпоративной программы благополучия компания проходит следующие основные этапы:

- Разработка содержания программы, соответствующей миссии и целям компании. Важно отметить необходимость адаптации лучших мировых практики под конкретные условия компании: регион, культуру, ценности и приоритеты сотрудников и др.
- Внедрение и развитие программы внутри компании: выпуск регламентирующих документов, внутреннее обучение и переход к реализации мероприятий программы. Одной из ошибок на этом этапе является тот факт, что данный проект рассматривается как краткосрочный, однако для того, чтобы увидеть результат, требуется время (обычно более 1 года) [14].
- Поддержка программы на уровне высшего руководства и полноценное выполнение мероприятий программы (связь с корпоративной культурой). Важную роль в реализации мероприятий корпоративной программы благополучия играют сотрудники, достигшие успехов в персональном благополучии и готовые делиться личными лучшими практиками, зачастую компании привлекают их как волонтеров корпоративных программ благополучия. Особенно на первых этапах.
- Регулярная оценка и анализ: использование системы мониторинга показателей благополучия сотрудников, включая расчет индекса благополучия, оценка динамики показателей, анализ полученных результатов. На этом этапе важную роль играют цифровые инструменты и цифровые платформы для развития корпоративных программ благополучия. Успешным примером является российская платформа для корпоративных программ благополучия, созданная компанией «Кросслайф» с широким набором инструментов для сбора и анализа информации.
- Контроль выполнения и корректировка комплекса мероприятий корпоративной программы благополучия.

Современная мировая практика корпоративных программ благополучия сотрудников богата различными примерами и очень разнообразна. Корпоративные программы благополучия могут включать различные элементы, в том числе:

- *программы здравоохранения*: предоставление медицинских страховок, проведение профилактических осмотров, обеспечение доступа к медицинским услугам;
- *спортивные программы*: организация спортивных мероприятий, предоставление скидок на спортивные абонементы, проведение корпоративных спортивных соревнований;
- *экологические программы*: внедрение экологических инициатив, таких как использование экологически чистых материалов, снижение выбросов парниковых газов, переход на возобновляемые источники энергии;
- *программы поддержки семьи*: предоставление отпусков по уходу за ребенком, помощь в поиске няни, организация семейных мероприятий, обучение членов семьи;
- *психологические программы*: проведение тренингов по управлению стрессом, обучение навыкам коммуникации и решения конфликтов, поддержка в трудных жизненных ситуациях;
- *образовательные программы*: предоставление возможностей для профессионального развития, организация курсов и семинаров, помощь в получении дополнительного образования;
- *жилищные программы*: мероприятия по улучшению жилищных условий сотрудников.

Важно отметить, что базовым и первоочередным элементом корпоративных программ благополучия сотрудников является здравоохранение. Это подтверждается теорией человеческих потребностей Маслоу, согласно которой здоровье (физическое и ментальное) считается первостепенным элементом благополучия человека [15].

К российским компаниям, развивающим корпоративные программы благополучия сотрудников, относятся Яндекс, Сбербанк, Газпром, Лукойл, Роснефть и др. Эти компании предлагают широкий спектр программ, направленных на улучшение здоровья, благополучия и качества жизни своих сотрудников. Примеры элементов реализованных корпоративных программ благополучия сотрудников приведены в таблице.

Согласно данным таблицы, можно сделать вывод, что более затратные и капиталоемкие элементы корпоративных программ благополучия, связанные с улучшением жилищных условий и условий труда, характерны для крупных промышленных корпораций, таких как Газпром, Татнефть, РЖД и др. Более распространенными являются менее затратные элементы корпоративных программ благополучия, направленные на развитие социальных связей и повышение уровня социального благополучия (например, в компаниях Яндекс, Сбер, МТС и др.). К похожим выводам пришли многие исследователи корпоративных программ благополучия как на российском рынке [16], так и в международном бизнесе [17].

Анализ успешных практик российских и международных компаний показал преобладание на уровне бизнеса интереса к субъективным методикам оценки благополучия сотрудника и высокую ориентацию компаний на практики по развитию социального благополучия сотрудников.

Заключение

На основе результатов проведенного научно-практического анализа были сделаны следующие выводы:

1. Корпоративные программы благополучия сотрудников являются эффективным современным инструментом управления во многих крупных международных компаниях.
2. Существенное отличие корпоративных программ благополучия от предыдущих социальных корпоративных практик связано с оценкой индивидуального и общего (корпоративного) уровня благополучия с использованием индексов благополучия и регулярных опросов сотрудников.
3. Корпоративная программа благополучия сотрудников позволяет повысить эффективность социальных расходов компании, так как регулярно оценивается средний индекс благополучия сотрудников: прозрачна его динамика и эффективность реализуемых социально направленных мероприятий.

4. Цифровизация является важным и необходимым условием для развития корпоративной программы благополучия, так как обеспечивает руководство регулярной и качественной информацией по текущему уровню благополучия сотрудников. Также результаты опросов показали, что сотрудники в большинстве случаев отдают предпочтение самостоятельной работе в корпоративном приложении по развитию уровня благополучия, чем рассылке на корпоративные адреса в рабочее время.
5. Совмещение научных и бизнес-подходов в развитии корпоративных программ благополучия создают синергетический эффект и повышают эффективность как экспертов-практиков, так и научных сотрудников.

Дальнейшему изучению подлежат вопросы, связанные с оценкой влияния корпоративных программ благополучия сотрудников на комплексную эффективность деятельности компании.

Таблица. Примеры элементов корпоративной программы благополучия
Table. Examples of elements of the corporate well-being program

Основные составляющие благополучия человека согласно концепции Б.В. Праага The main components of human well-being according to concepts of B.V. Praag	Примеры элемента корпоративной программы благополучия Examples of a corporate wellness program element	Пример компаний, где реализован данный подход Example of companies where this approach has been implemented
Семья/Family	Социальный пакет для членов семей работников, корпоративные семейные праздники Social package for family members of employees, corporate family events	Газпром, Татнефть, Яндекс Gazprom, Tatneft, Yandex
Социальные связи Social connections	Корпоративные дни отдыха и мероприятия Corporate holidays and events	Яндекс, Сбер Yandex, Sber
Профессиональная деятельность Professional activity	Институты наставников Mentor Institutes	Яндекс, Сбер Yandex, Sber
Личные финансы Personal finance	Корпоративные финансовые программы Corporate financial programs	Сбер, Альфа-банк Sber, Alfa-Bank
Экология окружающей среды Ecology of the environment	Использование современных инструментов ландшафтной архитектуры и озеленения в целях повышения благополучия сотрудников (комфортная «зеленая» рабочая среда) Using modern landscape architecture and gardening tools to improve employee well-being (comfortable "green" work environment)	Газпром, Фикус Gazprom, Ficus
Здоровье Health	программа «Здоровье на работе» Health at work program; программа «Забота о здоровье сотрудников» Employee health care program; программа «Забота о здоровье сотрудников» Employee health care program; программа «Здоровый образ жизни» Healthy lifestyle program	Газпром, Яндекс, СКБ-Контур, Альфа-банк, МТС, РЖД Gazprom, Yandex, SKB-Kontur, Alfa-Bank, MTS, Russian Railways
Бытовые условия Living conditions	Жилищные программы для сотрудников компании Housing programs for company employees	Татнефть, Газпром Tatneft, Gazprom
Досуг/Leisure	Книжный клуб по вопросам счастья Book Club on Happiness; Киноклуб по вопросам счастья Cinema club on happiness	Яндекс, Сбер Yandex, Sber

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Henderson K., Loreau M. A model of Sustainable Development Goals: challenges and opportunities in promoting human well-being and environmental sustainability // *Ecological modelling*. – 2023. – Vol. 475. – P. 110164. DOI: 10.1016/j.ecolmodel.2022.110164.
2. Цель 3: Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте // ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/health/> (дата обращения 17.02.2024).
3. Божья-Воля А.А., Попова П.А. ESG-ориентеры российских градообразующих предприятий и их влияние на развитие моногородов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. – 2024. – Т. 40. – № 1. – С. 80–101. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.104>.
4. Швачко А.А. Векторы совершенствования стратегий развития российских предприятий в контексте предпосылок к трансформации российской экономики // *E-Management*. – 2024. – Т. 7. – № 1. – С. 48–60. DOI: 10.26425/2658-3445-2024-7-1-48-60.
5. Самайбекова З.К. «Доковидные» и «постковидные» тренды развития стратегического управления персоналом в инновационных предпринимательских структурах // *R-Economy*. – 2024. – Т. 17. – № 1. – С. 103–112. DOI: 10.18721/JE.17107.
6. Москвитина Е.И., Хусаинова А.Р. «Умные города»: ЕАЭС как фактор развития цифрового кочевничества» // *Управление городом: теория и практика*. URL: https://mauimrst.ru/wp-content/uploads/2024/01/23-11492_upravlenie-gorodom-450_itog-2.pdf#page=5 (дата обращения 17.02.2024).
7. Чуньмин Ц., Селькова А.В. Концепция человекоцентричного города как основа гуманистического градостроительства // *Ярославский педагогический вестник*. – 2023. – № 2 (131). – С. 240–247. DOI: http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_2_131_240.
8. Колобашкина Т.А. В поисках новых подходов к оценке благополучия в умных городах // *Векторы благополучия: экономика и социум*. – 2023. – № 4 (51). – С. 196–209. DOI: 10.18799/26584956/2023/4/1687.
9. Measuring impacts of business on well-being and sustainability. URL: <https://www.oecd.org/statistics/Measuring-impacts-of-business-on-well-being.pdf> (дата обращения 13.01.2024).
10. Zhang Q., Churchill S.A. Income inequality and subjective wellbeing: panel data evidence from China // *China Economic Review*. – 2020. – Vol. 60. – 101392. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2019.101392>.
11. Индекс человекоцентричности компаний. Ростатом. 2024. URL: <https://research.rosatomimpact.com/?ysclid=lv3pvmjxfn348437413#/> (дата обращения 13.01.2024).
12. Van Praag B.M.S., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A. The anatomy of subjective well-being // *Journal of economic behavior & organization*. – 2003. – Vol. 51. – № 1. – P. 29–49. DOI: 10.1016/S0167-2681(02)00140-3.
13. Schueller S.M., Seligman M.E.P. Pursuit of pleasure, engagement, and meaning: Relationships to subjective and objective measures of well-being // *The Journal of Positive Psychology*. – 2010. – Vol. 5. – Iss. 4. – P. 253–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/17439761003794130>.
14. Казначеева С.Н., Бичева И.Б., Казначеев Д.А. Роль программ well-being в повышении эффективности работы с кадрами // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. – 2021. – № 5 (55). – С. 63–68. DOI: 10.47581/2021/PS92/IE.5.55.09.
15. Gherman C.M. Maslow pyramid-Possible interpretation // *International Journal of Learning & Development*. – 2012. – Vol. 2. – № 1. – P. 581–592. DOI: <http://dx.doi.org/10.5296/ijld.v2i1.1520>.
16. Нагибина Н.И., Вакульская Е.А., Пестерева Е.О. Well-being. Управление благополучием сотрудников для повышения производительности труда-улучшения HR и бизнес-показателей компании // *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. – 2020. – Т. 9. – № 4. – С. 8–17. DOI: 10.12737/2305-7807-2020-8-17.
17. Krekel C., Ward G., De Neve J.E. Employee wellbeing, productivity, and firm performance. – Oxford: Sad Business School WP, 2019. – 44 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3356581>.

Информация об авторах

Вукович Наталья Анатольевна, доцент факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; nvukovich@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4593-2835>

Поступила в редакцию: 22.03.2024

Поступила после рецензирования: 24.05.2025

Принята к публикации: 30.06.2024

REFERENCES

1. Henderson K., Loreau M. A model of Sustainable Development Goals: challenges and opportunities in promoting human well-being and environmental sustainability. *Ecological modelling*, 2023, vol. 475, pp. 110164. DOI: 10.1016/j.ecolmodel.2022.110164.
2. Goal 3: ensure healthy lives and promote well-being for all at all ages. *United Nations*. (In Russ.) Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/health> (accessed 17 February 2024).
3. Bozhya-Volya A.A., Popova P.A. ESG factors of city-forming enterprises and the growth of single-industry towns in Russia. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2024, vol. 40, no. 1, pp. 80–101. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.104>.
4. Shvachko A.A. Vectors for improving development strategies of Russian enterprises in the context of prerequisites for transformation of the Russian economy. *E-Management*, 2024, vol. 7, no. 1, pp. 48–60. (In Russ.) DOI: 10.26425/2658-3445-2024-7-1-48-60.
5. Samaybekova Z.K. Pre- and post-Covid trends in the development of strategic HR management in innovative business structures. *π-Economy*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 103–112. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.17107>.
6. Moskvitina E.I. «Smart cities»: of the EAEU as a factor of the digital nomads development. *City Management: theory and Practice*. (In Russ.) Available at: https://mauimrst.ru/wp-content/uploads/2024/01/23-11492_upravlenie-gorodom-450_itog-2.pdf#page=5 (accessed 17 February 2024).
7. Zu Chunming, Selkova A.V. The concept of a human-centric city as the basis of humanistic urban planning. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2023, no. 2 (131), pp. 240–247. (In Russ.) DOI: http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_2_131_240.
8. Kolobashkina T.A. New approaches to assessing well-being in smart cities. *Journal of Wellbeing technologies*, 2023, no. 4 (51), pp. 196–209. (In Russ.) DOI: 10.18799/26584956/2023/4/1687.
9. *Measuring impacts of business on well-being and sustainability*. Available at: <https://www.oecd.org/statistics/Measuring-impacts-of-business-on-well-being.pdf> (accessed 13 January 2024).
10. Zhang Q., Churchill S.A. Income inequality and subjective wellbeing: Panel data evidence from China. *China Economic Review*, 2020, vol. 60, 101392. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2019.101392>.
11. *The index of human-centricity of companies*. Rosatom. 2024. (In Russ.) Available at: <https://research.rosatomimpact.com/?ysclid=lv3pvmjxfn348437413#/> (accessed 13 January 2024).
12. Van Praag B.M.S., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A. The anatomy of subjective well-being. *Journal of economic behavior & organization*, 2003, vol. 51, no. 1, pp. 29–49. DOI: 10.1016/S0167-2681(02)00140-3.
13. Schueller S.M., Seligman M.E.P. Pursuit of pleasure, engagement, and meaning: Relationships to subjective and objective measures of well-being. *The Journal of Positive Psychology*, 2010, vol. 5, Iss. 4, pp. 253–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/17439761003794130>.
14. Kaznacheeva S.N., Bicheva I.B., Kaznacheev D.A. The role of wellness programs in increasing the efficiency of work with human resources. *Innovative economy: development prospects and achievements*, 2021, no. 5 (55), pp. 63–68. (In Russ.) DOI: 10.47581/2021/PS92/IE.5.55.09.
15. Gherman C.M. Maslow pyramid-Possible interpretation. *International Journal of Learning & Development*, 2012, vol. 2, no. 1, pp. 581–592. DOI: <http://dx.doi.org/10.5296/ijld.v2i1.1520>.
16. Nagibina N.I., Vakulskaya E.A., Pestereva E.O. Well-being. Employee well-being management to increase labor productivity – improving HR and business performance of the company. *Management of the personnel and intellectual resources in Russia*, 2020, vol. 9, no. 4, pp. 8–17. (In Russ.) DOI: 10.12737/2305-7807-2020-8-17.
17. Krekel C., Ward G., De Neve J.E. *Employee wellbeing, productivity, and firm performance*. Oxford, Sad Business School WP, 2019. 44 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3356581>.

Information about the authors

Natalya A. Vukovic, Associate Professor, Department of World Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya street, Moscow, 101000, Russian Federation; nvukovich@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4593-2835>

Received: 22.03.2024

Revised: 24.05.2025

Accepted: 30.06.2024

УДК 316.422:338.467.6:78.091-021.131
DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1766
Шифр специальности ВАК: 5.4.4, 5.2.6

Риски инновационного предпринимательства в музыкальной индустрии в условиях (пост)пандемийных трансформаций медиакоммуникаций

С.И. Бояркина¹✉, Э.С. Кузнецова²

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург

² ООО «Единая Техническая диспетчерская», Россия, г. Санкт-Петербург

✉ boyarkina_si@spbstu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты междисциплинарного исследования рисков инновационного предпринимательства в музыкальной индустрии. Стремительное развитие медиакоммуникаций и цифровизация культурной сферы, спровоцированные введением локдауна во время пандемии COVID-19, привели к распространению в международной практике инновационных предпринимательских инициатив, разработке сервисов, которые предоставили возможности онлайн-посещения музыкальных концертов, способствующих социальной и культурной инклюзии. В России сфера цифрового искусства только начинает свое становление: в отечественном бизнесе появляются отдельные проекты, предоставляющие сервисы по организации и продвижению виртуальной концертной деятельности. **Актуальность** исследования обусловлена низкой степенью изученности российских практик инновационного предпринимательства, существующих барьеров развития отрасли. **Методы:** на первом этапе исследования был проведен пилотажный анкетный онлайн-опрос целевой аудитории цифровых концертов – представителей молодежи в возрасте от 16 до 30 лет (N = 291). На втором этапе – экспертные интервью с организаторами и руководителями бизнес-проекта – стриминговой платформы LookPort, являющейся лидером интерактивного вещания и креативных стриминговых решений в России, Великобритании и странах Европы. **Результаты:** выявлено, что наиболее значимые коммерческие риски формируются потребителями услуг и обусловлены трудностями освоения технических особенностей новых сервисов и социально-психологическими эффектами их использования – ограниченными возможностями интерактивного эмоционального взаимодействия, не позволяющего аудитории ощутить причастность к происходящему, реализовать потребности в эмоциональной и физической коллективной экспрессии. Ключевыми ресурсами преодоления возникающих рисков становятся образовательные и управленческие компетенции предпринимателей, навыки применения современных маркетинговых инструментов формирования положительного пользовательского опыта.

Ключевые слова: инновации, виртуальные концерты, высокие технологии, риски предпринимательства, медиакоммуникации, пользовательский опыт

Для цитирования: Бояркина С.И., Кузнецова Э.С. Риски инновационного предпринимательства в музыкальной индустрии в условиях (пост)пандемийных трансформаций медиакоммуникаций // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 2. – С. 46–61. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1766

UDC 316.422:338.467.6:78.091-021.131
DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1766

Innovative entrepreneurship risks in the music industry: the context of (post)pandemic media communications transformations

S.I. Boyarkina^{1✉}, E.S. Kuznetsova²

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

² Business Analyst at United Technical Dispatch LLC, St. Petersburg, Russian Federation

✉ boyarkina_si@spbstu.ru

Abstract. The article dwells on the results obtained via examining risks of innovative entrepreneurship in the music industry. During the COVID-19 pandemic and lockdown media communications and digitalization of the cultural sphere were developing rapidly, that provoked spreading of innovative entrepreneurial initiatives in international practice. There were created digital services for online attendance of music concerts that promoted social and cultural inclusion. In Russia this direction is just beginning to emerge, separate projects providing digital services for organizing and promoting virtual concert activities are appearing in the domestic business. **Relevance.** The limited knowledge about Russian practices in innovative entrepreneurship and existing barriers to the music industry development. **Methods.** A pilot online survey of the digital concerts target audience – representatives of young people aged 16 to 30 years (N=291) was conducted. Expert interviews were held with the organizers and managers of the business project, the LookPort streaming platform, which is the leader of interactive broadcasting and creative streaming solutions in Russia, Great Britain and European countries. **Results.** It was revealed that the most significant commercial risks are formed by consumers of new services and are caused by two main reasons. The first is difficulties of mastering technical features and the second is the socio-psychological effects of their use. Limited possibilities of interactive emotional communication do not allow the audience to feel involved in performance and realize their needs for emotional and physical collective expression. The key resources for overcoming emerging risks are the educational and managerial competencies of entrepreneurs, skills of using modern marketing tools to create a positive user experience.

Keywords: innovations, virtual concerts, high tech, entrepreneurship risks, media communications, user experience

For citation: Boyarkina S.I., Kuznetsova E.S. Innovative entrepreneurship risks in the music industry: the context of (post)pandemic media communications transformations. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 2, pp. 46–61. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1766

Введение

С начала 2020 г. из-за вспышки COVID-19 и введения запрета на проведение массовых мероприятий многие культурные учреждения оказались в кризисной ситуации. К 22 апреля 2020 года 128 стран приостановили деятельность организаций, связанных со сферой культуры, оставив без работы, средств к существованию и возможностей планирования своей деятельности многих представителей творческих профессий. В ЮНЕСКО назвали сложившуюся ситуацию в сфере культуры «чрезвычайной». В качестве основной альтернативы офлайн-культуре гендиректор организации Одри Азуле предложила активно использовать новаторские коммуникационные решения – дистанционные репетиции, виртуальные концерты и экскурсии, позволяющие поддерживать контакт с аудиторией [1, 2].

За время пандемии цифровые медиатехнологии произвели революцию в индустрии развлечений, культурных проектов и особенно в сфере музыкальных концертов. В музыкальной

индустрии прогресс обеспечивался взрывным ростом медиатехнологий: новых цифровых платформ для трансляции и монетизации «живых» музыкальных представлений (онлайн-концерты), цифровых форматов воспроизводства смешанной (гибридной) компьютерно-измененной реальности от минимально измененной «дополненной реальности» (Augmented Reality, AR) до полностью виртуальной реальности (Virtual Reality, VR) и погружающих (иммерсивных) технологий (Immersive Reality) [3]. В зависимости от применяемой технологии оформление виртуального концерта может варьировать от онлайн-трансляции (стриминговые сервисы) до концертов с людьми-аватарами и полностью или частично виртуальной сценой [4]. С появлением широчайшего спектра цифровых инструментов работы с музыкальной и визуальной формами, их органичного синтеза появились и возможности формирования уникальных звуковых ландшафтов в режиме соучастия, превращающего публику в «активного творца перформанса» [5, с. 132–138].

В то время как в странах Европы и в Америке такие технологии применялись уже в самом начале 2000-х, в России они долгое время оставались нишевым продуктом [6, с. 40]. В условиях социальной изоляции виртуальный формат деятельности оказался востребован даже самыми известными организациями, а инициативы в этой сфере были признаны политиками европейских стран и России, заслуживающими государственного содействия [1, 6]. Заинтересованность представителей государственной власти в развитии предпринимательства, в том числе в сфере культурных инноваций, связана с экономическим и социокультурным потенциалом новой отрасли [7], в связи с чем в рамках национального проекта «Культура» (2019–2024) предполагается последовательная цифровизация услуг в сфере культуры, увеличение обращаемости населения к ее цифровым ресурсам, ставится задача создания виртуальных концертных залов в городах Российской Федерации [8, 9].

В научной литературе в дискуссии о роли новаций в экономическом развитии доминирует позиция приверженцев классического подхода, находивших многократные эмпирические свидетельства того, что инновации и технический прогресс формируют предпосылки для последующего экономического роста [10, 11]. Являясь экономическим феноменом, основанным на внедрении нового продукта на потребительский рынок, инновация (по Й. Шумпетеру) предполагает запуск процессов производства новой ценности, внедрения нового способа производства, освоения нового рынка реализации продукции или проведения внутрикорпоративной реорганизации. На макроуровне возможности инновационного развития обусловлены экономическим и политическим контекстами [12]. На организационном уровне эти процессы сопровождаются организационным стрессом и рисками, связанными не только с технико-технологической и с коммерческой составляющими, но и с характеристиками «носителя» рисков – предпринимателя, его личными и деловыми качествами [12, с. 171].

Такой подход к определению источников инновационных рисков позволяет выделить в структуре рисков обусловленные: 1) макроуровневым контекстом, внешней средой, включающей в себя наряду с политико-экономическими и технико-технологическими показателями развития страны социально-структурные характеристики потенциальных потребителей, их способность и готовность к восприятию инновации; 2) положением организации на рынке, ее социальным капиталом и степенью развития сетей внешних коммуникаций, организационной средой, ее материально-технологическими ресурсами и качеством трудового коллектива; 3) индивидуальными характеристиками предпринимателя, его личностными качествами, профессиональными компетенциями и управленческим потенциалом, в том числе владением навыками маркетингового управления.

Классические представления об инновациях и сопровождающих их рисках остаются актуальными и для современных западных исследователей, в фокусе внимания которых оказываются новые форматы предпринимательства, реализуемые виртуальными организациями и/или предполагающие применение цифровых инструментов [13]. Одни авторы говорят о

цифровом предпринимательстве как о новом экономическом феномене [14] (отдельные исследователи используют для его обозначения термины «киберпредпринимательство (cyber entrepreneurship)» [15], Интернет предпринимательство (Internet entrepreneurship) [16], «Е-коммерция (E-commerce entrepreneurship)» [17]). Другие полагают, что правильнее говорить не о трансформации предпринимательской деятельности, а о трансформации общества и предпринимательстве в цифровом обществе [18]. Однако, и те, и другие, признают, что изучение рисков инновационного предпринимательства по-прежнему остается одной из ключевых исследовательских проблем.

В числе изменений, произошедших в сфере высокотехнологичного музыкального бизнеса, авторы отмечают общий для всей медиасферы переход от стратегии продвижения инноваций «технологического толчка» («technology push», «push») к стратегии «притяжения рынка» («market pull», «pull»), предполагающей удовлетворение текущего запроса аудитории и непосредственные коммуникации между производителями и потребителями услуг (товаров) [19–21]. При этом в условиях развития высокотехнологичной цифровой бизнес-среды последняя стратегия может приводить к большей экономической эффективности деятельности [22].

При реализации стратегии «pull» поклонники наравне с артистами участвуют в создании рыночной стоимости, которая может монетизироваться за пределами музыкальной сцены с помощью инструментов маркетинга [23, с. 28]. Зависимость коммерческого успеха проекта от запроса потребителей предопределяет специфику рисков предпринимательства в сфере искусства (в отдельных научных работах, говоря о предпринимательстве в цифровых музыкальных средах, авторы используют термин «артпринимательство» («artpreneurship») [23, 25]), которые связаны с осуществлением музыкальными менеджерами и артистами ряда функций, в том числе концертной и дистрибутивной (физические и цифровые форматы распространения музыки), маркетинга и PR [23, с. 16], предполагающих точную сегментацию аудитории, персонализацию и индивидуализацию маркетинга [24].

В целом в работах, посвященных изучению проблем предпринимательства в музыкальной индустрии, возникших в период пандемии, отмечаются риски, обусловленные: 1) технико-технологическими барьерами (цифровым неравенством и ограничениями доступа к сети Интернет, дефицитом и высокой стоимостью технических устройств, необходимых для участия в онлайн- и VR-концертах) [25]; 2) проблемами деятельности артистов (необходимость повышения квалификации и освоения цифровых технологий, защита прав собственности на цифровые версии продуктов); 3) экономическими и кадровыми проблемами деятельности организаций, столкнувшихся с необходимостью внедрения дорогостоящих инноваций в условиях экономически и культурно различных региональных контекстов; 4) социально-структурными и доходными неравенствами аудитории (перераспределением возрастной структуры целевой аудитории, увеличением доли молодежи и снижением доли пожилых, чьи показатели цифровизации повседневной деятельности оказываются ниже, чем у представителей молодежи; отсутствием доступа к дорогостоящей аппаратуре для прослушивания/просмотра виртуальных представлений, в том числе среди наиболее заинтересованных в виртуальных сервисах представителей аудитории с ограничениями возможностей физической мобильности) [26, 27]; 5) психологическими особенностями деятельности в цифровой музыкальной среде, в которой музыканты вынуждены делиться эмоциями с аппаратурой [28], и ее (музыкальной среды) неосвязаемостью для слушателя, что снижает качество восприятия и степень вовлеченности аудитории [29].

Спектр проблем и рисков предпринимательства в музыкальной индустрии довольно широк, что обусловлено спецификой отрасли, в которой развиваются инновационные музыкальные сервисы, однако их изучение проводится преимущественно западными и китайскими исследователями, что отчасти объясняется трендами рынка подобных сервисов, в соот-

ветствии с которыми доля России в общемировых объемах потребления составляет порядка 2 %, а первые места принадлежат рынкам США (24 %), Китая (12 %) и стран Европы (Великобритания, Германия, Франция – в сумме 11 %) [30, с. 29]. В отечественной литературе анализ рисков предпринимательства в сфере цифровой концертной деятельности является одним из новейших, практически не разработанных направлений. Вместе с тем очевидно, что в России имеются (хоть и весьма немногочисленные) примеры успешного предпринимательства, что позволяет предположить наличие у этих организаций ресурсов для эффективного преодоления возникающих рисков. Изучение таких кейсов поможет ответить на следующие вопросы: 1) востребованы ли цифровые музыкальные концерты представителями российской аудитории, какой формат концертов (традиционный или инновационный) представляется более привлекательным и почему; 2) с какими трудностями приходится сталкиваться российским предпринимателям (в том числе формируемыми спецификой предпочтений аудитории) и какие из них создают наибольшие риски бизнесу, какие ресурсы наиболее значимы для преодоления рисков инновационной деятельности в цифровой музыкальной индустрии.

Материалы и методы

Эмпирический поиск ответов на поставленные вопросы предполагал последовательную реализацию двух задач: 1) проведение пилотажного анкетирования аудитории офлайн- и онлайн-мероприятий (апрель 2022 г.); 2) изучение кейса бизнес-проекта и материалов экспертного интервью с руководителями инновационной стриминговой платформы (февраль 2023 г.).

Первый этап. Как свидетельствуют американские [24, 31, 32], европейские [30, 33] и российские [34, 35] исследования, основными потребителями цифровых музыкальных сервисов являются представители возрастных групп от 16 до 44 лет (16–24, 25–34, 35–44), из которых наибольшую активность демонстрируют слушатели 16–34 лет.

Исходя из общих возрастных трендов потребления виртуальных музыкальных продуктов, к участию в анкетировании были допущены жители российских городов в возрасте не младше 16 лет и не старше 30 с наличием опыта посещения офлайн-концертов и/или виртуальных (онлайн) концертов за последние два года (2020–2021). Опрос был создан на платформе Google Forms и распространялся через личные сообщения в социальной сети ВКонтакте. Анкета состояла из нескольких закрытых вопросов о личном опыте посещения концертных мероприятий, частоте и причинах выбора концертов того или иного формата.

Второй этап. На данном этапе исследования был проанализирован кейс успешного предпринимательства и проведены экспертные интервью с создателями и руководителями инновационной стриминговой платформы LookPort [36], являющейся лидером интерактивного вещания и креативных стриминговых решений в России, Великобритании и странах Европы, основателем SKY corporation [37] и генеральным директором проекта LookPort Алексеем Волк (эксперт 1) и продюсером музыкального контента, менеджером по работе с партнёрами Татьяной Журавской (эксперт 2).

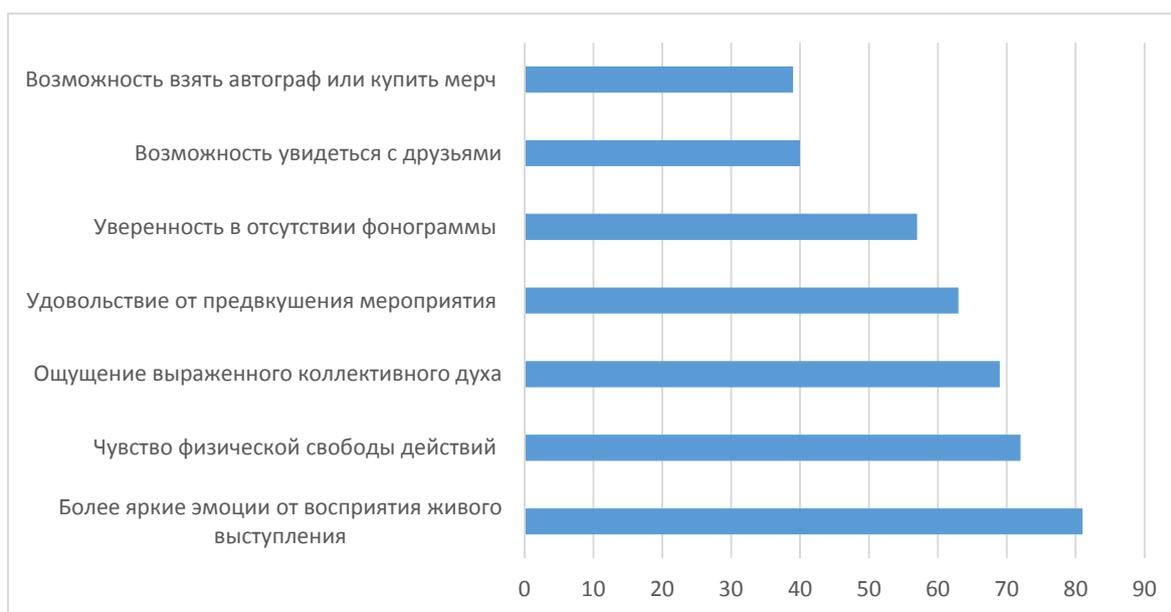
В соответствии с классическими представлениями о рисках предпринимательства, описанных выше, гайд интервью состоял из четырех блоков и включал вопросы о профессиональном бэкграунде создателей компании, динамике развития организации и трудностях бизнеса, проблемах обеспечения эффективного взаимодействия с аудиторией, управления мотивацией и пользовательским опытом.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты анкетного опроса. Для выявления ключевых проблем, обусловленных степенью вовлеченности аудитории в потребление офлайн и онлайн/виртуальных концертов, был проведен интернет-опрос. Анкета была разослана 320 контактам в возрасте от 16 до 30 лет,

среди которых было 75 % женщин и 25 % мужчин, из них 9 % не посещали концерты в период пандемии 2020–2021 гг. и не были допущены к дальнейшему прохождению опроса. Из оставшегося числа респондентов (N = 291) 88 % ходили на офлайн-концерты, 61 % имели опыт просмотра онлайн-концертов (сумма составляет более 100 %, так как вопрос предполагал множественный выбор). Треть респондентов из первой группы (34 %) посещали офлайн-концерты 3–4 раза в год, 45 % – 1–2 раза в год и 22,4 % – реже 1 раза в год. Из второй группы – аудитории онлайн и виртуальных концертов – 32 % подключались к просмотру 1–2 раза в год, 64 % – реже 1 раза в год.

В ответ на просьбу указать, какой формат концерта кажется им более привлекательным, 80 % респондентов выбрали офлайн-формат. При сравнении двух форматов концертов в качестве преимуществ офлайн-концерта отмечались: более яркие эмоции от восприятия живого выступления (81 %), чувство физической свободы действий (72 %), ощущение выраженного коллективного духа (69 %). Менее значимы для респондентов оказались: удовольствие от предвкушения мероприятия (63 %), уверенность в отсутствии фонограммы у артиста, выступающего «вживую» (57 %), возможность увидеться с друзьями (40 %), взять автограф у артиста или купить сувенирную продукцию (мерч) (39 %) (рис. 1).

Рис. 1. Мнение респондентов о преимуществах офлайн-концертов, % от общего числа опрошенных, предпочитающих офлайн-формат концертов
Fig. 1. Opinion of respondents about the advantages of offline concerts, % of the total number of respondents who prefer offline concerts

В числе возможных преимуществ онлайн-концертов респонденты отмечали меньшую стоимость билета (84 %) и отсутствие необходимости добираться до площадки проведения концерта (78 %). Отсутствие ограничений мобильности, связанных с посещением концерта и хороший ракурс как преимущество отметили одинаковое количество респондентов (52 %). Отсутствие необходимости траты времени на очереди (21 %), большая вероятность взаимодействия с артистом (21 %), дополнительный контент от артиста (15 %), возможность общаться со зрителями посредством чата (5 %) являются наименее популярными преимуществами, по мнению респондентов (рис. 2).

Рис. 2. Преимущества онлайн и виртуальных концертов, по мнению респондентов, % от общего числа опрошенных, предпочитающих онлайн-формат концертов
Fig. 2. Advantages of online and virtual concerts according to respondents, % of the total number of respondents who prefer online concerts

Как подтверждается результатами исследований, психологически комфортное социальное взаимодействие во время концерта оказывается одним из важнейших факторов, привлекающих аудиторию [38]. Отсутствие взаимодействия посетителей концерта между собой, аудитории и артиста во время онлайн-концерта является одной из ключевых проблем внедрения инновационных форматов концертных представлений. Опрошенные респонденты, имевшие опыт посещения обоих форматов концертов, уверенно выбирают офлайн-формат, позволяющий реализовать наиболее важные для них потребности в эмоциональной и физической коллективной экспрессии, возможности личного, непосредственного «контроля качества» выступления и последующего появления доверия артисту. Практическая привлекательность цифрового пространства, при этом обладающего меньшими возможностями интерактивного эмоционального взаимодействия, не позволяющего ощутить причастность к происходящему, проигрывает социально-психологическим эффектам личного присутствия на концерте. Это обстоятельство создает новые, дополнительные риски коммерческому успеху инноваций в музыкальной индустрии.

Результаты экспертных интервью с руководителями Lookport (цитаты из интервью приводятся без редактирования). Специфика отрасли, основанной на применении новейших информационно-коммуникационных технологий, предъявляет особые требования к предпринимателям, выходящим на рынок креативной музыкальной индустрии. Для виртуальных концертов необходимо специализированное ПО с высококачественной передачей звука и видео, интерактивными возможностями, поддержкой многопользовательской среды, удобным интерфейсом, платформа должна быть доступна на всех устройствах. Именно поэтому наличие IT-образования у создателей инновационного стримингового бизнеса важно для его успешного старта и развития, что подтверждает история Алексея Волк – выпускника IT-факультета Высшей школы экономики (Москва), генерального директора проекта Lookport.

«...мне всегда были интересны новые технологии и процессы воплощения идей в реальность... в 2018 году придумал проект Lookport, в голове просто родилась идея по интеграции AR/VR-концертов в нашу обыденную жизнь. Потом появилось направление про виртуальные концерты. В 2019 познакомился с Татьяной, которая была на тот момент концертным директором Лены Темниковой¹...» (эксперт 1, Алексей, 27 лет).

Не менее значимыми оказываются практические навыки, профессиональные и управленческие компетенции, позволяющие привлекать имеющийся капитал для развития новых проектов. Таким капиталом обладала Татьяна Журавская, ставшая продюсером Lookport.

«Я начала работать на радио как музыкальный журналист, после чего перешла в продвижение концертов...организовывала все от поиска площадки до создания рекламных баннеров... Первая группа, с которой мне довелось работать – это «Обе Две», потом «OQJAV» и Елена Темникова. С 2019...логической частью моей деятельности стали онлайн концерты: в том числе VR концерты, еще мы делали классное шоу-трибьют группы «Тату». Высшее образование у меня вообще педагог английского языка, в Омском университете. Потом еще закончила направление кибернетики в ВШЭ в Москве» (эксперт 2, Татьяна, 38 лет).

В 2019 г. команда Lookport совместно с МТС участвовала в проведении фестиваля Park Live, обеспечивая его онлайн-трансляцию на нескольких площадках. Однако наиболее активная работа началась в 2020 г. с наступлением пандемии. Вводимые в тот момент ограничения (соблюдение дистанции, ограничение количества посетителей) «сыграли на руку» создателям проекта: Lookport смогли предоставить аудитории возможность удалённо посещать выступления артистов, в том числе музыкальных коллективов «Brainstorm», «Thirty Seconds To Mars», «Bring me the Horizon». С 2021 г. наряду с проведением концертов в партнерстве с музыкальными и игровыми проектами началась и активная работа с аудиторией.

«Чем больше покупателей, тем меньше ты зависишь от больших клиентов. Мы проводим комбинированные истории, и у нас разные линии сотрудничества: это B2C+B2B²-истории, эксперименты с инновациями плюс метавселенные» (эксперт 1, Алексей).

На протяжении последних лет стало очевидно, что инновационный развлекательный бизнес подвергается влиянию геополитической ситуации и для обеспечения российской аудитории концертами зарубежных исполнителей и для беспрепятственного просмотра выступлений российских артистов зарубежной аудиторией необходимо диверсифицировать капиталы.

«Важно выделить риск геополитической и техногенной нестабильности, влияющий на развитие Lookport... мы распределяем активы по разным странам для устойчивого развития... это позволяет работать с артистами в России и за рубежом» (эксперт 2, Татьяна).

Выход инновационного продукта на новый рынок и привлечение артистов – представителей разных стран мира расширяют возможности привлечения новой аудитории, обладающей новыми платёжными способностями, техническими возможностями, музыкальными предпочтениями.

Первые бизнес-активности компании Lookport предпринимались в формате гибридных концертов *«это концерт, на который уже пришли люди в концертный клуб, а мы транслируем его в Интернет»*. Это наиболее понятный и популярный у онлайн-аудитории формат, тогда как *«виртуальные концерты как инновация – это воспроизведение видео с определенной технологией искажения»*. И эта техническая составляющая становится фактором коммерческого риска.

¹ Елена Темникова – российская певица, бывшая участница группы «Серебро». Музыкальную карьеру начала в 2003 году после того, как заняла третье место во втором сезоне музыкального шоу талантов «Фабрика звёзд».

² B2C – модель ведения бизнеса «бизнес–клиентам», ориентированная на непосредственное воздействие на потребителя (клиента). B2B – работа с посредниками представителями бизнеса, партнерами – юридическими лицами.

Готовность к восприятию инноваций может зависеть от характеристик аудитории конкретного артиста.

«...некоторые фанаты более склонны к инновациям, другие просто слушают музыку, не посещая концерты», «...у рок-артистов более лояльная аудитория, с рок-артистами проще работать, их фанаты больше открыты к чему-то новому» (эксперт 1, Алексей).

Посетители концертов поп-музыки менее склонны к апробации инноваций. Аудитория понимает, что будет видеть знакомого артиста, но *«он (клиент) не понимает, какие эмоции получит, не понимает, как будет проходить онлайн-концерт»*. Эта неосведомленность и недоверие новой технологии создает наибольшие риски бизнеса, оказывая влияние на продажи билетов, и требует наибольших усилий по их преодолению.

«Мы определённо остерегались рисков коммерческого успеха. Мне вообще кажется, что этот риск – более актуальный для сферы entertainment (развлечения)... особенностью инноваций в сфере развлечений становится то, что VR-технологии и знакомы, и незнакомы потребителю» (эксперт 1, Алексей).

Нежелание обращаться к инновации связано с бóльшим комфортом привычных практик, требующих меньше когнитивных усилий. Их течение более предсказуемо, в них люди взаимодействуют в соответствии с имеющимися ментальными схемами, позволяющими быстро понять практику и ориентироваться в ней. Знакомые действия обычно связаны с положительным опытом и эмоциями, что побуждает людей к их повторению [39]. Поэтому в процессе внедрения инновации ее создателям пришлось учитывать привычки аудитории и в то же время применять инструменты, позволяющие управлять спросом и пользовательским опытом.

«...мы «одеваем» наше продвижение во что-то знакомое потребителю. Формула хита так и работает – 80 процентов знакомой информации подать по-новому.» (эксперт 2, Татьяна).

Для привлечения аудитории применяются традиционные маркетинговые инструменты – ценовая политика, предполагающая создание заметного контраста между ценами на офлайн и онлайн концерты, меньшую стоимость билета на онлайн-концерт; создание уникального торгового предложения, в котором акцент ставится на исключительном качестве продукта; продвижение в медиа и организация рекламных кампаний с участием инфлюэнсеров, сторителлинг от самих артистов, анонсирующих концерты. Эти приемы позволяют повысить осведомленность и привлечь внимание новой аудитории и действующих фанатов к инновации.

«Обязательно должен присутствовать контраст цен на билеты на мероприятия в онлайн- и офлайн-формате... чаще всего мы практикуем стоимость в одну треть от стоимости офлайн концерта... Нам нужно продавать идеи про качество, нужно обязательно говорить о хорошей съемке, о возможности подключиться из любой точки мира... наблюдать за недоступным и отсутствующим в открытом доступе контенте. Мы ведь ведём классный профессиональный эфир, который не сравнится с некачественными любительскими записями, которые зрители смогут найти на YouTube...» (эксперт 1, Алексей).

«Зачастую мы просим артистов рассказывать своим фанатам через различные каналы коммуникации – популярные нынче истории, где присутствует «говорящая голова артиста» – прием вещания, когда артист записывает на видео свое лицо и говорит о формате взаимодействия между артистом и аудиторией, категориях билетов, почему это уникальное событие» (эксперт 2, Татьяна).

Успешность продвижения зависит и от умения использовать механизмы психологического влияния и техники, направленные на установление эмоциональной связи между артистом, аудиторией, фанатами между собой.

«...когда зрители идут на виртуальный концерт, они хотят чувствовать себя не просто сторонними зрителями, а причастными к чему-то большому. Нам, самое главное, обеспечить интерактивный эмоциональный обмен... для этого мы используем различные практики. Есть категории билетов, некоторые из них включают чат с артистом или с определенной группой фанатов» (эксперт 2, Татьяна).

Исследования в области социальной психологии и философии показали, что наполненная положительными эмоциями социальная связь человека с другими людьми является фундаментальной потребностью человека, которая способствует его общему благополучию [40]. И наоборот: отсутствие доверия окружающим вызывает не только эмоцию тревоги, но и негативные ожидания в отношении другой стороны, основанные на предрассудках [41].

Результаты сравнительного исследования, проведенного среди посетителей живых и виртуальных концертов, подтвердили, что участие в живых концертах по сравнению с виртуальными в большей степени способствует становлению социальной связи, фундаменте которой лежат чувства единения, сопереживания момента и благожелательного отношения к находящимся рядом людям. Виртуальные концерты могут обеспечивать появление чувства сопричастности, но из-за «необозримости» аудитории и отсутствия непосредственного контакта проигрывают живым концертам в степени эмоциональной вовлеченности [38].

*«Мы говорим об эмоциях в виртуальном пространстве. К сожалению, технологии ещё не дошли до того, чтобы передавать с помощью информационных и IT-технологий это «чувство человека». В таком случае нам нужно обратиться к понятию *human touch* – переводится с английского языка как прикосновение человека. Потребителю нужно явно дать знать о том, что с той стороны находится реальный артист и реальный человек, которого он почитает и с которым он заочно знаком уже долгое время» (эксперт 1, Алексей).*

Другим инструментом вовлечения становится использование иммерсивных технологий – виртуальной и смешанной реальности, в том числе проведение концертов в метавселенных или внутри игр, где люди могут создать свои собственные аватары и взаимодействовать друг с другом в виртуальном пространстве [42], ощущая присутствие друг друга и вовлекаясь в совместную игровую деятельность. Такой формат проведения концертов становится инструментом кроссплатформенного «переливания» аудитории, когда фанаты артиста и игроки встречаются на одной игровой платформе, при этом оба партнера-предпринимателя получают выгоду, расширяя свои аудитории, знакомя геймеров с виртуальной музыкой, а слушателей – с новой игрой. Эффект этого коммерческого хода основан на большей открытости геймеров инновациям, привыкшим к постоянным нововведениям в игровой индустрии.

«...шоу-бизнес служит не только для получения эмоционального опыта, но и для продвижения новых продуктов и мест развлечений. Виртуальные концерты и концерты в метавселенных позволяют привлечь аудиторию... таким образом, шоу-бизнес является важным аспектом культуры и экономики, который может привлечь внимание людей к новым возможностям» (эксперт 1, Алексей).

Результаты эмпирических исследований подтверждают, что для технически подготовленной аудитории использование организаторами концерта иммерсивных технологий становится фактором, положительно влияющим на готовность приобретения билета [24]. В то же время проведение концертов в игровых пространствах всегда сопровождается большим количеством визуального контента; в таких условиях важно найти баланс между творчеством и перегруженностью контентом, поскольку слишком большое количество информации может отвлекать внимание аудитории от получаемого опыта и снижать степень ее вовлеченности [43].

«Мы осторожны с форматом виртуальности... у нас был кейс на концерт к 8 марта, не просто трансляция концерта онлайн, но и добавление виртуальных элементов в него, не скажу, что увенчалось огромным успехом. Если «перегибаешь палку» – это пугает зрителей» (эксперт 1, Алексей).

Техническая подготовленность аудитории к использованию и стриминговой платформы для онлайн-прослушивания концерта, и тем более иммерсивных технологий, предполагает наличие высокоскоростного стабильного интернет-соединения и/или специальной аппаратуры – смартфона, обладающего высокой мощностью обработки данных, VR-очков, шлемов, контроллеров, трекинговых систем и др. Цифровые гаджеты и каналы коммуникации становятся источником технологических рисков, воздействие которых приводит к появлению негативного опыта.

«...90 % негатива – это проблемы с интернетом, зависала трансляция, человек не разобрался с тем, как подключиться, где находится ссылка, им пришел не тот билет на почту или не пришел билет вовсе. В общем можем сказать, что мы собрали до 10 абсолютно негативных комментариев за все время» (эксперт 1, Алексей).

Технологические риски тесно связаны с коммерческими: сбои во время проведения виртуального концерта пагубно воздействуют на полученный зрителями опыт и могут становиться барьером не только для повторного посещения мероприятия пострадавшей аудиторией, но и приводить к распространению негативной информации в медиа и подрыву доверия к инновационным форматам концертов у потенциальной аудитории.

Приобретение навыков работы с новыми техническими устройствами требует времени, и для предпринимателей технологические риски становятся неизбежными, но в перспективе преодолимыми *«можно сказать, что сложные форматы станут более простыми – VR-очки – сейчас страшно, потом будет ОК»*. Наиболее важными оказываются барьеры, препятствующие формированию общих позитивных впечатлений и повторному обращению клиентов в компанию.

Создание положительного пользовательского опыта в условиях онлайн-коммуникации между фирмой – организатором трансляции, артистами и аудиторией, позволяющей обеспечить вовлеченность аудитории, наладить обратную связь с фанатами – действующими и потенциальными, в контексте общей виртуализации социальных взаимодействий становится одним из ключевых факторов успешности предпринимательства.

В целом преодоление рисков, связанных с продвижением инновационных музыкальных продуктов становится возможным благодаря: 1) наличию образовательных, социальных, культурных ресурсов предпринимателей, способствующих успешной интеграции в инновационную музыкальную индустрию; 2) применению традиционных маркетинговых инструментов (анализа потребительских предпочтений и сегментации аудитории, позволяющих выбирать наиболее адекватные медиастратегии и креативные маркетинговые техники); 3) реализации компетенций, необходимых для управления пользовательским опытом, который формируется под воздействием коммерческих факторов (способы продажи билетов и их стоимость); удобства/технического сопровождения (покупки билета, посещения мероприятия); контента (содержание мероприятия, его эмоциональное восприятие и вовлеченность); влияния сообществ (интерактивных взаимодействий во время мероприятия, формирование сетевых коммуникаций между организаторами, аудиторией и артистами).

Заключение

Распространение COVID-19 привело к серьезным потерям для сектора развлечений и музыкального бизнеса, и появившиеся возможности посещения онлайн и виртуальных концертов отчасти способствовали решению проблемы доступности рекреационных мероприятий. Безусловно, возможности дистанционной инклюзии в культурное пространство могут оказываться востребованными населением России не только в условиях локдауна, но и в случаях индивидуальных ограничений физической мобильности отдельных его групп. В то же время инновационный характер предлагаемых форматов участия – от онлайн-трансляций на стриминговых платформах до геймифицированных практик посещения музыкальных концертов в

метавселенных и на игровых платформах – предопределяет широкий спектр барьеров, препятствующих повсеместному распространению технологий и ведению основанного на них бизнеса. К ним относятся проблемы технико-технологического развития страны, общего уровня цифровизации и цифровой грамотности населения, недоверие к цифровым практикам потребления. Распространение инновации в среде посетителей концертов затрудняется низкой доступностью цифровых гаджетов и отсутствием устойчивых навыков их использования, наличием стереотипов в отношении допустимых способов экспрессии, негативных ожиданий в отношении новых форматов концертных мероприятий.

Вместе с тем инновационный потенциал цифровых концертов привлекает предпринимателей и благоприятствует разработке специфических подходов к их продвижению, развитию маркетинговых коммуникаций, расширению международного сотрудничества, превращая инновационные бизнес-проекты в точки роста культурных и экономических отношений представителей креативной индустрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЮНЕСКО: о чрезвычайной ситуации в сфере культуры. Новости ООН. 15 апреля 2020 г. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/04/1376152> (дата обращения 13.01.2024).
2. ЮНЕСКО: сектор культуры пострадал от пандемии гораздо серьезнее, чем предполагалось. Новости ООН. 22 декабря 2020 г. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/12/1392922> (дата обращения 13.01.2024).
3. Иванова А.В. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2018. – № 3. – С. 88–107. DOI: <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2018-3-88-107>.
4. Приставка Е. Виртуальная сцена и певец, но тот же драйв: зачем миллионы ходят на концерты в метавселенной. URL: <https://hightech.fm/2022/07/12/music-and-live-gigs> (дата обращения 13.01.2024).
5. Пол К. Цифровое искусство. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 272 с.
6. Дайджест счетной палаты Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-culture.pdf> (дата обращения 13.01.2024).
7. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. URL: <https://78.ru/articles/2019-11-15/kulturnie-uchrezhdeniya-uhodyat-v-virtualnyu-realnost> (дата обращения 13.01.2024).
8. Паспорт федерального проекта Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры («Цифровая культура») 2019–2024 гг. URL: https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2023/FP_Cifrovaya_kultura.pdf (дата обращения 13.01.2024).
9. Голубничая А. Изучаем Чайковского и Шагала на диване: Мединский о виртуальной реальности от Минкультуры. URL: https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2023/FP_Cifrovaya_kultura.pdf (дата обращения 13.01.2024).
10. Щербakov А.Г. Генезис и развитие научных представлений о роли инноваций в экономическом процессе // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 470–486. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.4.470-486>.
11. Tushman M.L., O'Reilly C.A. *Winning through innovation. A practical Guide to Leading Organizational Change and Renewal*. – Boston: Harvard Business School Press, 1997. – 259 p.
12. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
13. Cultural aspects of organizational agility affecting digital innovation / D. Goncalves, M. Bergquist, R. Bunk, S. Alänge // *Journal of Entrepreneurship, Management and Innovation*. – 2020. – Vol. 16. – № 4. – С. 13–46. DOI: 10.7341/20201641.
14. Nambisan S. Digital entrepreneurship: toward a digital technology perspective of entrepreneurship // *Entrepreneurship Theory and Practice*. – 2016. – № 41 (6). – P. 1029–1055. DOI: 10.1111/etap.12254.
15. Bouwman H., Hulsink W. A dynamic model of Cyber-entrepreneurship and cluster formation: applications in the United States and in the Low Countries // *Telematics and Informatics*. – 2002. – № 19 (4). – P. 291–313. DOI: 10.1016/S0736-5853(01)00018-1.
16. Entrepreneurship education and students' internet entrepreneurship intentions: Evidence from Chinese HEIs / C. Millman, Z. Li, H. Matlay, W.C. Wong // *Journal of Small Business and Enterprise Development*. – 2010. – № 17 (4). – P. 569–590. DOI: 10.1108/14626001011088732.
17. Sebor T.C., Lee S.M., Sukasame N. Critical success factors for e-commerce entrepreneurship: an empirical study of Thailand // *Small Business Economics*. – 2009. – № 32 (3). – P. 303–316. DOI: 10.1007/s11187-007-9091-9.

18. Gustavsson M., Ljungberg J. Entrepreneurship in the DIGITAL SOCIETY // Thirty Ninth International Conference on Information Systems. – San Francisco, 2018. URL: https://www.researchgate.net/profile/Jan-Ljungberg/publication/330321389_Entrepreneurship_in_the_Digital_Society/links/5c38a562a6fdccd6b5a47492/Entrepreneurship-in-the-Digital-Society.pdf (дата обращения 13.01.2024).
19. Clausen T.H., Demircioglu M.A., Alsos G.A. Intensity of innovation in public sector organizations: The role of push and pull factors // *Public Administration*. – 2020. – Vol. 98. – № 1. – P. 159–176. DOI: 10.1111/padm.12617.
20. Pan Y., Torres I.M., Zúñiga M.A. Social media communications and marketing strategy: a taxonomical review of potential explanatory approaches // *Journal of Internet Commerce*. – 2019. – Vol. 18. – № 1. – P. 73–90. DOI: 10.1080/15332861.2019.1567187.
21. Maier M.A., Hofmann M., Brem A. Technology and trend management at the interface of technology push and market pull // *International journal of technology management*. – 2016. – Vol. 72. – № 4. – С. 310–332. DOI: 10.1504/IJTM.2016.10002513.
22. Technology push or market pull? Strategic orientation in business model design and digital start-up performance / H. Guo, Ch. Wang, Z. Su, D. Wang // *Journal of Product Innovation Management*. – 2020. – Vol. 37. – № 4. – С. 352–372. DOI: 10.1111/jpim.12526.
23. Tschmuck P. From record selling to cultural entrepreneurship: the music economy in the digital paradigm shift // *Business Innovation and Disruption in the Music Industry* / Eds. P. Wikström, R. de Fillippi. – 2016. – P. 13–32. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781783478156.00007>.
24. Farley J.J. Sustaining innovation: digital live music models in a post-COVID-19 Trinidad and Tobago // *International Journal of Music Business Research*. – 2023. – Vol. 12. – № 1. – P. 25–41. DOI: 10.2478/ijmbr-2023-0005.
25. Sun H. Digital music distribution networks // *Digital Revolution Tamed: The Case of the Recording Industry*. – 2019. – С. 171–226. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-93022-0_6 (дата обращения 13.01.2024).
26. POSTNOTE. The parliamentary office of science and technology. The impact of digital technology on arts and culture in the UK. 2022. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/POST-PN-0669/POST-PN-0669.pdf> (дата обращения 13.01.2024).
27. VR вполголоса: почему виртуальные концерты не стали реальным бизнесом // *Телеспутник*. URL: <https://telesputnik.ru/materials/tech/article/vr-vpolgolosa-pochemu-virtualnye-kontserty-ne-stali-realnym-biznesom> (дата обращения 13.01.2024).
28. Храмов В.Б. Онлайн-трансляция «концерта без публики» как феномен художественной культуры // *Вестник РХГА*. – 2021. – № 2. – С. 371–376. DOI: 10.25991/VRHGA.2021.22.2.035.
29. Danielsen A. Music, media and technological creativity in the digital age // *Nordic Research in Music Education. Yearbook*. – 2017. – Vol. 18. – P. 9–22. URL: <http://hdl.handle.net/11250/2490532> (дата обращения 13.01.2024).
30. The show must go on. 2020 / L. Yang, P. Mubayi, H.P. Terry, H. Bellini. URL: <https://www.goldmansachs.com/intelligence/pages/infographics/music-in-the-air-2020/report.pdf> (дата обращения 13.01.2024).
31. Consumer music profile. Recording Industry Association of America. 2021. URL: <https://www.riaa.com/reports/2021-u-s-consumer-music-profile-musicwatch-inc/> (дата обращения 13.01.2024).
32. Consumer music profile. Recording Industry Association of America. 2020. URL: <https://www.riaa.com/reports/2020-u-s-consumer-music-profile-musicwatch-inc/> (дата обращения 13.01.2024).
33. Culture in crisis: impacts of Covid-19 on the UK cultural sector and where we go from here / Eds. B. Walmsley et al. – Centre for Cultural Value, 2022. URL: https://www.culturehive.co.uk/wp-content/uploads/2022/01/Culture_in_Crisis.pdf (дата обращения 13.01.2024).
34. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России / под ред. Д.В. Дунаса. – Москва: Издательство Московского университета, 2021. – 406 с.
35. Ласточкина О.С. Культурный онлайн-досуг: поведение населения в период пандемии // *Beneficium*. – 2021. – № 3 (40). – С. 83–89. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).83-89.
36. Lookport. URL: <https://lookport.ru/> (дата обращения 13.01.2024).
37. Корнеева К. VR – эффективная технология, которой нужно найти правильное применение. URL: <https://vc.ru/future/62476-vr-effektnaya-tehnologiya-kotoroy-nuzhno-nayti-pravilnoe-primenenie> (дата обращения 13.01.2024).
38. Corona concerts: the effect of virtual concert characteristics on social connection and Kama Muta / D. Swarbrick, B. Seibt, N. Grinspun, J.K. Vuoskoski // *Frontiers in Psychology*. – 2021. – № 12. – P. 1–21. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.648448.
39. Ariely D. Predictably irrational: the hidden forces that shape our decisions. 2008. – 280 p. URL: <https://radio.shabanali.com/predictable.pdf> (дата обращения 13.01.2024).

40. Благополучие личности и экзистенциальная исполненность: теоретико-философский аспект / Т.Г. Дулинец, О.А. Бенькова, Т.Г. Савельева, А.А. Машанов, О.Н. Догадаев // *Философия и культура*. – 2022. – № 10. – С. 75–90. DOI: 10.7256/2454-0757.2022.10.39033.
41. Горбунов А.С. Кризис доверия в обществе и деятельность средств массовой коммуникации // *Современные философские исследования*. – 2022. – № 2. – С. 70–75. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2022-2-70-75>.
42. Иммерсивные технологии: что это, области применения. URL: <https://virtre.ru/articles/virtual-reality/immersivnye-tehnologii-cto-eto-oblasti-primeneniya-html> (дата обращения 13.01.2024).
43. Dwivedi Y.K., Ismagilova E., Hughes D.L., Carlson J. Setting the future of digital and social media marketing research: Perspectives and research propositions // *International Journal of Information Management*. – 2021. – № 59. – С. 102–168. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2020.102168.

Информация об авторах

Бояркина Саня Исааковна, кандидат социологических наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Россия, 195220, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29; boyarkina_SI@spbstu.ru

Кузнецова Эльвира Сергеевна, бизнес-аналитик ООО «Единая Техническая диспетчерская», Россия, 196198, г. Санкт-Петербург, ул. Пулковское шоссе, 30, литера А, корп. 4; e.kuznecova@etd-online.ru

Поступила в редакцию: 15.02.2024

Поступила после рецензирования: 20.05.2024

Принята к публикации: 30.06.2024

REFERENCES

1. UNESCO: on the cultural emergency. UN News. April 15 2020. (In Russ.) Available at: <https://news.un.org/ru/story/2020/04/1376152> (accessed 13 January 2024).
2. UNESCO: *The cultural sector has been hit by the pandemic much harder than expected*. UN News. December 22 2020. (In Russ.) Available at: <https://news.un.org/ru/story/2020/12/1392922> (accessed 13 January 2024).
3. Ivanova A.V. VR & AR technologies: opportunities and application obstacles. *Strategic decisions and risk management*, 2018, no. 3, pp. 88–107. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2018-3-88-107>.
4. Prefix E. *Virtual stage and singer, but the same drive: why do millions go to concerts in the metaverse*. (In Russ.) Available at: <https://hightech.fm/2022/07/12/music-and-live-gigs> (accessed 13 January 2024).
5. Paul K. *Digital art*. Moscow, Ad Marginem Press, 2017. 272 p. (In Russ.)
6. *Digest of the Accounts Chamber of the Russian Federation*. (In Russ.) Available at: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-culture.pdf> (accessed 13 January 2024).
7. *A unified plan for achieving the national development goals of the Russian Federation for the period until 2024 and for the planning period until 2030*. (In Russ.) Available at: <https://78.ru/articles/2019-11-15/kulturnie-uchrezhdeniya-uhodyat-v-virtualnyu-realnost> (accessed 13 January 2024).
8. Passport of the federal project Digitalization of services and formation of information space in the field of culture (“Digital Culture”) 2019–2024. (In Russ.) Available at: https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2023/FP_Cifrovaya_kultura.pdf (accessed 13 January 2024).
9. Golubnichaya A. *Studying Tchaikovsky and Chagall on the sofa: Medinsky on virtual reality from the Ministry of Culture*. (In Russ.) Available at: https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2023/FP_Cifrovaya_kultura.pdf (accessed 13 January 2024).
10. Shcherbakov G.A. Genesis and development of the scientific ideas about the role of innovation in the economic process. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 470–486. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.4.470-486>.
11. Tushman M.L., O’Reilly C.A. *Winning through innovation. A practical Guide to Leading Organizational Change and Renewal*. Boston, Harvard Business School Press, 1997. 259 p.
12. Shumpeter J. *Theory of Economic Development*. Moscow, Progress Publ., 1982. 455 p. (In Russ.)
13. Goncalves D., Bergquist M., Bunk R., Alänge S. Cultural aspects of organizational agility affecting digital innovation. *Journal of Entrepreneurship, Management and Innovation*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 13–46. DOI: 10.7341/20201641.
14. Nambisan S. Digital entrepreneurship: toward a digital technology perspective of entrepreneurship. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2016, no. 41 (6), pp. 1029–1055. DOI: 10.1111/etap.12254.

15. Bouwman H., Hulsink W. A dynamic model of Cyber-entrepreneurship and cluster formation: applications in the United States and in the Low Countries. *Telematics and Informatics*, 2002, no. 19 (4), pp. 291–313. DOI: 10.1016/S0736-5853(01)00018-1.
16. Millman C., Li Z., Matlay H., Wong W.C. Entrepreneurship education and students' internet entrepreneurship intentions: Evidence from Chinese HEIs. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2010, no. 17 (4), pp. 569–590. DOI: 10.1108/14626001011088732.
17. Seborá T.C., Lee S.M., Sukasame N. Critical success factors for e-commerce entrepreneurship: an empirical study of Thailand. *Small Business Economics*, 2009, no. 32 (3), pp. 303–316. DOI: 10.1007/s11187-007-9091-9.
18. Gustavsson M., Ljungberg J. Entrepreneurship in the DIGITAL SOCIETY. *Thirty Ninth International Conference on Information Systems. San Francisco*. 2018. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Jan-Ljungberg/publication/330321389_Entrepreneurship_in_the_Digital_Society/links/5c38a562a6fdccd6b5a47492/Entrepreneurship-in-the-Digital-Society.pdf (accessed 13 January 2024).
19. Clausen T.H., Demircioglu M.A., Alsos G.A. Intensity of innovation in public sector organizations: The role of push and pull factors. *Public Administration*, 2020, vol. 98, no. 1, pp. 159–176. DOI: 10.1111/padm.12617.
20. Pan Y., Torres I.M., Zúñiga M.A. Social media communications and marketing strategy: a taxonomical review of potential explanatory approaches. *Journal of Internet Commerce*, 2019, vol. 18, no. 1, pp. 73–90. DOI: 10.1080/15332861.2019.1567187.
21. Maier M.A., Hofmann M., Brem A. Technology and trend management at the interface of technology push and market pull. *International journal of technology management*, 2016, vol. 72, no. 4, pp. 310–332. DOI: 10.1504/IJTM.2016.10002513.
22. Guo H., Wang Ch., Su Z., Wang D. Technology push or market pull? Strategic orientation in business model design and digital start-up performance. *Journal of Product Innovation Management*, 2020, vol. 37, no. 4, pp. 352–372. DOI: 10.1111/jpim.12526.
23. Tschmuck P. From record selling to cultural entrepreneurship: the music economy in the digital paradigm shift. *Business Innovation and Disruption in the Music Industry*. Eds. P. Wikström, R. de Fillippi. 2016, pp. 13–32. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781783478156.00007>.
24. Farley J.J. Sustaining innovation: digital live music models in a Post-COVID-19 Trinidad and Tobago. *International Journal of Music Business Research*, 2023, vol. 12, no. 1, pp. 25–41. DOI: 10.2478/ijmbr-2023-0005.
25. Sun H. Digital music distribution networks. *Digital Revolution Tamed: The Case of the Recording Industry*, 2019, pp. 171–226. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-93022-0_6 (accessed 13 January 2024).
26. POSTNOTE. *The Parliamentary Office of Science and Technology. The impact of digital technology on arts and culture in the UK*. 2022. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/POST-PN-0669/POST-PN-0669.pdf> (accessed 13 January 2024).
27. VR in a low voice: why virtual concerts have not become a real business. *Telesputnik*. (In Russ.) Available at: <https://telesputnik.ru/materials/tech/article/vr-vpolgolosa-pochemu-virtualnye-kontserty-ne-stali-realnym-biznesom> (accessed 13 January 2024).
28. Khramov V.B. Online broadcasting «concert without public» as a phenomenon of artistic culture. *Bulletin of the Russian Academy of Arts*, 2021, vol. 2, pp. 371–376. (In Russ.) DOI: 10.25991/VRHGA.2021.22.2.035.
29. Danielsen A. Music, media and technological creativity in the digital age. *Nordic Research in Music Education. Yearbook*, 2017, vol. 18, pp. 9–22. Available at: <http://hdl.handle.net/11250/2490532> (accessed 13 January 2024).
30. Yang L., Mubayi P., Terry H.P., Bellini H. *The show must go on. 2020*. Available at: <https://www.goldmansachs.com/intelligence/pages/infographics/music-in-the-air-2020/report.pdf> (accessed 13 January 2024).
31. *Consumer Music Profile. Recording Industry Association of America. 2021*. Available at: <https://www.riaa.com/reports/2021-u-s-consumer-music-profile-musicwatch-inc/> (accessed 13 January 2024).
32. *Consumer Music Profile. Recording Industry Association of America. 2020*. Available at: <https://www.riaa.com/reports/2020-u-s-consumer-music-profile-musicwatch-inc/> (accessed 13 January 2024).
33. *Culture in Crisis: Impacts of Covid-19 on the UK cultural sector and where we go from here*. Ed. by B. Walmsley. Centre for Cultural Value. 2022. Available at: https://www.culturehive.co.uk/wp-content/uploads/2022/01/Culture_in_Crisis.pdf (accessed 13 January 2024).
34. *Media consumption of “digital youth” in Russia*. Ed. by D.V. Dunas. Moscow, Moscow University Publ. House, 2021. 406 p. (In Russ.)
35. Lastochkina O.S. Online cultural leisure: people’s behavior during the covid-19 pandemic. *Beneficium*, 2021, vol. 3 (40), pp. 83–89. (In Russ.) DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).83-89.
36. *Lookport*. (In Russ.) Available at: <https://lookport.ru/> (accessed 13 January 2024).
37. Korneeva K. VR is an impressive technology that needs to be put to good use. (In Russ.) Available at: <https://vc.ru/future/62476-vr-effektnaya-tehnologiya-kotoroy-nuzhno-nayti-pravilnoe-primenenie> (accessed 13 January 2024).

38. Swarbrick D., Seibt B., Grinspun N., Vuoskoski J.K. Corona concerts: the effect of virtual concert characteristics on social connection and Kama Muta. *Frontiers in Psychology*, 2021, vol. 12, pp. 1–21. DOI:10.3389/fpsyg.2021.648448.
39. Ariely D. *Predictably irrational: the hidden forces that shape our decisions*, 2008. 280 p. Available at: <https://radio.shabanali.com/predictable.pdf> (accessed 13 January 2024).
40. Dulinets T.G., Benkova O.A., Saveleva T.G., Mashanov A.A., Dogadaev O.N. Personal well-being and existential fulfillment: Theoretical and philosophical aspect. *Philosophy and Culture*, 2022, no. 10, pp. 75–91. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0757.2022.10.39033.
41. Gorbunov A.S. Crisis of confidence in society and mass communication activities. *Contemporary Philosophical Research*, 2022, vol. 2, pp. 70–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2022-2-70-75>.
42. *Immersive technologies: what is it, areas of application*. (In Russ.) Available at: <https://virtre.ru/articles/virtual-reality/immersivnye-texnologii-chto-eto-oblasti-primeneniya-html> (accessed 13 January 2024).
43. Dwivedi Y.K., Ismagilova E., Hughes D.L., Carlson J. Setting the future of digital and social media marketing research: Perspectives and research propositions. *International Journal of Information Management*, 2021, no. 59, pp. 102–168. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2020.102168.

Information about the authors

Saniya I. Boyarkina, Cand. Sc., Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, Polytechnicheskaya street, St. Petersburg, 195220, Russian Federation; boyarkina_SI@spbstu.ru

Elvira S. Kuznetsova, Business Analyst, Unified Technical Dispatch LLC, 30 A, bld. 4, Pulkovskoe highway, St. Petersburg, Russian Federation; e.kuznecova@etd-online.ru

Received: 15.02.2024

Revised: 20.05.2024

Accepted: 30.06.2024

УДК 177.82:316.77:004

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1793

Шифр специальности ВАК: 09.00.11

Феномен духовного равнодушия в условиях информационно-технологической экспансии

Е.В. Ерофеева[✉]

*Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»,
Россия, г. Новосибирск*

[✉]elena.suharewa1012@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены анализ зарубежных и отечественных концепций информационного общества и влияние информационно-технологической экспансии на личность современного человека. Отмечается, что всемирная информатизация и технологизация определили для человека новые условия существования. Человек стал более начитан, образован, разносторонне развит, но вместе с тем наблюдаются изменения в мировоззрении человека, в его морально-нравственных ценностях, что становится причиной обострения проблемы культурного, социального и духовного отчуждения. В современном обществе отчуждение человека проявляется как феномен духовного равнодушия, характеризующийся состоянием пассивности, самоизолированности, социальной отстраненности и моральной индифферентности по отношению к другим людям. **Цель:** социально-философский анализ феномена духовного равнодушия в условиях информационно-технологической экспансии. **Методы:** сравнительный, феноменологический, диалектический методы, позволившие критически осмыслить проблему исследования, проследить закономерность возникновения феномена духовного равнодушия в условиях расширения информационно-технологического пространства и в некоторой степени спрогнозировать последствия формирования духовного равнодушия в рамках общественной жизни. **Результаты:** обнаружено, что информационно-технологическая экспансия активно подкрепляет формирование феномена духовного равнодушия, поскольку создает для человека новые условия существования, вынуждающие стихийно и многократно приспосабливаться к ним. В связи с этим человек погружается в состояние стресса, поскольку испытывает напряжение от быстротечности общественных процессов, что приводит к возникновению страха утратить связь с внешним миром. Электронные средства массовой информации и коммуникации облегчают возможность устанавливать связь с внешним миром, но это лишь «видимость» присутствия, поскольку человек пребывает в состоянии одиночества и заикленности на самом себе. Он не может напрямую удовлетворить потребность в общности, единении и близости через социальное взаимодействие, так как отсутствует живая коммуникация и совместная деятельность, направленная на обеспечение общего блага. Вследствие этого человек невольно переориентируется на создание собственного блага, что вынуждает его устанавливать формальный характер взаимодействий, где присутствует сотрудничество, подкрепленное целесообразностью собственной выгоды. Такие общественные связи исключают добродетельное поведение человека. Таким образом, в современном обществе формируется новый тип личности, который стремится к самореализации через потребление, информатизацию и виртуализацию. Это явление знаменует формирование феномена духовного равнодушия, которое понимается как безразличие, пассивность, самоизолированность, социальная отстраненность, моральная индифферентность человека по отношению к другим.

Ключевые слова: информационное общество, отчуждение, духовное равнодушие, потребление, информатизация, виртуализация

Для цитирования: Ерофеева Е.В. Феномен духовного равнодушия в условиях информационно-технологической экспансии // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 2. – С. 62–71. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1793

UDC 177.82:316.77:004

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1793

Spiritual indifference phenomenon in the conditions of information and technological expansion

Elena V. Erofeeva✉

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation

✉elena.suharewa1012@yandex.ru

Abstract. The article presents an analysis of foreign and domestic concepts of the information society and the impact of information and technological expansion on the personality of a modern person. It is noted that worldwide informatization and technologization have determined new conditions of existence for humans. A person has become more well-read, educated, and versatile, but at the same time there are changes in a person's worldview, in his moral values, which causes an aggravation of the problem of cultural, social and spiritual alienation. In modern society, human alienation manifests itself as spiritual indifference phenomenon, characterized by a state of passivity, self-isolation, social detachment and moral indifference towards other people. The aim of this work is a socio-philosophical analysis of the spiritual indifference phenomenon in the conditions of information and technological expansion. A set of comparative, phenomenological and dialectical methods was used, which made it possible to critically comprehend the research problem, trace the pattern of emergence of the phenomenon of spiritual indifference in the context of the expansion of information technology space and, to some extent, predict the consequences of the formation of spiritual indifference within the framework of public life. As a result, it was discovered that information and technological expansion actively reinforces the formation of the spiritual indifference phenomenon, since it creates new conditions of existence for a person, forcing him to spontaneously and repeatedly adapt to these conditions. In this regard, a person plunges into a state of stress, because he experiences tension from the transience of social processes, which leads to the fear of losing contact with the outside world. Electronic media and communications make it easier to establish relation to the outside world, but this is only an “appearance” of presence, since a person is in a state of loneliness and self-absorption. He cannot directly satisfy the need for community, unity and intimacy through social interaction, since there is no live communication and joint activities aimed at ensuring the common good. As a result, a person involuntarily refocuses on the formation of his own good, which forces him to establish the formal nature of interactions, where there is cooperation, supported by the expediency of his own benefit. Such social ties exclude virtuous human behavior. Thus, in modern society a new type of personality is being formed, which strives for self-realization through consumption, informatization and virtualization. This phenomenon marks the formation of the phenomenon of spiritual indifference, which is understood as indifference, passivity, self-isolation, social detachment, moral indifference of a person towards others.

Keywords: information society, alienation, spiritual indifference, consumption, informatization, virtualization

For citation: Erofeeva E.V. Spiritual indifference phenomenon in the conditions of information and technological expansion. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 2, pp. 62–71. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1793

Введение

Цель статьи – социально-философский анализ феномена духовного равнодушия в условиях информационно-технологической экспансии. Всеобщая глобализация повлекла стремительное расширение мирового информационного пространства, которое на сегодняшний день является неотъемлемой частью жизни индивида. Информационные процессы проникают во все сферы функционирования общества и кардинально меняют привычный уклад жизни людей. Трансформацию претерпевают такие сферы жизнедеятельности человека, как здоровье, учеба, работа, досуг, частная жизнь, социальные взаимоотношения. С одной стороны,

отчетливо наблюдается активное формирование инфотелекоммуникационной инфраструктуры, повышение информированности, медицины, информационной приватности, что обеспечивает более высокий уровень жизни людей. С другой стороны, информационная экспансия порождает проблему отбора полезной, достоверной и качественной информации, усиливает зависимость от СМИ, создает условия разрыва связи между производителями и потребителями информации, меняет форму межличностных отношений. В результате наблюдаются радикальные изменения в мировоззрении человека, его ценностях, морально-нравственных установках, которые непременно отражаются на способах коммуникации и моделях социальных отношений между людьми. В настоящее время информационно-технологическая экспансия существенно усилила проблему отчуждения человека, которое, по мнению автора, проявляется в форме духовного равнодушия, означающего эмоционально-психологическое состояние личности и характеризующегося пассивностью, самоизолированностью, социальной отстраненностью, моральной индифферентностью человека по отношению к другим людям [1]. Опасность проявления феномена духовного равнодушия способствует утрате моральной ответственности в обществе, подразумевающей отказ индивида от внутренних моральных установок [2], разрушение его системы нравственности, что влечет формирование ощущения беспринципности, вседозволенности и безнаказанности в поступках и действиях человека.

Для анализа роли влияния информационно-технологической экспансии на личность человека и социума в целом необходимо первоначально определить понимание сути информационного общества.

Концепции информационного общества

Информационное общество характеризует этап в истории человечества, связанный с высокой значимостью информации во всех сферах жизнедеятельности людей [3, 4].

Главным фактором развития информационного общества является научно-техническая революция, результатом которой было создание технологий производства и обмена информацией [5]. Проблема определения и укоренения информационного общества находит отражение в трудах зарубежных и отечественных ученых разных поколений. Одним из первых, кто обозначил концепцию информационного общества, был И. Масуда. Он полагал, что движущей силой развития общества станет информация, ценность которой будет постоянно возрастать, в отличие от материальных благ [6].

В западной культуре особое внимание заслуживают концепции, которые условно можно разделить на два подхода: первый подход включает идеи Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, М. Маклюэна, а второй – идеи Дж. Гэлбрейта, Д. Белла, Э. Тоффлера.

По мнению Ю. Хабермаса, основа формирования информационного общества лежит в публичной сфере: разумное и целесообразное обсуждение социальных проблем повлекло усиление потребности в информации и общественном мнении. Позже, когда публичная сфера потерпела упадок, исследователь размышлял о влиянии увеличения информации в обществе – является ли новая информация способом манипуляции населением, превращается ли она в товар, формируя потребительское поведение [7].

Э. Гидденс придерживался мнения, что общество всегда было информационным. Он ввел понятие «рефлексивная модернизация», которое подразумевает естественное отделение человека от природных факторов по мере развития общества. Данный процесс предполагает наличие потребности во всесторонней информации обо всех возможностях возникающего выбора, что влечет за собой развитие технологий по сбору, хранению и переработки данных. Источником информатизации выступают власть, война и культура [8].

М. Маклюэн рассматривал прогресс общества через смену преобладающих видов коммуникации. Первоначально главенствующее положение занимала устная речь, что характеризо-

вало эпоху «человека слушающего». Позже на смену пришла эпоха «человека смотрящего», так как появились типографические станки, и произошло активное распространение книгопечатания. Далее синтез двух обозначенных эпох повлек формирование эпохи, которая доминирует в современном обществе – это «глобальная деревня», характеризующая экспансию компьютерно-информационной культуры. Здесь информация занимает важное положение и очень быстро распространяется через электронные средства коммуникации, причем распространение происходит в глобальных масштабах, то есть охватывает весь земной шар [9].

Представитель второго подхода Дж. Гэлбрейт считал, что в обществе значительно возросла роль крупных корпораций, техноструктур и экспертов по обработке информации. Отличительные особенности постиндустриального общества выражаются в усилении значимости государства, его объединении с крупными корпорациями и в применении тактики всеобъемлющего планирования. Это повышает роль информации, поскольку необходима выработка стратегий, которые будут учитывать не только корпоративные, но и социальные интересы, что впоследствии позволит организовать последовательно функционирующую экономику [10].

По мнению Д. Белла, информационная экспансия является характерной чертой постиндустриального общества, где доминирует сфера услуг, усовершенствование и распространение интеллектуальных технологий, увеличение роли знаний (информации) и количественного состава носителей этих знаний. Главными производителями информации являются университеты и научные центры. Исследователь полагал, что информация является своеобразным товаром, к которому сложно применить известные экономические законы, основанные на стабильных, интегративных причинно-следственных взаимосвязях. Информация рассматривалась им как «коллективный товар», который не изнашивается и не потребляется физически. Поэтому для обращения с таким товаром необходимо было применять нестандартные законы и критерии. К тому же информатизация повлекла изменения в характере трудовых отношений при взаимодействии двух людей: превалирование сферы услуг устранило природную составляющую (промышленное сельскохозяйственное производство) [11].

Э. Тоффлер описывает три волны становления общества. «Первая волна» связана с развитием сельского хозяйства, «Вторая волна» соотносится с промышленной революцией, а «Третья волна» отражает современное информационное общество. Доминирование «Третьей волны» обнаруживается в перестройке жизненных устоев общества: эксплуатация возобновляемой энергии (энергия от природных источников, скорость пополнения которой превышает скорость ее потребления); появление новых методов производства (популяризация «электронных коттеджей» – компьютерно-информационные операции заменят промышленно-ручной труд); реорганизация системы образования, семейных устоев, межличностных отношений и др. По мнению Э. Тоффлера, эпоха последней волны способствует формированию более свободных правительств, увеличению полуавтономных экономик, укреплению связи между производителем и потребителем, поскольку информация становится главным рычагом контроля и воздействия в экономическом и политическом пространстве. При этом Тоффлер полагает, что «Третья волна» вернется к состоянию «Первой волны», но уже на современной технологической базе [12].

В поле отечественной науки фигурируют идеи И.Н. Курносова, А.И. Ракитова и С.Т. Мелюхина.

По мнению И.Н. Курносова, значимым элементом формирования информационного общества является появление дистанционных сфер деятельности, способных организовать рабочий процесс почти во всех областях индустрии услуг и обслуживания (медицина, образование, досуг). Важным моментом является и то, что информационное пространство развивает новые формы отношений между людьми в общественной и производственной деятельности, труд имеет информационное содержание [13].

А.И. Ракитов считает, что информационное общество характеризуется волнообразными потоками в выработке информации, обеспечивающей активное создание сферы услуг на основе знаний. Исследователь отмечает, что на современном этапе развития общества главенствующее положение занимает разработка и внедрение информационно-телекоммуникационных технологий, вытесняющих такие сферы деятельности, как промышленность и сельское хозяйство. На первый план выходит разного рода информация, которая может иметь научный или псевдонаучный характер. Впоследствии общество претерпевает серьезные изменения, которые затрагивают производственно-материальную сторону, образование, здравоохранение, культуру, искусство, мировоззрение, ценности человечества [14]. Похожая точка зрения обнаруживается в идеях И.С. Мелюхина, рассматривающего информационное общество как среду, в которой информация выступает ресурсом, формирующим информационный экономический сектор, а также предметом повсеместного потребления людьми. Сфера услуг вытесняет промышленность и сельскохозяйственное производство, так как экономика становится зависимой от информационной сферы. Особое значение И.С. Мелюхина уделяет понятию «информационная индустрия», которая состоит из государственных и частных организаций, занятых генерированием, обработкой и трансляцией разнообразной информации [15].

Следует также отметить, что понимание информационного пространства в поле отечественной науки можно рассматривать еще и с позиции двух подходов – технического и гуманитарного.

В *техническом* подходе информационное пространство понимается как система, направленная на передачу, обработку и хранение информации с использованием технических средств [16]. Так, А.И. Ненашев придерживается мнения, что «структуру информационного пространства определяют информационные технологии и материальные носители информации» [17, с. 13]. Л. Гирич и В.Н. Чуприна рассматривают информационное пространство через призму глобальности и трактуют его как «совокупность информационных ресурсов и инфраструктур, которые составляют государственные и межгосударственные компьютерные сети, телекоммуникационные системы и сети общего пользования, иные трансграничные каналы передачи информации» [18]. В качестве объекта изучения выступают информационная инфраструктура, информационные ресурсы и средства коммуникации, то есть объект исследования имеет материально-техническую природу. Информационное пространство характеризуется локализованностью и привязанностью к средствам и каналам передачи информации [16].

Второй подход – *гуманитарный* – выступает основополагающим направлением в данной, так как обуславливает специфику социально-философского анализа, поскольку объектом изучения является человек. Здесь информационное пространство рассматривается вне каких-либо границ определенной местности, так как объект изучения имеет человеческую природу (люди и их сообщества). Информационное пространство характеризуется как комплекс знаний и информации, который вращивается и изменяется в процессе развития общества. Его можно рассматривать как определенную целостную среду, которая соединена с информационными потоками. Так, С.А. Проскурин характеризует информационное пространство как сферу, в которой формируется, преобразовывается и потребляется информация [19]. А С.М. Сороко придерживается мнения, что «информационное пространство – это пространство, отражающее мировосприятие людей современной эпохи» [20, с. 32].

Итак, можно заметить, что зарубежные мыслители в рамках *первого подхода* рассматривают информационную экспансию как стадию организации индустриального общества, которая отражает закономерный порядок укрепления общества, связанный с созданием машинного производства, возникновением новых форм труда и использованием результатов научно-технического прогресса. Идеи авторов *второго подхода* отражают образование постиндустриального общества, где превалирует экономический сектор, в котором основным

производственным ресурсом становится информация. Схожие рассуждения обнаруживаются и в идеях отечественных ученых. Информация стала ценным товаром современного общества, ознаменовав появление новых форм взаимоотношений между людьми (трудовые отношения, отношения производителя и потребителя) и перестройку их сфер жизнедеятельности (работа, учеба, досуг).

Духовное равнодушие в информационном обществе

Результаты информационно-технологического прогресса уже прочно внедрились в жизнь современного индивида, расширив зону его возможностей и условий для реализации собственного потенциала. Но это вмешательство стало причиной социального и духовного отчуждения человека, поскольку информационное общество обусловило зарождение новых форм сознания, образа жизни, ценностных ориентаций, которые стали причиной укрепления отстранённости личности от общества и от самой себя. Еще Н.А. Бердяев, размышляя о проблеме научно-технологического прогресса, отмечал, что человек выступает как средство производства, не имеющее власть над продуктом производства: техника образует дру-гую реальность, в которой человек отчуждается от собственной подлинной сущности [21].

Похожая точка зрения обнаруживается и в работах К. Ясперса, который полагал, что расширение информационно-технической среды привело человечество к чувству беспомощности, поскольку люди утратили контроль над происходящим. Современные люди под влиянием техники утрачивают собственную сущность, оказываясь податливыми воздействию власти социальных институтов, тем самым становятся массой, толпой, в которой черты личности стираются – человек теряет чувство «собственного Я» [22]. Иными словами, люди переживают чувство самоотчуждения.

Информационно-технологическое пространство также формирует социальное и культурное отчуждение, которое становится угрозой для общества в целом. Ф. Хайнеманн считал, что социальное отчуждение является следствием активного укоренения техники в жизни современного человека [23], что впоследствии влечет за собой и культурное отчуждение. По мнению Г.В. Ремнева, «социальное отчуждение характеризуется утратой человеком культурно-исторических связей и потерей субъективности» [24, с. 114].

Итак, информационно-технологическая экспансия оказывает различное влияние на человека. Техника посредством новейших информационных и промышленных технологий становится фактором, усиливающим проявление отчуждения [25]. Человеку транслируются нормы, ценности, шаблоны поведения, которые порождают некоторый образ реальности и процесс осознания себя в ней. В результате формируется новый тип личности, обладающий интеллектуальной мобильностью, нахватачностью, быстрой приспособляемостью, высокой осведомлённостью, разносторонностью интересов и возможностей [26]. По сути, информационное общество формирует своего рода новый «шаблон личности» и негласно предписывает современному человеку требование соответствовать этому шаблону. В результате он переживает состояние фрустрации, поскольку его представления о собственном образе и темпе жизни не всегда коррелируют с темпом функционирования общества. Современный человек вынужден стихийно, стремительно и чаще всего многократно приспосабливаться к изменяющимся условиям, иначе возрастает вероятность того, что он ощутит состояние оторванности от внешнего мира. Но поскольку потребность быть в обществе у индивида заложена на природном уровне, то у него проявляется инстинктивное стремление к удовлетворению этой потребности. В силу быстрого темпа развития и трансформаций общественных процессов человечество погружается в состояние стресса, так как не успевает мгновенно приспособиться к ритму изменений общества. В результате этого формируется система ценностей, провоцирующая проявление черт деструктивной личности. Обнаруживается это в том, что для людей источником всех благ становится внешний мир. И даже потребность в

признании, любви, заботе они стремятся удовлетворить через социальные взаимодействия и окружение, что провоцирует формирование состояния ожидания и пассивности. И если человек не удовлетворяет свою потребность, то проживает чувство разочарования, которое, в свою очередь, приводит к отстранённости от окружающего мира, поскольку возникает чувство покинутости, обесцененности и непринятия обществом его таким, каков он есть. Информационно-технологическая экспансия усугубляет это состояние, поскольку конструирует условия «видимости» того, что человек «включен» во внешний мир через информационные потоки, а также находится в постоянном взаимодействии с другими через электронные средства. Но это лишь создает иллюзию присутствия. На деле человек ощущает состояние изолированности, поскольку современные способы интеракции исключают активное живое взаимодействие и совместную деятельность, основанную на чувстве общности. Согласно Р. Сеннету, коммуникация с помощью электронных средств обозначила конец общественной жизни. Электронные средства позволили стать современному индивиду более осведомленным о других людях, но при этом сделали ненужными реальные контакты, сведя их к минимуму. Исследователь утверждает, что пассивность людей – это суть действия технологий. Электронные СМИ, основные факторы информационного общества, направлены на формирование отстранения человека от общественного взаимодействия с той целью, чтобы он лучше мог узнать и почувствовать себя как отдельную личность [27]. В результате человек становится заикленным на себе и своих переживаниях, что обеспечивает стремление к благу только в отношении самого себя. Данное стремление может носить положительный характер и отрицательный. Положительное заключается в том, что индивид способен сохранить свою психическую целостность и функционировать автономно, но поскольку он по своей природе стремится к общности, то в рамках социальных взаимоотношений обнаруживается отрицательная черта – это стяжательство. Человек начинает вступать во взаимосвязь с окружающими, преследуя цель получить выгоду для себя. Появляется новый тип личности, который, по мнению Н.В. Водяновой, самореализуется через потребление, информатизацию и виртуализацию современного общества [28]. Информационно-технологическая экспансия вынудила современное человечество перейти от личного общения к виртуальному. И поскольку такой контакт чаще не предполагает сопричастности, близости, продолжительности и постоянства взаимодействия [29], то, как считает М. Спаньоло Лобб, такие отношения людей пропитаны пустотой [30]. Эта пустота и является отражением феномена духовного равнодушия, где человек утрачивает возможность, а затем и способность, взаимодействовать с окружающими людьми на основе честности, любви, заботе о ближнем, чувстве долга, взаимовыручке, совести.

Заключение

Анализ концепций зарубежных и отечественных авторов показал, что информационное общество рассматривается как этап в истории человечества, характеризующийся развитием машинного производства, возникновением новых форм труда, усилением важности информации и информационных потоков. Это обеспечило возникновение новых форм социальных отношений, образа и условий жизни, что отразилось на личности современного человека. Информационно-технологическая экспансия усугубила проблему отчуждения, которое в рамках данного исследования понимается как духовное равнодушие, обозначающее эмоционально-психологическое состояние личности, которое характеризуется пассивностью, самоизолированностью, социальной отстраненностью, моральной индифферентностью по отношению к другим людям. Результаты научно-технической революции обеспечили усиленное проявление культурного, социального и духовного отчуждения. Это связано с тем, что условия информационного общества создали для человека новую среду существования, которая обозначила необходимость формирования нового типа личности, обладающего высокой мобильностью, начитанностью, адаптированностью, многообразием интересов и возможностей.

В связи с этим человек переживает состояние стресса, поскольку новая среда негласно вынуждает его соответствовать этим требованиям. И если индивид будет не способен подстроиться к новым условиям окружающей среды, то он ощутит оторванность от внешнего мира. В результате потребность в признании, любви, заботе человек стремится удовлетворить через социальное взаимодействие. Если он не получает желаемого, то переживает разочарование, которое выражается через явление социальной отстранённости и изолированности. Электронные средства массовой информации и коммуникации усугубляют данное состояние, поскольку создают иллюзию «включенности» человека во внешний мир. Но на самом деле он пребывает в состоянии одиночества, заикленности на самом себе, так как не имеет возможности ощутить чувство общности, единения и близости с другими из-за снижения роли живого взаимодействия и совместной деятельности, направленной на общее благо людей. В таком случае человек невольно переориентируется на себя, на удовлетворение своих желаний и потребностей, что порождает стремления к благу только относительно самого себя. Формируется новый тип личности, стремящийся к самореализации через потребление, информатизацию и виртуализацию. Общение людей начинает носить чисто формальный характер, что исключает проявление добродетельного поведения. В обществе все чаще начинает наблюдаться безразличие к проблемам и горестям другого, отношения приобретают форму сотрудничества, основанную на взаимовыгодных условиях. Индивид проявляет пассивность в поведении, если не обнаруживает в собственных действиях целесообразности для себя или стремится избежать негативных последствий. Все это указывает на то, что современный человек пребывает в состоянии духовного равнодушия, которое активно подкрепляется информационно-технологической экспансией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ерофеева Е.В. Духовное равнодушие как результат идеологии и практики потребительского общества // Идеи и Идеалы. – 2022. – Т. 14. – № 3. – В 2 ч. Ч. 2. – С. 351–373. DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-351-373.
2. Moore C. Moral disengagement // Current Opinion in Psychology. – 2015. – Vol. 6. – P. 199–204. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.07.018>.
3. Словарь по политологии / ред. В.Н. Коновалов. – Ростов н/Д: РГУ, 2001. – 285 с.
4. Информационное общество // Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия». URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH131b96cb772df8497f4613> (дата обращения 22.02.2024).
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. и под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва: Academia, 2004. – 783 с.
6. Masuda Y. Information society as postindustrial society. – Washington, DC: World Future Society, 1983. – 196 p.
7. Habermas J. «The public sphere: an encyclopedia article» // New Critical Writings in Political Sociology. – New York: Routledge, 2009. – P. 49–55. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780367809195-3/public-sphere-encyclopedia-article-1974-j%C3%BCrgen-habermas> (дата обращения 22.02.2024).
8. Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity Press, 1990. – 204 p.
9. McLuhan M., McLuhan E. Laws of media: new science. – Toronto: University of Toronto Press, 1992. – 252 p.
10. Galbraith J.K. The new industrial state. – Princeton: Princeton University Press, 2007. – 420 p.
11. Giddens A. Runaway world: how globalization is reshaping our lives. – New York: Routledge, 2003. – 146 p.
12. Toffler A. The third wave: the classic study of tomorrow. – Manhattan: Random House Publishing Group, 1981. – 531 p.
13. Курносов И.Н. Информационное общество: стратегический курс для России. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/32f0003767670c08c32575bc003829ac> (дата обращения 22.02.2024).
14. Ракитов А.И. Наш путь к информационному обществу // Теория и практика общественно-научной информации. – М.: ИНИОН, 1989. – Вып. 1. – С. 31–52.
15. Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. – М.: Издательство МГУ, 1999. – 206 с.
16. Добровольская И.А. Понятие «Информационное пространство»: различные подходы к его изучению и особенности // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение, журналистика». – 2014. – № 4. – С. 140–148.
17. Ненашев А.И. Информационное пространство современного общества: коммуникационный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2008. – 20 с.

18. Гирич В.Л., Чуприна В.Н. Глобальное информационное пространство и проблема доступа к мировым информационным ресурсам. URL: https://olden.rsl.ru/upload/mba2007/mba2007_05.pdf (дата обращения 15.03.2024).
19. Проскурин С.А. Геополитическое измерение глобального информационного пространства // Геополитика / под общ. ред. В.А. Михайлова. – М.: Изд-во РАГС, 2007. – С 59–71.
20. Сороко С.М. Структура информационного пространства культуры // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2012. – № 15. – С. 123–127.
21. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 176 с.
22. Посохова С.Т., Извеков А.И., Изотова М.Х. Отчуждение как социально-психологический феномен информатизации общества // Социально-психологические проблемы современного общества в условиях цифровизации: личность, организация, управление: коллективная монография. – Тверь: Издательство ТГУ, 2021. – С. 16–31. EDN: VVDYHW.
23. Heinemann F. Existenzphilosophie lebendig oder tot? – Stuttgart: Kohlhammer, 1963. – 215 p.
24. Ремнев Г.В. Социальное отчуждение в информационном обществе // Державинский форум. – 2023. – Т. 7. – № 1. – С. 111–117.
25. Петрова М.В. Техника как фактор отчуждения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4. – Ч. 1. – С. 140–143.
26. Ерофеева Е.В. Духовное равнодушие как адаптивная стратегия существования человека в информационном обществе // Наука. Технологии. Инновации: сборник научных трудов в 11 частях. Часть 8. XVI Всероссийская научная конференция молодых ученых. – Новосибирск: НГТУ, 2022. – С. 84–88.
27. Сеннет Р. Падение публичного человека. – Москва: Логос, 2002. – 423 с.
28. Водянова Н.В. Самореализация личности в пространстве интернета в контексте коммуникативной антропологии // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2009. – № 11 (149). – С. 57–62.
29. Серебрякова М.Е. Переживание одиночества в эпоху глобальной коммуникации // Человек в информационном обществе: сборник материалов научно-практической международной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2021. – С. 270–274.
30. Отсутствие – это мост между нами: депрессивный опыт в перспективе гештальт-терапии / под. ред. Дж. Франчесетти. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019. – 396 с.

Информация об авторах

Елена Витальевна Ерофеева, аспирант кафедры философии и гуманитарных наук, преподаватель кафедры психологии, педагогики и правопедения Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52; elena.suharewa1012@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0757-511X>

Поступила в редакцию: 20.03.2024

Поступила после рецензирования: 25.06.2024

Принята к публикации: 30.06.2024

REFERENCES

1. Erofeeva E. Spiritual indifference as a result of the ideology and practice of the consumer society. *Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, Iss. 3, Pt. 2, pp. 351–373. (In Russ.) DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-351-373.
2. Moore C. Moral disengagement. *Current Opinion in Psychology*, 2015, vol. 6, pp. 199–204. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.07.018>.
3. *Dictionary of political science*. Ed. by V.N. Konovalov. Rostov-on-Don, RSU Press, 2001. 285 p. (In Russ.)
4. Information society. *Electronic library of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences "New Philosophical Encyclopedia"*. (In Russ.) Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH131b96cb772df8497f4613> (accessed 22 February 2024).
5. Bell D. *The coming post-industrial society: the experience of social forecasting*. Moscow, Academia Publ., 2004. 783 p. (In Russ.)
6. Masuda Y. *Information society as postindustrial society*. Washington, DC, World Future Society, 1983. 196 p.
7. Habermas J. The public sphere: an encyclopedia article. *New Critical Writings in Political Sociology*. New York, Routledge, 2009. pp. 49–55. Available at: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780367809195-3/public-sphere-encyclopedia-article-1974-j%C3%BCrgen-habermas> (accessed 22 February 2024).
8. Giddens A. *The consequences of modernity*. Cambridge, Polity Press, 1990. 204 p.

9. McLuhan M., McLuhan E. *Laws of media: new science*. Toronto, University of Toronto Press, 1992. 252 p.
10. Galbraith J.K. *The new industrial state*. Princeton, Princeton University Press, 2007. 420 p.
11. Giddens A. *Runaway world: how globalization is reshaping our lives*. New York, Routledge, 2003. 146 p.
12. Toffler A. *The third wave: the classic study of tomorrow*. Manhattan, Random House Publ. Group, 1981. 531 p.
13. Kurnosov I.N. *Information society: strategic course for Russia*. (In Russ.) Available at: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/32f0003767670c08c32575bc003829ac> (accessed 22 February 2024).
14. Rakitov A.I. Our path to the information society. *Theory and practice of social scientific information: Quarterly*. Moscow, INION Publ., 1989. Iss. 1, pp. 31–52. (In Russ.)
15. Melyukhin I.S. *Information society: origins, problems, development trends*. Moscow, Moscow State University Publ. House, 1999. 206 p. (In Russ.)
16. Dobrovolskaya I.A. The concept of “Information space”: different approaches to its study and features. *RUDN journal of studies in literature and journalism*, 2014, no. 4, pp. 140–148. (In Russ.)
17. Nenashev A.I. *Information space of modern society: communication aspect*. Cand. Diss. Abstract. Saratov, 2008. 20 p. (In Russ.)
18. Girich V.L., Chuprina V.N. *Global information space and the problem of access to world information resources*. (In Russ.) Available at: https://olden.rsl.ru/upload/mba2007/mba2007_05.pdf (accessed 15 March 2024).
19. Proskurin S.A. Geopolitical dimension of the global information space. *Geopolitics*. Ed. by V.A. Mikhailova. Moscow, RAGS Publ. house, 2007. pp. 59–71. (In Russ.)
20. Soroko S.M. The structure of cultural information space. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki*, 2012, no. 15, pp. 123–127. (In Russ.)
21. Berdyayev N.A. *The meaning of history*. Moscow, Mysl Publ., 1990. 176 p. (In Russ.)
22. Posokhova S.T., Izvekov A.I., Izotova M.Kh. Alienation as a socio-psychological phenomenon of informatization of society. *Social and psychological problems of modern society in the conditions of digitalization: personality, organization, management: collective monograph*. Tver, Tver State University Publ., 2021. pp. 16–31. (In Russ.) EDN: VVDYHW.
23. Heineemann F. *Existential philosophy alive or dead?* Stuttgart, Kohlhammer, 1963. 215 p. (In Germ.)
24. Remnev G.V. Social exclusion in the information society. *Derzhavin Forum*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 111–117. (In Russ.)
25. Petrova M.V. Technique as a factor of estrangement. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2016, no. 4, Pt. 1, pp. 140–143. (In Russ.)
26. Erofeeva E.V. Spiritual indifference as an adaptive strategy for human existence in the information society. *Science. Technologies. Innovation. Collection of scientific works. P. 8. XVI All-Russian Scientific Conference of Young Scientists*. Novosibirsk, NSTU Publ., 2022. pp. 84–88. (In Russ.)
27. Sennett R. *The fall of a public man*. Moscow, Logos Publ., 2002. 423 p. (In Russ.)
28. Vodyanova N.V. Self-realization of personality in the Internet space in the context of communicative anthropology. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Culturology*, 2009, no. 11 (149), pp. 57–62. (In Russ.)
29. Serebryakova M.E. Experiencing loneliness in the era of global communication. *Collection of materials from the scientific and practical international conference dedicated to the 60th anniversary of the space flight of Yu.A. Gagarin. Man in the information society*. Samara, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev Press, 2021. pp. 270–274. (In Russ.)
30. *Absence is a bridge between us: depressive experience in the perspective of Gestalt therapy*. Ed. by J. Francesetti. Moscow, Institute of General Humanitarian Studies Publ., 2019. 396 p. (In Russ.)

Information about the author

Elena V. Erofeeva, Postgraduate Student, Lecturer, Novosibirsk State University of Economics and Management, 52, Kamenskaya street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation; elena.suharewa1012@yandex.ru

Received: 20.03.2024

Revised: 25.06.2024

Accepted: 30.06.2024

UDC 37.018.43, 004.738.5
DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1823

Review on the influence of student engagement and interaction in online learning communities on academic achievement

S.M. Levin✉

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

✉semen.m.levin@tusur.ru

Abstract. This paper explores the effect of students' involvement in online educational communities on their learning outcomes from 2010 to 2022. It investigates the role of active participation in digital forums, social media, and online platforms in boosting students' motivation, enhancing their grasp of educational content, and cultivating essential skills for effective learning. The study utilizes qualitative and quantitative research methods, such as interviews, surveys, and examining educational achievements. It reveals that students engaging actively in online communities demonstrate superior academic results to their less-engaged counterparts. Additionally, the research highlights challenges in upholding academic integrity and crafting viable strategies for self-management in digital settings. These insights offer valuable contributions to developing educational practices and adopting tech-based solutions to elevate student engagement and academic performance in today's digital age. A key finding is emphasizing the creation of an encouraging and dynamic online educational environment that promotes active participation and collaboration.

Keywords: online educational communities, learning outcomes, digital forums, student engagement, academic integrity, self-management, digital age, educational practices, tech-based solutions

For citation: Levin S.M. Review on the influence of student engagement and interaction in online learning communities on academic achievement. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 2, pp. 72–85. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1823

УДК 37.018.43, 004.738.5
DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1823
Шифр специальности ВАК: 5.8.7

Влияние вовлеченности и взаимодействия студентов в онлайн-учебных сообществах на академические достижения: обзор

С.М. Левин✉

*Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Томск, Россия*

✉semen.m.levin@tusur.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния участия студентов в виртуальных образовательных сообществах на их академическую успеваемость. В исследовании, охватывающем период с 2010 по 2022 гг., изучено, как активное взаимодействие в онлайн-платформах, форумах и социальных сетях способствует повышению мотивации студентов, улучшению понимания учебного материала и развитию ключевых

навыков, необходимых для успешного обучения. Применялись методы качественного и количественного анализа, включая анкетирование, интервью и анализ академических результатов. Основной вывод исследования заключается в том, что студенты, активно участвующие в виртуальных сообществах, демонстрируют лучшие академические результаты по сравнению с менее активными участниками. Также были выявлены вызовы и препятствия, связанные с поддержанием академической честности и развитием эффективных стратегий самоорганизации в онлайн-среде. Результаты исследования могут быть полезны для разработки методик обучения и внедрения технологических решений, направленных на повышение вовлеченности и успеваемости студентов в цифровую эпоху. Подчеркивается важность создания поддерживающей и стимулирующей образовательной среды, способствующей активному взаимодействию и сотрудничеству в виртуальных образовательных сообществах.

Ключевые слова: виртуальные образовательные сообщества, академическая успеваемость, онлайн-платформы, мотивация студентов, академическая честность, самоорганизация, цифровая эпоха, методы обучения, технологические решения

Для цитирования: Левин С.М. Влияние вовлеченности и взаимодействия студентов в онлайн-учебных сообществах на академические достижения: обзор // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 2. – С. 72–85. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1823

Introduction

In the past decade, the digital revolution has profoundly influenced various facets of life, including education. This transformation is notably evident in the rise of online communities, which have become integral to students' educational journeys. These digital spaces are vital platforms for exchanging ideas, acquiring knowledge, and collaborating on projects, significantly affecting student achievement. Online communities cover various interactions, from blogs and forums to social networks and dedicated educational platforms. These mediums facilitate relations among students, enabling them to share academic insights, engage in meaningful discussions, collaborate on projects, and seek guidance from educators and experts worldwide.

Furthermore, these platforms provide essential opportunities for honing critical thinking and information management skills. Students become adept at navigating through abundant data and identifying trustworthy information amidst a sea of content, indispensable in the current era of information saturation. Nonetheless, online communities encounter various hurdles. A primary concern is the overwhelming presence of information, necessitating students to critically evaluate and filter content to focus on what is genuinely pertinent to their academic and research pursuits [1]. Challenges concerning academic integrity also arise. The ease of sharing exam solutions or completed assignments within these communities can dilute the educational process value and cast doubts on the authenticity of students' knowledge. The social-psychological dimension warrants attention as well. While online communities offer vast socialization avenues, they risk fostering social isolation if digital interactions begin to overshadow face-to-face engagements. Additionally, the technical aspect cannot be overlooked. The disparity in students' access to and proficiency with modern technologies and the Internet can hinder effective participation in online communities [2]. Despite these obstacles, online communities remain invaluable in the educational landscape. They are pivotal for knowledge sharing, skill enhancement, and professional development. Addressing the challenges these communities face demands a concerted effort from all stakeholders in the educational ecosystem: developers, educational institutions, educators, and students alike.

Instituting robust ethical guidelines, creating solutions to reduce information overload, and promoting digital literacy among educators and students could significantly ameliorate these issues, rendering online communities more conducive to education. Online communities are redefining interaction, knowledge sharing, and collective endeavour paradigms in the digital age. These digital forums, from message boards and chat rooms to social media and collaborative platforms, constitute

more than simple congregations of individuals with common interests. They are vibrant venues where users can interact, exchange knowledge, and collaborate across distances [3].

A hallmark of online communities is their interactive nature, offering a venue for dialogue and cooperative endeavours. Their availability at any time from anywhere in the world with an internet connection makes them exceptionally convenient for international communication and collaboration. Many offer a degree of anonymity, which can facilitate a more open exchange of ideas and opinions, though this also brings academic honesty and personal safety challenges.

Virtual communities serve many functions, from educational to social, professional, and cultural. They can be a crucial resource for learning, offering access to academic materials, online courses, and webinars. The relationships nurtured within these digital environments are instrumental in preserving current connections and forging new ones, whereas the professional exchanges occurring on these platforms enable a rich flow of knowledge and expertise among specialists across different domains [4]. Platforms like GitHub for coders and the extensive array of "subreddits" on Reddit exemplify the variety and influence of such online congregations. GitHub promotes cooperation on projects and the sharing of coding resources, whereas Reddit serves as a hub for dialogue on an endless spectrum of subjects.

Student virtual communities

Within digital engagement, learners encounter diverse avenues for interaction that profoundly reshape their educational and communal lives. Digital forums provide an arena for joint efforts on academic ventures, facilitating a dynamic exchange of knowledge and deep dive into subjects, thereby knitting participants closer together. These online communities thrive on a culture of reciprocal support, with students eagerly extending help and sharing insights, fostering a sense of solidarity and cooperative spirit. Discussions in these spaces invigorate the learning journey, offering a platform for students to voice their opinions, explore different perspectives, and thoughtfully evaluate their peers' proposals. This enhancement not only complicates but also enriches the educational experience.

Moreover, learners actively produce educational and inventive content, leveraging digital tools for study, personal expression, and peer engagement in unprecedented ways [5]. Additionally, online mentorship and tutoring unveil fresh opportunities for exchanging knowledge and life lessons between seasoned students, alums, and their less experienced counterparts. Such efforts contribute to personal and professional development, strengthening bonds between different generations of students and creating a supportive mentorship network.

The intrinsic competitiveness within online spaces is pivotal in propelling students toward success and continuous self-improvement. Digital environments unveil myriad opportunities for showcasing academic achievements, creating a culture of healthy competition and collective inspiration [6]. The complex web of interactions that unfold in the digital landscape forms a diverse and intricate network of student relationships. This network supports academic and personal development, instilling in students an appreciation for diverse viewpoints, teamwork proficiency, and digital communication skills. Consequently, digital spaces transcend mere study venues, evolving into platforms for interpersonal connection, professional advancement, and inventive self-expression, highlighting the significance of contemporary technologies in education [7]. Groups on social networks dedicated to exam prep in specific subjects exemplify the benefits of collaborative topic discussions, question-and-answer exchanges, and mnemonic strategies for enhancing subject comprehension and academic performance. Participants in such groups often report gaining more insights and practical tips than through conventional classroom learning.

Quizlet, for instance, enables students to craft or use pre-made flashcard sets for study. Regular competitions and interactions boost academic engagement and improve content retention. Adding gaming elements and instant feedback amplifies the learning experience [8]. Platforms like Edmodo

or Google Classroom allow teacher-student interactions within a course framework, facilitating material exchanges, assignments, and critiques. This collaborative setting solidifies content understanding and fosters teamwork and communication capabilities [9]. Virtual student communities are diverse, with unique features and objectives to support learners. For example, educational forums allow students to pose and answer academic queries. Platforms like Stack Exchange provide specialized sections for subjects like mathematics, science, and programming, aiding in exploring and resolving intricate issues.

LinkedIn Learning and similar social networks offer courses and resources for those seeking educational and professional growth. These platforms promote learning while enabling networking and helping students establish professional contacts. Collaboration tools such as Google Docs and Trello are essential in streamlining teamwork for projects and assignments and improving coordination, planning, and information sharing [10]. Online mentorship platforms like MentorCruise connect students with experienced professionals or alums, offering personalized counsel, guidance, and support. This mentorship enriches the educational journey with priceless insights and inspiration. In the competitive sphere, platforms like Kaggle engage students in data analysis and programming contests, fostering technical skills and motivation through real-world challenges from leading corporations.

Virtual student communities can be categorized based on their functionality and goals into:

- academic forums and discussion platforms for scholarly dialogue, knowledge dissemination, and academic issue resolution;
- social and professional networks focused on career advancement, networking, and skill development through various courses;
- collaborative platforms and tools designed to simplify teamwork on projects and assignments, offering file-sharing, project management, and communication solutions;
- mentorship platforms that link students with mentors for tailored advice and support in professional development;
- competitive and gamified environments that challenge students through contests and projects, promoting skill assessment and enhancement;
- educational platforms and MOOCs provide broad access to courses and lectures from leading global universities and colleges.

These virtual community types offer a holistic framework for student support, covering academic assistance, professional development, collaborative work, mentorship, and competitive learning, all facilitated by the broad reach of modern technology.

Relationships among students in the online space

Effective communication and collaboration are pivotal for academic achievement, impacting learning and student development more profoundly than initially apparent. Engaging in group projects and active discussion participation enhances subject understanding, fosters critical thinking, and improves information analysis and synthesis skills [11]. This foundational work allows for more profound knowledge comprehension, enabling students to apply information practically, recognize interconnections between concepts, and think creatively. Through collaboration, students learn to value diverse perspectives and approaches to problem-solving. They encounter different viewpoints that challenge their assumptions and expand their worldviews. Such exchanges cultivate listening and expression skills, crucial in academic and professional realms [12]. Collaboration also enhances problem-solving abilities. Working in teams teaches students to deconstruct larger tasks into manageable segments, allocate responsibilities, and collaborate towards a shared objective. This process teaches planning and organizational skills, encourages adaptable thinking, and prepares students for variable circumstances. Social skill development is an essential component of academic success tied to communication and collaboration. Interactions with educators and peers

make students feel integral to the educational community, boost their learning motivation [13], and strengthen their academic belonging. This sense of community can significantly alleviate study-related stress and anxiety, fostering a more conducive learning environment. Feedback role in learning is crucial. Collaborative projects and discussions enable the exchange of feedback, which is vital for refining study techniques and personal development. Students learn to critically evaluate their and their peers' work, benefiting from successes and mistakes, thus deepening knowledge and enhancing academic performance [14].

In the digital environment, student relationships manifest in various forms, offering unique academic and personal growth opportunities. Examples of interaction types include following:

- a) Collaborative learning: groups come together to delve into new subjects or prepare for exams via Zoom or Google Meet, sharing knowledge, discussing complex topics, and developing collective projects to solidify material comprehension.
- b) Project collaboration: through tools like Trello or Asana, students engage in joint projects, assign tasks, plan work phases, and share outcomes, contributing to project management and teamwork skill development.
- c) Forums and discussion groups: participation in discussions on specialized forums or social media groups focused on academic subjects enables students to pose questions, exchange ideas, and seek solutions, encouraging deep engagement with study materials.
- d) Peer assessment: platforms supporting peer review, like Peergrade, facilitate mutual evaluations of assignments and projects, fostering critical thinking and peer feedback.
- e) Mentoring and Tutoring: more experienced students or alums guide newer learners, assisting various online platforms or social networking sites, enriching the educational journey and encouraging professional advancement.
- f) Interactive Learning Tools and Games: engaging educational activities and games designed for group interaction, like Kahoot! or Quizlet, add fun to learning, thereby deepening understanding of the subject matter interactively.

Psychological aspects of interaction in virtual communities

Participation in digital communities significantly affects its members' mental health and social integration, offering new perspectives on how social connections and emotional interactions evolve within the digital age. These impacts span several psychological aspects, including feelings of belonging, the capacity for self-expression, experiences of social support, and methods for online identity management, each uniquely enriching the online experience for individuals [12, 15–17].

Sense of community. Digital platforms cater to the basic human need for connection, enabling users to build significant relationships with others with similar interests and experiences. It is especially crucial for individuals facing difficulties with social integration or with limited opportunities for in-person interactions, providing a virtual space to find belonging and community.

Self-expression. The online world creates a space where individuals can freely share their thoughts, feelings, and creativity without fear of judgment. When their contributions are acknowledged and supported by the community, this enhances self-esteem and confidence. Additionally, online anonymity and the absence of direct interaction can lead to deeper conversations about sensitive subjects, promoting a greater understanding of oneself and empathy towards others.

Supportive networks. The perception of social support within online communities is critical in promoting psychological well-being. Emotional support, advice, and the simple act of being heard can significantly lessen feelings of loneliness and isolation, strengthening one's sense of community and emotional resilience.

Managing impressions online. Strategically presenting oneself in online spaces entails a deliberate curation of shared content, communication styles, and interests. This control over one's digital

persona can relieve social pressures, yet it might also bring about stress and apprehension regarding the sustainability of that constructed image or the fear of its compromise.

The interplay of these psychological elements within online communities fosters a multifaceted web of social relationships, enabling participants to navigate various aspects of their identities, refine social competencies, and seek emotional support. However, it also imposes certain demands on mindfulness and responsibility in communication, highlighting the importance of balancing online and offline interactions to maintain psychological health. This balanced approach ensures that virtual communities remain enriching, supportive environments that contribute positively to individual growth and well-being.

Methods and forms of student activity in online communities

In online communities, students find various ways to actively participate and interact, transcending traditional academic boundaries and unlocking new opportunities for learning and development. They not only exchange knowledge and resources but also create their content, participate in group projects, initiate discussions, and even develop educational materials, making a substantial contribution to the educational process [18]. Participation in forums and discussions allows students to share their thoughts and ideas, pose questions, find answers, and critically analyse different viewpoints. These platforms become spaces for deep reflection and experience exchange, where everyone can express themselves and receive feedback, thereby fostering the development of critical thinking and the ability to defend their position logically [19]. They create and publish content, whether blogs, podcasts, videos, or informational graphics, providing students with a platform for self-expression and self-realisation. It not only aids in consolidating knowledge through creative application but also allows students to develop skills crucial in both academic and professional spheres, from clearly articulating their thoughts to competencies in digital technologies. Participating in group projects and collaborative initiatives through online platforms stimulates the development of team skills and the ability to work in a collaborative environment. Students learn to plan project work, distribute tasks, interact and coordinate their actions, providing invaluable experience for future professional activities [20]. Initiating and engaging in discussions is essential in students' activity in online communities. By initiating discussions, proposing subjects for exploration, or sharing their viewpoints on contemporary matters, students play a pivotal role in cultivating a vibrant and insightful dialogue. This enriches the educational journey and promotes analytical thinking across a variety of topics. Creating educational content and tools is another avenue through which students can enhance their grasp of subjects and disseminate their insights to peers. Producing instructional videos, infographics, brief summaries, or interactive quizzes enriches the learning ecosystem, supporting individual and communal educational advancements [21].

These activities augment students' academic experiences and encourage the cultivation of key competencies such as self-direction, proactivity, collaboration, and the adept use of digital tools to fulfil objectives. Through these means, students become active contributors to the educational narrative, rendering it more engaging, responsive, and attuned to the demands of modern-day society.

Influence of engaging in discussions and projects on learning outcomes

Engaging in online forums and group initiatives profoundly enhances the learning experience, providing a stage for thorough contemplation and practical application of acquired knowledge. Such interactions include participation in student forums and digital groups focused on topical discussions and collaborative problem-solving [22]. These platforms enable students to delve into and apply information within real-world contexts, thus deepening their material comprehension. Collaborative endeavours, such as those facilitated by GitHub or Google Docs, rally students around joint academic or software development projects. In these settings, students allocate roles [23], debate strategies, and exchange expertise, fostering team collaboration skills and enhancing accountability

for collective outcomes. Discussion boards within educational platforms like Moodle or Coursera allow students to delve into intricate course-related subjects [24]. This mode of interaction promotes enhanced material retention and hones students' critical thinking and debate abilities. Peer evaluations, as facilitated on platforms like Peergrade, allow students to assess one another's submissions, providing a means to obtain constructive criticism and perceive their efforts from diverse perspectives [25]. This mechanism elevates academic prowess and refines skills in critically appraising work, be it one's own or that of peers.

Therefore, active participation in online dialogues and collaborative projects affords students invaluable opportunities for experiential learning and acquiring competencies vital in today's landscape. It aids in academic achievement enhancement and prepares students for professional scenarios that demand adaptability, teamwork, and analytical thinking.

Practical approaches to fostering student engagement

In today's educational paradigm, fostering active student engagement is paramount for effective learning, and various strategies are employed. Interactive pedagogies, such as group debates, case analyses, and simulation exercises, engage students directly in the educational process, encouraging them to apply theoretical knowledge to practical scenarios, analyze real-life challenges, and devise their own strategies for resolution. Project-based instruction emerges as a formidable strategy for engagement. It urges students to undertake extensive projects tied to real-world issues and tasks. This methodology drives students to seek creative solutions and fosters collaboration, thereby nurturing critical thinking, team dynamics, and problem-solving capabilities. The introduction of digital resources has significantly transformed how students engage with their studies. Platforms such as educational websites, apps, learning through gaming, discussion forums, and blogs have made learning an interactive and vibrant experience. Utilising social media to form educational groups or channels further enhances the bond between students and educators, fostering a rich knowledge exchange and collaborative study environment.

Incorporating gamification elements into education by integrating game mechanics into the learning process markedly boosts student engagement. Introducing rewards, points, levels, and competitive elements can turn learning into an exciting adventure, motivating students to excel. This method transforms learning from a routine task into an intriguing experience, keeping students interested. Providing feedback is essential for engaging students effectively. Regular, constructive feedback allows students to recognise their strengths and areas needing improvement, spurring ongoing progress. Supportive encouragement from educators significantly uplifts students' confidence in their capabilities and enthusiasm for learning. Involving students in research projects and scientific conferences is a powerful motivator for active involvement. Participating in research applies theoretical knowledge practically, enhancing critical thinking, data analysis, and synthesis skills. Establishing study groups and support networks among students creates a supportive learning atmosphere, where collaboration on academic tasks and knowledge sharing bolsters academic success and mastery of the curriculum [26].

Further discussions on student engagement highlight the significance of virtual study groups. Platforms like Telegram or Slack enable students to share ideas, pose questions, and collaborate on real-time assignments. These tools offer advanced features for group organisation, such as creating separate channels for different subjects or projects, streamlining communication, and enhancing group work coordination [27].

Cloud-based services for document collaboration, like Google Docs and Microsoft Teams, permit synchronous contributions and edits, facilitating smooth cooperation on complex projects. These platforms enhance student interaction and promote teamwork and critical thinking. Proactively using educational websites and apps, such as Moodle and Canvas, introduces further avenues for student engagement. Educators can design interactive modules, quizzes, and forums to discuss aca-

demographic subjects, urging students to participate in the learning process actively [28]. These platforms also enable progress monitoring and personalised feedback, vital for sustaining motivation and ensuring successful learning outcomes. Adopting gamification techniques through platforms like Kahoot! and Socrative transforms education into an enjoyable experience. Students engage in friendly competition, answering questions and solving puzzles, which aids in better retention of information and adds a fun element to education, boosting interest and participation. Regular sessions on video conferencing apps like Zoom or Google Meet for live lectures and seminars where students can interact and ask questions in real time significantly enhance engagement [29]. This approach promotes closer student-teacher interaction and a more tailored educational experience.

Additionally, hosting webinars and online lectures with guest experts from various fields extends the educational horizon, offering students access to current knowledge and direct insights. This strategy enriches the educational journey and guides students toward their professional paths.

Research and analysis on the role of online community involvement in academic achievement

Exploring the impact of student participation in online communities on their academic performance reveals a clear positive correlation between active engagement in digital forums and enhanced learning outcomes. The digital age reshapes education, providing students and teachers with powerful tools for interaction and learning expansion [30]. For example, a study across multiple universities showed that students actively involved in online academic forums and collaborative platforms significantly improved their grades, with a discernible GPA advantage over less active peers. This effect is attributed to the vibrant exchange of ideas and support available online, enriching the educational experience and deepening comprehension of the material [31]. Moreover, the vast online resource pool allows students to delve deeper into topics. Platforms like Coursera and Khan Academy offer supplementary courses, enabling students to customise their learning to their interests and needs, thus enhancing performance [32] and motivation. Participation in online project collaborations, such as those on GitHub or Slack, enhances students' practical skills and teamwork abilities. Engaging in interdisciplinary projects introduces students to diverse approaches and perspectives [33], enriching their problem-solving skills and adaptability in real-world applications. Furthermore, virtual communities provide an excellent platform for honing communication skills for success in disciplines requiring analytical discussions and presentations. Participating in online debates and peer reviews sharpens students' argumentation skills and ability to provide constructive feedback [34, 35], leading to improved performance in assignments and exams.

Statistical evidence underscores this trend, with active participants in online communities generally achieving higher academic success. This observation underscores the value of incorporating interactive online platforms into the educational framework to encourage a more engaged and collaborative learning environment.

Academic performance: distinguishing active from passive participants

The degree of student involvement in their educational path, especially in online discussions, significantly impacts their academic success. Comparing active participants with their less engaged peers highlights notable differences in how they approach their studies, their motivation levels, and the outcomes they achieve [36]. Active participants are deeply immersed in their learning, engaging eagerly in discussions, projects, and group activities. They seek beyond the basic requirements, aiming to expand their knowledge and share insights with others [37]. Such engagement leads to a comprehensive understanding of the material and fosters the development of critical thinking, analytical skills, and the ability to work collaboratively.

On the other hand, passive learners show limited engagement [38], often attending classes without actively contributing to discussions or group work. This lack of involvement can result in a

basic grasp of the subject matter and insufficient depth of knowledge [39]. Passive engagement negatively influences academic achievements and is typically associated with low motivation and minimal interaction with instructors and peers.

Studies demonstrate that active involvement, primarily through digital forums, is positively associated with better academic performance [40]. This advantage is linked to increased motivation, a richer grasp of educational content, and acquiring essential skills for future success. Conversely, a passive approach correlates with lower academic results, emphasising the importance of fostering active participation in the educational process [41]. Thus, creating a supportive and engaging learning environment that encourages every student to take the initiative and actively engage in discussions and collaborative projects is crucial for practical education and skill development.

Role of motivation and self-organization in academic success

The foundation of academic success is significantly influenced by motivation and self-organisation, essential elements that underpin students' educational pursuits and skill development. Investigating the impact of these factors on performance offers more profound insights into learning dynamics and potential improvements – internal or external motivation is a vital driver of student engagement and persistence. Internally motivated students, driven by genuine interest and the pursuit of self-enhancement, tend to experience a more sustained and impactful learning journey. These students typically show extraordinary dedication to their studies and successfully navigate challenges [42]. Self-organisation is equally critical, enabling students to manage their time and resources effectively. Well-organised students can prioritise their studies, adhere to schedules, and achieve academic goals more efficiently [43]. Motivation and self-organisation lead to enhanced academic outcomes [44]. Motivated and well-organised students focus more on their educational objectives, optimally using their time and resources to fulfil their ambitions. They also adapt more readily to challenges, maintaining a solid commitment to their studies. Thus, educational institutions are pivotal in creating environments that nurture motivation and bolster self-management skills [45]. Strategies might include offering independent learning resources, conducting workshops on effective study techniques and time management, and implementing a motivational assessment system that acknowledges and rewards students' hard work and progress [46]. Consequently, motivation and self-organisation are interrelated factors that collectively influence students' performance. Developing these qualities promotes academic success and lays the groundwork for personal growth and professional development, preparing students for a successful career and life in society.

Challenges and obstacles to participating in virtual communities

While engaging in online communities presents vast learning and networking opportunities, it also introduces specific challenges and obstacles that users must navigate. Technical prowess and access to adequate resources are essential to surmount psychological and social hurdles in virtual settings [47]. A significant barrier for many is technological access. Not every student has the luxury of high-speed internet or advanced gadgets, restricting their full involvement in online communities, especially for those in remote or less affluent regions [48]. Additionally, a shortfall in digital literacy can pose a considerable hindrance. Navigating virtual platforms demands skills in information retrieval, evaluating credibility, and maintaining online safety. A lack of these competencies can compromise the effectiveness of learning and interactions within these digital spaces. Psychological factors further complicate virtual engagement [49]. The absence of physical interaction and direct communication can foster feelings of isolation, potentially diminishing motivation and academic engagement.

Moreover, the anonymity afforded by online platforms can, unfortunately, enable hostile behaviours and cyberbullying, detracting from a positive educational experience [2]. While enriching, the diversity of socio-cultural backgrounds in virtual communities can lead to misunderstandings and

conflicts. Students are thus challenged to hone their abilities in navigating intercultural communications and fostering tolerance [50].

Information overload presents another significant issue [51]. The sheer volume of available data can overwhelm students, making it difficult to concentrate on relevant study materials and effectively absorb information. Moreover, instructors' lack of structured educational frameworks and direct oversight in online learning scenarios challenges students' time management and self-organization skills [52], potentially impacting their academic achievements.

Acknowledging these hurdles is crucial as virtual communities continue to expand educational boundaries. Addressing these challenges necessitates collaborative efforts from educational entities, instructors, and students to cultivate a supportive and equitable learning environment.

Maintaining academic integrity in an online environment

Upholding academic integrity within a digital learning context presents intricate challenges; shifting away from the traditional classroom setup to a remote learning model complicates the oversight of assignments and the administration of examinations, opening avenues for academic dishonesty. A prominent concern is the verification of student identities in a digital landscape, where confirming the identity of the individual completing an assignment becomes a formidable task [53]. The ease of accessing external assistance or utilizing work from others without detection undermines the principles of academic honesty. The vast online repository of information, including ready-made essays, facilitates plagiarism and copying [54], necessitating robust plagiarism detection tools and methods to differentiate between students' original efforts and replicated work. Another issue arises with the execution of online assessments. Ensuring their transparency and fairness requires educational institutions to apply specialized software for monitoring and control, leading to additional financial and technical expenses [55]. Moreover, privacy and data protection issues for students make the task even more complex. Tackling academic integrity issues in digital learning environments requires a multifaceted strategy. The key to this approach is cultivating a culture of truthfulness and accountability among the student body, which is underscored by educational initiatives that highlight the significance of academic ethics and the repercussions of misconduct [56]. This effort is supported by establishing explicit guidelines and protocols for completing and assessing assignments, alongside administering exams in virtual settings.

Implementing technological aids, such as plagiarism detection tools, exam monitoring via video, and identity confirmation software, is vital for upholding academic honesty [57]. Nonetheless, it is critical to acknowledge that technological measures alone are insufficient and should be paired with educational and disciplinary actions [58]. Ensuring academic integrity within online learning environments necessitates collaborative input from educational institutions, instructors, and students. The goal is to foster a transparent, equitable, and ethical educational atmosphere, thereby safeguarding the quality and reputation of the education delivered.

Insights from research on the role of online communities in student learning outcomes

Explorations into the effects of online communities on student achievements are paving the way for a deeper comprehension of educational dynamics in the digital realm. Many students use online platforms to facilitate communication, knowledge exchange, and collaborative project work. The influence of such virtual environments on academic success is a subject of keen interest among educators and researchers [59]. Findings indicate that involvement in online communities positively correlates with improved learning outcomes and student performance. These digital forums offer unparalleled opportunities for collective learning, exchanging ideas, and access to diverse informational resources [60]. Students actively involved in online interactions and collaborative efforts tend to exhibit greater engagement with their studies and a more thorough understanding of the course material. However, studies also point to various issues and challenges when leveraging online

communities for educational objectives. Issues of academic integrity, maintaining motivation and self-organisation among students in an online environment require additional attention from educational institutions. Ensuring equal access to all necessary resources and tools for all students is also crucial to prevent potential inequality and informational isolation [61]. Moreover, research results underscore the importance of developing effective teaching strategies and methods adapted to the peculiarities of virtual communities [62]. Teachers need to pay special attention to creating an inclusive and stimulating online educational environment that fosters active interaction and collaboration among students.

Research on the impact of virtual communities on student performance opens new perspectives for enhancing the quality and effectiveness of education. Active use of online platforms and technologies can contribute to creating more flexible, accessible, and personalised educational programs that meet the needs of modern students and society as a whole.

Prospects for the development of virtual communities in education

The prospects for the development of virtual communities in education promise a radical transformation of learning. Considering technological progress and the growing focus on remote learning, virtual educational platforms are becoming not just an alternative to traditional teaching methods, but a powerful tool capable of providing deeper immersion in study material and increasing the accessibility and inclusivity of education. Among the key trends shaping the future of virtual communities in education is the integration of artificial intelligence and machine learning. These technologies can facilitate personalised learning, analyse students' needs and preferences, and provide individual recommendations for courses and materials. Automation of learning and assessment will allow educators to focus on developing quality content and interacting with students [63]. The expansion of virtual laboratories and simulators will open new opportunities for practical training in various disciplines. Students will have the opportunity to engage in experiments and research within a digital setting, which is particularly crucial for the distance learning of disciplines such as natural sciences, medicine, engineering, and others that demand hands-on skills. Fostering connections between educational bodies and online communities will facilitate the establishment of global educational initiatives, uniting students and educators from across the globe. This collaboration not only facilitates the sharing of knowledge and experiences, but also nurtures intercultural skills among learners. There is also a focused effort on enhancing the social dynamics within online communities. Establishing an environment that supports effective communication, teamwork, and mutual assistance among learners will address the feeling of isolation frequently encountered in distance education. The introduction of mentoring schemes and support networks is instrumental in cultivating a robust educational community, where support and assistance are readily available to every participant. Achieving these goals necessitates more than just technological advancements; it also calls for the creation of innovative pedagogical strategies tailored to the unique aspects of online engagement. Elevating digital literacy amongst both educators and learners, upholding ethical norms, and safeguarding privacy online are crucial components. In essence, online educational communities hold vast potential to broaden educational access and empower student self-development. Their continued growth and integration into formal education will play a pivotal role in delivering a more adaptable, accessible, and interactive learning experience, aligning with the evolving demands of today's society and the job market.

REFERENCES

1. Goodfellow R. Virtuality and the shaping of educational communities. *Education, Communication & Information*, 2005, vol. 5, no. 2, pp. 113–129.
2. Lee E.K.O. Use of avatars and a virtual community to increase cultural competence. *Journal of Technology in Human Services*, 2014, vol. 32, no. 1–2, pp. 93–107.

3. Malyska D. The phenomenon of virtual educational communities in the systems of education of foreign countries: approaches to determination of concepts. *ITLT*, vol. 30, no. 4, Sep. 2012
4. Davis C., Goodman H. Virtual communities of practice in social group work education. *Social Work with Groups*, 2014, vol. 37, no. 1, pp. 85–95.
5. Maddix M.A. Developing online learning communities 1. *Christian Education Journal*, 2013, vol. 10, no. 1, pp. 139–148. DOI: 10.1177/073989131301000111
6. Jae Chuang V., Ceballos A., Bundgaard H., Furu P., Bregnhøj H., Harker-Schuch I., Bugge Henriksen C. Understanding the dynamics of online learning communities; experiences from three university courses. *Tidsskriftet Læring Og Medier (LOM)*, 2016, vol. 9, no. 16. DOI: 10.7146/lom.v9i16.24412
7. Karunanayaka S. Designing an online learning community among teacher educators. *Asian Association of Open Universities Journal*, 2008, vol. 3, no. 2, pp. 71–82.
8. Duan Y., Wang J. A study on the effectiveness of online learning community construction – taking advanced English course as an example. *2021 IEEE International Conference on Electronic Technology, Communication and Information (ICETCI)*, 2021, pp. 319–324. DOI: 10.1109/ICETCI513161.2021.9563466.
9. Nicol D., Minty I., Sinclair C. The social dimensions of online learning. *Innovations in education and Teaching International*, 2003, vol. 40, no. 3, pp. 270–280.
10. Kross S., Hargittai E., Redmiles E.M. Characterizing the online learning landscape: what and how people learn online. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 2021, vol. 5, Iss. CSCW1, Article no. 146, pp. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1145/3449220>.
11. Davies J., Graff M. Performance in e-learning: online participation and student grades. *British Journal of Educational Technology*, 2005, vol. 36, no. 4, pp. 657–663.
12. Suhadi A.Y., Mustaffa N. Online learning makes student perform better: a quantitative study of interactivity during class and academic performance among USIM students. *Al-i'lam-Journal of Contemporary Islamic Communication and Media*, 2023, vol. 3, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.33102/jcicom.vol3no1.84>
13. Umi Salamah, Abdul Bashith, Ilfi Nurdiana, Akhmad Said. Students' perceptions of online learning on social interaction. *Al-Mudarris: Journal of Education*, 2020, vol. 3, no. 2, pp. 215–225. DOI: 10.32478/al-mudarris.v3i2.527
14. Morrison J.S. Getting to know you: student-faculty interaction and student engagement in online courses. *7th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'21)*. Valencia, Universitat Politècnica de València, 2021. DOI: 10.4995/HEAd21.2021.13160.
15. Liao F., Wei Q., Li A., Yang J. Link virtual community interaction and citizenship behavior of fitness Club customers: the role of psychological empowerment and sense of community. *Sustainability*, 2023, vol. 15, no. 3, pp. 2455. DOI: 10.3390/su15032455
16. Dzardanova E., Kasapakis V., Gavalas D. Affective impact of social presence in immersive 3D virtual worlds. *2017 IEEE Symposium on Computers and Communications (ISCC)*. IEEE, 2017, pp. 6–11. DOI: 10.1109/ISCC.2017.8024496
17. Chou H.-J., Li S.-Y., Yang Y.-S., Yang Y.-J., Jhang F.-M., Wang R.-J. The effect of personality traits, attitudes toward using the internet and interpersonal relationship on sense of virtual community and community loyalty—a case of virtual community website. *Journal of Modern Business Chemistry*, 2013, vol. 7, no. 1, pp. 71–94. DOI: <https://doi.org/10.6132/JCM.2013.7.1.04>
18. Silvers P., O'Connell J., Fewell M. Strategies for creating community in a graduate education online program. *Journal of Computing in Teacher Education*, 2007, vol. 23, no. 3, pp. 81–87.
19. Bollenbach K.L., Powell E.D., Moore S.L., Groves J.F. Building a healthy online student community through education environment design. *2014 ASEE Annual Conference & Exposition*, 2014. Paper ID № 10783.
20. Wang L. Effects of online learning communities on college students' knowledge learning and construction. *Journal of Interdisciplinary Mathematics*, 2018, vol. 21, no. 2, pp. 377–387.
21. Cuthbertson W., Falcone A. Elevating engagement and community in online courses. *Journal of Library & Information Services in Distance Learning*, 2014, vol. 8, no. 3–4, pp. 216–224.
22. Bozyiğit N., Onan T.S., Özçınar A., Erdem A. An in-class project model: Active learning and effective participation. *Journal of Education and Future*, 2014, no. 6, pp. 15–24.
23. Aubrey S. Enhancing long-term learner engagement through project-based learning. *ELT Journal*, 2022, vol. 76, no. 4, pp. 441–451.
24. Rohmah S.N., Waluya S.B., Rochmad, Wardono. Project based learning to improve student learning activeness. *Journal of Physics: Conference Series. IOP Publishing*, 2020, vol. 1613, no. 1, 012079. DOI:10.1088/1742-6596/1613/1/012079
25. Leach L. Enhancing student engagement in one institution. *Journal of Further and Higher Education*, 2016, vol. 40, no. 1, pp. 23–47.
26. Peters H. Twelve tips for enhancing student engagement. *Medical teacher*, 2019, vol. 41, no. 6, pp. 632–637.

27. Kramer Ertel P. A. Key principles and strategies for enhancing student engagement and learning. *Kappa Delta Pi Record*, 2021, vol. 57, no. 3, pp. 120–125.
28. Martin F., Bolliger D.U. Engagement matters: student perceptions on the importance of engagement strategies in the online learning environment. *Online learning*, 2018, vol. 22, no. 1, pp. 205–222.
29. Trumbore A. Rules of engagement: strategies to increase online engagement at scale. *Change: The Magazine of Higher Learning*, 2014, vol. 46, no. 4, pp. 38–45.
30. Hamdan K., Amorri A. The impact of online learning strategies on students' academic performance. *E-learning and digital Education in the twenty-first century*, 2022, pp. 1–19. DOI: 10.5772/intechopen.94425
31. Tsvetkova N., Mavrodieva I. Social capital and participation in virtual student communities. *PEOPLE: International Journal of Social Sciences*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 800–819. DOI: 10.20319/pijss.2018.42.800819
32. Marin E. Learning through online discussions: the benefits of building virtual learning communities among students. *International Scientific Conference eLearning and Software for Education*, 2014, vol. 2, pp. 332–336. DOI: 10.12753/2066-026X-14-105
33. Giddens J. The impact of a virtual community on student engagement and academic performance among baccalaureate nursing students. *Journal of Professional Nursing*, 2012, vol. 28, no. 5, pp. 284–290.
34. Ortega A.M. Ambientes virtuales y su influencia en el desempeño académico. *Revista Científica del Sistema de Estudios de Postgrado de la Universidad de San Carlos de Guatemala*, 2023, vol. 6, no. 2, pp. 143–150.
35. Mamani D.F. Efectos del aula virtual como estrategia de enseñanza–aprendizaje en el logro de aprendizajes significativos en estudiantes universitarios. *Revista de Investigaciones Interculturales*, 2021, vol. 1, no. 1, pp. 19–24.
36. Pascual-Miguel F. A characterisation of passive and active interactions and their influence on students' achievement using Moodle LMS logs. *International Journal of Technology Enhanced Learning*, 2011, vol. 3, no. 4, pp. 403–414.
37. Stonebraker I. Active or passive, it depends: evaluating the comparative effect on student performance of online tutorials. *ACRL 20th National Conference. Ascending into an Open Future*, 2021. Available at: <https://alair.ala.org/items/4b912f5a-16a8-4642-8df2-b353d600c1f3> (accessed: 13 January 2024).
38. Aji C.A., Khan M.J. The impact of active learning on students' academic performance. *Open Journal of Social Sciences*, 2019, vol. 7, no. 03, pp. 204–211. DOI: 10.4236/jss.2019.73017
39. Deslauriers L. Measuring actual learning versus feeling of learning in response to being actively engaged in the classroom. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2019, vol. 116, no. 39, pp. 19251–19257.
40. Michel N., Cater III J.J., Varela O. Active versus passive teaching styles: An empirical study of student learning outcomes. *Human resource development quarterly*, 2009, vol. 20, no. 4, pp. 397–418.
41. Miller C.J., Metz M.J. A comparison of professional-level faculty and student perceptions of active learning: its current use, effectiveness, and barriers. *Advances in physiology education*, 2014, vol. 38, no. 3, pp. 246–252.
42. Lisá E., Sokolová L., Jablonická P., Kardelisová L. Motivation to succeed is not enough: motivated students need to know how to plan/organize their steps on their way to success. *Frontiers in Psychology*, 2023, vol. 14, 1119409. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1119409
43. Cruz M.C.A.D. Self-efficacy, motivation and academic performance of students during the flexible learning mode. *Brazilian Journal of Science*, 2023, vol. 2, no. 9, pp. 22–36.
44. Ning H.K., Downing K. Influence of student learning experience on academic performance: the mediator and moderator effects of self-regulation and motivation. *British Educational Research Journal*, 2012, vol. 38, no. 2, pp. 219–237.
45. Hidajat H.G. The role of self-efficacy in improving student academic motivation. *KnE Social Sciences*, 2023, pp. 175–187. DOI: <https://doi.org/10.18502/kss.v8i19.14362>
46. Acosta-Gonzaga E. The effects of self-esteem and academic engagement on university students' performance. *Behavioral Sciences*, 2023, vol. 13, no. 4, 348. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs13040348>
47. Kinnevy S.C., Enosh G. Problems and promises in the study of virtual communities. *Journal of Technology in Human Services*, 2002, vol. 19, no. 2–3, pp. 119–134.
48. Scheiner C., Haas P., Bretschneider U., Blohm I., Leimeister J.M. Obstacles and challenges in the use of gamification for virtual idea communities. *Gamification*. Eds. S. Stieglitz, C. Lattemann, S. Robra-Bissantz, R. Zarnekow, T. Brockmann. Springer, 2017, pp. 65–76. DOI: 10.1007/978-3-319-45557-0_5
49. Ardichvili A., Page V., Wentling T. Motivation and barriers to participation in virtual knowledge-sharing communities of practice. *Journal of knowledge management*, 2003, vol. 7, no. 1, pp. 64–77.
50. Zheng Z., Shen L. The formation of consumer's role in virtual communities. *2013 Sixth International Symposium on Computational Intelligence and Design*, 2013, vol. 2, pp. 189–192.
51. De Oliveira Bueno A., Anacleto J.C. Municipal Virtual Communities (MuViC) expanding cities to the virtual world. *Proceedings of the XVI Brazilian Symposium on Human Factors in Computing Systems*, 2017, no. 37, pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1145/3160504.3160526>
52. Hummel J., Lechner U. Social profiles of virtual communities. *Proceedings of the 35th Annual Hawaii International Conference on System Sciences. IEEE*, 2002, vol. 7. DOI: 10.1109/HICSS.2002.994154.

53. Bane J.A. Academic integrity in the online classroom. *eLearn*, 2019, vol. 2019, no. 8. DOI: doi.org/10.1145/3343412.3343233
54. Goff D., Johnston J., Bouboulis B. S. Maintaining academic standards and integrity in online business courses. *International Journal of Higher Education*, 2020, vol. 9, no. 2, pp. 248–257.
55. Mutalip Z.A. Online final examination: managing academic integrity issues. *Journal of Advanced Research in Applied Sciences and Engineering Technology*, 2023, vol. 34, no. 2, pp. 222–234.
56. Stevens R. Student perspectives of academic integrity in an online environment: a pilot study. *Archives of Business Review*, 2021, vol. 9, no. 2, pp. 60–69. DOI: [10.14738/abr.92.9680](https://doi.org/10.14738/abr.92.9680)
57. Bradfield G., McAllister R. Strategies to maximize academic integrity in online education. *The Journal of Adventist Education*, 2022, vol. 84, Iss. 2, pp. 18–24. DOI: <https://doi.org/10.55668/jae0005>.
58. Manoharan S., Ye X. On upholding academic integrity in online examinations. *IEEE Conference on e-Learning, e-Management and e-Services (IC3e)*, 2020, pp. 33–37. DOI: [10.1109/IC3e50159.2020.9288468](https://doi.org/10.1109/IC3e50159.2020.9288468)
59. Toong T.H., Liyen L., Ping L.Y. The impact of virtual learning on Multimedia University student performance: a cross-sectional study. *F1000Research*, 2021, vol. 10. DOI: <https://doi.org/10.12688/f1000research.72881.1>
60. Giddens J. The impact of a virtual community on student engagement and academic performance among baccalaureate nursing students. *Journal of Professional Nursing*, 2012, vol. 28, no. 5, pp. 284–290.
61. Hark Söylemez N. Virtual classrooms in distance education: an examination of virtual classroom experiences. *Acta Didactica Napocensia*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 123–139.
62. Aparicio-Chueca P., Triadó-Ivern X., Callejo-Blanco J. Relationship between the use of the virtual campus (moodle) and academic performance: first-year student profiles. *INTED2023 Proceedings*, 2023, pp. 5323–5328. DOI: [10.21125/inted.2023.1381](https://doi.org/10.21125/inted.2023.1381)
63. Hussain I., Hussain I., Ramzan M. Future prospects of virtual education in Pakistan: opportunities and challenges. *Journal of Research in Social Sciences*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 149–163.

Information about the authors

Semen M. Levin, Cand. Sc., PhD, Professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 40, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation. semen.m.levin@tusur.ru; <http://orcid.org/0000-0002-3470-6365>

Received: 19.01.2024

Revised: 04.05.2024

Accepted: 30.06.2024

Информация об авторах

Семен Михайлович Левин, кандидат юридических наук, PhD, профессор кафедры автоматизированных систем управления Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40. semen.m.levin@tusur.ru; <http://orcid.org/0000-0002-3470-6365>

Поступила: 19.01.2024

Принята: 04.05.2024

Опубликована: 30.06.2024

УДК 364.4-78:616.98:578.828НIV
DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1810
Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Особенности и проблемы организации социальной работы с ВИЧ-инфицированными в современных условиях (на примере Иркутской области)

Е.Р. Безгачева, Е.Г. Копалкина✉

Байкальский государственный университет, Россия, г. Иркутск

✉kopalkina2017@list.ru

Аннотация. *Актуальность* определяется повышением роли социальной работы с ВИЧ-инфицированными в современных условиях как востребованного механизма обеспечения качества их жизни и социального благополучия на личностном, групповом и общественном уровнях. *Методы:* метод вторичного анализа данных социологических исследований, мониторинговый анализ, глубинное интервью, SWOT-анализ. *Цель:* анализ особенностей и проблем организации социальной работы с ВИЧ-инфицированными людьми на современном этапе развития российского общества (на примере Иркутской области). *Результаты:* раскрыто социальное положение ВИЧ-инфицированных; показаны проблемы, с которыми они сталкиваются в трудовой сфере, в пенитенциарной системе и причиной которых являются низкий уровень информированности населения, стереотипы, предрассудки, мифы и дезинформация о ВИЧ-инфекции; проанализированы результаты социологических исследований, проведенных в разные годы, которые показали, что сегодня отношение россиян к ВИЧ-позитивным людям стало более терпимее в целом, к ВИЧ-инфицированным коллегам – в частности; подчеркивается роль социальной работы в улучшении качества повседневной жизни ВИЧ-инфицированных; представлена актуальная статистическая информация за 2021–2023 гг., раскрывающая динамику изменения основных показателей ситуации в Иркутской области по ВИЧ-инфекции, а также долю людей, живущих с ВИЧ/СПИДом по всему миру и в России; описана деятельность ГБУЗ «Иркутский областной центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями», используемые им технологии и формы работы, в том числе инновационные; проанализированы результаты проведенного авторами интервью со специалистами по социальной работе Иркутского СПИД-центра с целью изучения содержания и особенностей их профессиональной деятельности, определены проблемы и сложности, с которыми они сталкиваются при общении с пациентами центра; описаны результаты SWOT-анализа организации социальной работы в России, а также сформулированы практические рекомендации по оптимизации социальной работы с ВИЧ-инфицированными в современных условиях. *Выводы:* несмотря на трудности, специалисты по социальной работе сопровождают и поддерживают ВИЧ-инфицированных с момента установления положительного ВИЧ-статуса и до начала оказания им паллиативной помощи, снижая негативные социальные последствия их ВИЧ-статуса, тем самым способствуя повышению качества повседневной жизни и обеспечивая им определенное социальное благополучие в обществе.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, стигматизация, дискриминация, СПИД-центр, социальная работа, качество жизни, социальное благополучие, самостигматизация

Для цитирования: Безгачева Е.Р., Копалкина Е.Г. Особенности и проблемы организации социальной работы с ВИЧ-инфицированными в современных условиях (на примере Иркутской области) // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 2. – С. 86–98. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1810

УДК 364.4-78:616.98:578.828HIV
DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1810

Features and problems of organizing social work with HIV-infected people in modern conditions (using the example of the Irkutsk region)

E.R. Bezgacheva, E.G. Kopalkina✉

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

✉kopalkina2017@list.ru

Abstract. Relevance. The increasing role of social work with HIV-infected people in modern conditions as a sought-after mechanism for ensuring their quality of life and social well-being at the personal, group and social levels. **Methods.** Method of secondary analysis of sociological research data, monitoring analysis, in-depth interview, SWOT analysis. **Aim.** To analyze the features and problems of organizing social work with HIV-infected people at the current stage of development of Russian society (using the example of the Irkutsk region). **Results.** The paper reveals the social situation of HIV-infected people at the present stage of Russian society. The problems they face in the labor sphere, in the penitentiary system, often caused by low public awareness, the existence of stereotypes, prejudices, myths and misinformation about HIV infection are shown. The authors have analyzed the results of sociological research conducted in different years. The results showed that today the attitude of Russians towards HIV-positive people has become more tolerant in general, towards HIV-infected colleagues in particular. The paper emphasizes the role of social work in improving the quality of daily life of HIV-infected people and introduces the up-to-date statistical information for 2021–2023. It reveals the dynamics of changes in the main indicators of the situation in the Irkutsk region on HIV infection, as well as the proportion of people living with HIV/AIDS worldwide and in Russia as a whole. The paper describes the activities of the Irkutsk Regional Center for the Prevention and Control of AIDS and Infectious Diseases, the technologies and forms of work used by it, including innovative ones. The authors analyzed the results of a qualitative interview with specialists in social work at the Irkutsk AIDS Center for studying the content and features of their professional activities, and identified the problems and difficulties they face when communicating with patients of the center. The results of a SWOT analysis of social work organization in our country are described, and practical recommendations for optimizing social work with HIV-infected people in modern conditions are stated. **Conclusions.** Despite the difficulties, social work specialists accompany and support HIV-infected people from the moment they establish a positive HIV status and before they begin palliative care, reducing the negative social consequences of their HIV status, thereby contributing to improving the quality of daily life and providing them with a certain social well-being in society.

Keywords: HIV infection, stigmatization, discrimination, AIDS center, social work, quality of life, social well-being, self-stigmatization

For citation: Bezgacheva E.R., Kopalkina E.G. Features and problems of organizing social work with HIV-infected people in modern conditions (using the example of the Irkutsk region). *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 2, pp. 86–98. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1810.

Введение

С момента обнаружения ВИЧ-инфекции в мире прошло более 40 лет, но за это время положение ВИЧ-инфицированных людей в обществе так и не стало для них достаточно благоприятным. Несмотря на достаточно развитое законодательство в отношении ВИЧ-позитивных людей, исследователями отмечается ряд социальных проблем. Большинство из них связаны с низким уровнем информированности населения в вопросах о ВИЧ-инфекции и частым несоблюдением прав ВИЧ-инфицированных граждан в повседневной жизни (например, на рабочем месте, в медучреждениях, образовательных организациях и т. д.).

Исследователь Р.А. Гороян описывает такие формы проявления дискриминации ВИЧ-положительных работников на рабочем месте, как прямая и косвенная дискриминация, ассоциативная дискриминация, домогательства и виктимизация. Очень часто нарушение прав ВИЧ-позитивных работников в трудовой сфере происходит из-за нарушения конфиденциальности информации и разглашения персональных данных, когда работодатели, несмотря на законодательный запрет, отказывают ВИЧ-инфицированным в трудоустройстве без объяснения причин. В большинстве подобных случаев, имея возможность обратиться в суд с целью отстаивания своих прав, ВИЧ-позитивные люди отказываются, боясь раскрыть свой ВИЧ-статус, или сомневаются в выигрыше данного процесса, учитывая свои материальные и эмоциональные затраты. В реальности на практике установить степень дискриминации на рабочем месте очень непросто и, к сожалению, государственные органы и учреждения, уполномоченные расследовать и преследовать в судебном порядке нарушения федерального закона № 38-ФЗ, не ведут о таких случаях базу данных [1]. Находясь в пенитенциарных учреждениях, ВИЧ-инфицированные осужденные также сталкиваются с нарушением своих прав, поскольку нередко в учреждениях уголовно-исполнительной системы отсутствует инфекционист, существует нехватка лекарственных препаратов, из-за чего ВИЧ-позитивные осужденные либо не получают антиретровирусную терапию вовсе, либо получают неполную схему, что негативно отражается на состоянии их здоровья [2].

Отсутствие необходимых знаний о способах передачи инфекции, наличие страхов и стереотипов, существование мифов и дезинформации о ВИЧ-инфекции приводит к формированию непросвещенного общества и, как следствие, порождает негативное отношение к ВИЧ-положительным людям [3]. Отрицательную позицию в большинстве исследований занимают респонденты, далекие от медицины, люди старших возрастов и жители сельской местности. Согласно результатам телефонного опроса, проведенного в 2023 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения, доля россиян, которые оценили себя как знающих много о ВИЧ-инфекции и СПИДе, составляла 41 %, больше половины (54 %) признались, что имеют поверхностное представление, и доля тех, кто ничего не знает о данном заболевании составила 5 %. За пять лет значительного прогресса в увеличении уровня информированности населения по теме ВИЧ не произошло: в 2018 г. хорошо знали о ВИЧ и СПИДе 39 % опрошенных, что-то слышали – 58 %, ничего не знали – 3 %. Также было установлено, что доля россиян, не почувствовавших бы дискомфорта в случае их взаимодействия с ВИЧ-позитивным человеком, составила 21 %, а 66 % опрошенных признались, что им было бы некомфортно создавать семью и заводить детей с ВИЧ-инфицированным человеком. Около 34 % россиян не хотели бы приобретать продукты у ВИЧ-положительного продавца, чуть меньше граждан (30 %) признались, что чувствовали бы себя некомфортно в случае, если бы их ребенок обучался с ВИЧ-позитивным. Ухаживать за родственником с ВИЧ-статусом были готовы 22 % из всего числа опрошенных, выполнять совместную работу с ВИЧ-позитивным человеком – 21 %, соседствовать по лестничной клетке с ВИЧ-инфицированным человеком – 15 % [4]. Тем не менее, как отмечает П.Д. Батусова, на основе сравнительного анализа результатов исследований, проведенных ВЦИОМ в 2005 г. и 2018 г., отношение россиян к ВИЧ-позитивным людям стало намного терпимее [5].

Об этом свидетельствуют результаты другого социологического опроса, проведенного в 2021 г. среди работающего населения страны на портале Superjob.ru, на тему толерантного отношения к ВИЧ-позитивным коллегам. Респондентам задавались гипотетические вопросы о ситуации выявления ВИЧ у их коллеги. По итогам опроса были получены следующие результаты: узнав, что коллега ВИЧ-инфицирован, 62 % россиян сообщили, что не изменят к нему своего отношения; ограничат контакты с ним – 14 %, 2 % – прекратят с ним любое общение. Затруднения появились у 22 % респондентов, которые не рискнули предугадать свою реакцию на известие о ВИЧ-инфекции у коллеги. Согласно опросу, наибольшую

толерантность к ВИЧ-позитивным проявляют жители крупных мегаполисов России (Москва – 70 %, Санкт-Петербург – 67 %, Екатеринбург – 66 %) и женщины (66 % против 57 % среди мужчин). Наибольшая стигматизация была выявлена со стороны мужчин: среди них есть те, кто ограничит контакты с ВИЧ-инфицированным, – 18 %, и те, кто полностью прекратит общение, – 3 %. Аналогичное исследование проводили и в 2016 г., при сравнении результатов был сделан вывод об увеличении числа россиян, которые готовы к дальнейшему общению с ВИЧ-позитивным коллегой [6].

Самым распространенным заблуждением среди населения является убеждение в том, что наличие ВИЧ-инфекции у конкретного человека обусловлено исключительно его принадлежностью к группам риска («болезнь наркоманов», «чума гомосексуалистов» и т. д.), чье поведение называют девиантным, также их считают основными распространителями ВИЧ-инфекции, к ним относятся: ПИН (потребители инъекционных наркотиков), КСР (коммерческие секс-работники) и МСМ (мужчины, имеющие секс с мужчинами). Презрительное отношение общества к ним еще больше усиливает страх людей заразиться ВИЧ-инфекцией и «попасть» с ними в один ряд [7]. На сегодняшний день факт инфицирования воспринимается обществом как очевидное последствие действий и поведения самого человека (вектор вины направлен на себя – «сам виноват») или трагическое стечение обстоятельств (вектор вины направлен на внешние факторы – ошибка медицинского персонала, измены партнера, рождение от ВИЧ-инфицированной матери и др.) [8]. Нередко со временем ВИЧ-положительные люди начинают примиряться внутри себя с негативным отношением к себе со стороны общества, а также неприятной реакцией на их ВИЧ-статус. Следствием такого внутреннего примирения является «внутренняя стигматизация» или «самостигматизация», что в дальнейшем воздействует на самоуважение и самооценку человека. Итогом самостигматизации у людей, живущих с ВИЧ/СПИДом, может стать состояние депрессии, закрытости или даже возникновение суицидальных мыслей. Большие сложности у ВИЧ-позитивных возникают, когда дело все-таки доходит до раскрытия своего ВИЧ-статуса, даже если раскрыть его предстоит перед постоянным партнером и членами семьи, поскольку ВИЧ-положительные боятся быть отвергнутыми близкими людьми; уверены, что не смогут получить поддержку и помощь от родных; не хотят создавать дополнительные трудности и приносить страдания близким людям; придерживаются мнения, что чем меньше людей знает, тем для них же и лучше.

В России проблемой ВИЧ-инфекции и помощью ВИЧ-инфицированным занимаются преимущественно *благотворительные фонды и Центры по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями*. Сегодня действуют 92 региональных СПИД-центра, осуществляющие основную деятельность в борьбе с ВИЧ/СПИДом и оказывающие необходимые для ВИЧ-позитивных граждан услуги (оказание лечебной, профилактической, диагностической, консультативной, правовой помощи и т. д.) [9]. Самыми известными благотворительными фондами являются «Поддержка социальных инициатив и общественного здравоохранения» (Москва), «Свет жизни» (Пермь), «Сибирь-СПИД-Помощь» (Томск), «Дети плюс» (Москва), МБОО «Содействие» (Санкт-Петербург), «Фарес» (Челябинск) и др., которые в основном занимаются профилактикой ВИЧ-инфекции, борьбой с социальной стигматизацией и дискриминацией ВИЧ-позитивных людей.

Неотъемлемая часть помощи ВИЧ-инфицированным и членам их семей – *социальная работа*, направленная на улучшение качества жизни и социального благополучия ВИЧ-инфицированных с момента прохождения ими скрининга на ВИЧ и до начала осуществления паллиативной помощи. Важнейшей технологией социальной работы является *профилактика возникновения ВИЧ-инфекции* и ее распространения как одного из наиболее оптимальных путей борьбы с ней [10]. Программа первичной профилактики ВИЧ начала развиваться в России в начале 90-х годов [11], когда была представлена в виде информационных кампаний,

акций, социальной рекламы, добровольческих молодежных движений, «горячих линий» и т. д. Основная цель организации мероприятий по профилактике ВИЧ-инфекции – это информирование широких слоев населения на предмет понимания особенностей ВИЧ-инфекции и осознанного формирования безопасной модели поведения, препятствующей заражению ВИЧ-инфекцией.

Профилактику можно классифицировать по целевой группе (кто является объектом воздействия); содержанию деятельности (что является предметом деятельности); «точке приложения» усилий. В соответствии с терминологией Всемирной организации здравоохранения выделяют первичную, вторичную и третичную профилактику. Первичная профилактика направлена на информирование здорового населения о путях передачи, способах защиты от ВИЧ-инфекции, формировании здорового образа жизни (ЗОЖ) и безопасном поведении во избежание случаев заражения ВИЧ-инфекцией. На этом этапе проводят тестирование на ВИЧ и занимаются пропагандой ЗОЖ. Вторичная профилактика направлена на снижение частоты передачи ВИЧ-инфекции неинфицированным лицам от инфицированных (дискордантные пары, дети, рожденные ВИЧ-позитивными женщинами, и т. д.). Третичная профилактика направлена на повышение приверженности ВИЧ-инфицированных лиц медицинскому наблюдению и ВААРТ. Задача третичной профилактики – социальная и медицинская реабилитация.

Как справедливо полагают исследователи О.И. Бородкина и Н.В. Соколов, поддержка специалистов по социальной работе и психологов важна на стадии прохождения теста на ВИЧ, поскольку уже на данном этапе человек испытывает определенные переживания. Еще больше ситуация усугубляется в случае, если результат оказывается положительным: человек, как правило, впадает в шоковое состояние, за которым может возникнуть *анозогнозия* (отрицание у себя заболевания, которое в реальности есть) или депрессия [12]. Необходимым становится и участие социальных работников в процессе оказания *паллиативной помощи* ВИЧ-инфицированным, находящимся *на стадии СПИД*. Помощь социальных работников в основном строится вокруг одиноких ВИЧ-инфицированных – в приобретении и доставке лекарств и продуктов, в оформлении пособий и пр. Сегодня назначение антиретровирусной терапии (АРТ) происходит сразу, как только человек узнал о своем диагнозе, и ее прием является важной частью профилактики. Благодаря регулярному приему индивидуально подобранной схемы АРТ уже на ранних стадиях ВИЧ-позитивный человек становится неспособным к передаче инфекции другим людям. *Средняя продолжительность жизни* человека, правильно принимающего антиретровирусную терапию, составляет более 69 лет. Важными условиями приема являются: 1) максимально короткий период между установлением диагноза ВИЧ-инфекции и началом приема АРТ; 2) регулярный прием назначенной схемы [13]. В России препараты антиретровирусной терапии оплачиваются государством, поскольку входят в список жизненно необходимых лекарственных препаратов. В случае с маломобильными ВИЧ-инфицированными, которые не могут самостоятельно забирать свои препараты, предусмотрена возможность доставки АРТ на дом социальными работниками. Специалисты по социальной работе также участвуют в создании условий для снижения негативных последствий, вызванных эпидемией ВИЧ-инфекции, таких как неприязнь общества к ВИЧ-позитивным, их *дискриминация и стигматизация*. Основной задачей является изменение общественного мнения, формирование *толерантности* к ВИЧ-положительным и борьба со страхами в общественном сознании. Как правило, деятельность в этом направлении осуществляется при помощи информационных кампаний для определенных целевых групп, привлечения СМИ, демонстрации позитивных практик по интеграции людей, живущих с ВИЧ/СПИДом (например, дискордантные пары), индивидуальной и групповой социальной работы по развитию потенциала людей и т. д.

Таким образом, социальные работники сопровождают ВИЧ-инфицированных людей на протяжении их жизненного пути (от начала установления ВИЧ-статуса) для того, чтобы дать возможность людям, живущим с ВИЧ, вести полноценную жизнь в обществе, помогают людям получить доступ к антиретровирусной терапии, оказывают поддержку в период лечения, защищают права ВИЧ-инфицированных (трудовые, гражданские и т. д.), ведут широкомасштабную работу в борьбе против дискриминации и стигматизации путем просвещения населения.

Материалы и методы исследования

В данной статье используются результаты *глубинного интервью* со специалистами по социальной работе, проведенного на базе ГБУЗ «Иркутский областной центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями», а также результаты *SWOT-анализа*, раскрывающего сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы в организации социальной работы с ВИЧ-инфицированными в России и за рубежом. Теоретико-методологическую основу изучения ВИЧ-инфицированных людей как объекта социальной работы заложили:

- научные исследования Р.Р. Новиковой, Г.И. Суворова, Д.А. Суворовой, Р.С. Мануевой, П.Д. Батусовой, Ю.М. Гулаковой, М.В. Самулева по проблеме информированности населения о ВИЧ-инфекции;
- научные труды О.А. Новицкой, А.Е. Грязевой, О.И. Бородкиной, Н.В. Соколова по вопросам профилактики ВИЧ-инфекции среди уязвимых групп населения;
- научные статьи Р.Г. Иванян, Ю. Прожеринной, И. Широковой, Р.А. Торосян по социальной работе с ВИЧ-инфицированными;
- журналистские работы Оксаны Маклаковой, пишущей про ВИЧ более 12 лет, и Маргариты Логиновой (журналист tauga.info) о проблемах ВИЧ-инфицированных граждан.

Результаты и выводы исследования

Согласно данным Информационного бюллетеня Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИДУ (ЮНЭЙДС) от 2023 г., общемировое число людей, живущих с ВИЧ, на 2022 г. составляло более 39 млн чел. [14], из них около 1,2 млн – граждане России [15]. Сегодня ВИЧ-инфекция перестала изучаться как исключительно медицинская проблема, поскольку находится на стыке медицинских, психологических, юридических и социальных наук, и требует внимания не только со стороны государства и специалистов в области медицины (инфекционисты, эпидемиологи и т. д.), но и специалистов по социальной работе. Вместе с распространением ВИЧ-инфекции в мире происходит и развитие новых методов, форм, технологий и подходов в работе как с ВИЧ-позитивными людьми, так и со здоровым населением. Организация социальной работы в разных странах и регионах имеет свои отличия [16].

Согласно данным Роспотребнадзора, Иркутская область по-прежнему остается в числе областей-лидеров, в которых фиксируется наиболее напряженная ситуация, связанная с ВИЧ-инфекцией [17]. Численность фактически живущих ВИЧ-инфицированных жителей Иркутской области на 1 января 2024 г. составила 30 467 чел., на 1 января 2023 г. – 30 259 чел., на 1 января 2022 г. – 28 218 чел. Тем не менее на фоне дальнейшего распространения число выявленных новых случаев заражения постепенно идет на спад. Так, анализируя эффективность информационно-профилактической работы за последние пять лет, новых случаев было выявлено: в 2019 г. – 3120 чел., в 2020 г. – 1890 чел., в 2021 г. – 1857 чел., в 2022 г. – 1765 чел., а в 2023 г. было зафиксировано самое наименьшее значение показателя за все время эпидемии ВИЧ-инфекции в области – 1730 чел. Данный показатель связан с увеличением объема скрининга и числа обращений жителей региона в медицинские организации. За 11 месяцев 2021 г. охват скринингом составил 27,8 % от общего населения Иркутской об-

ласти, а выявляемость – 3,6 % на 1000 чел., в 2022 г. за 11 месяцев – скрининг 29,9 % от общего населения Иркутской области, а выявляемость – 3 % на 1000 чел., в 2023 г. за 11 месяцев скрининг составил 32,6 % от общего населения Иркутской области, а выявляемость – 2,6 % от населения региона. Также значительно вырос охват населения профилактическими мероприятиями: в 2021 г. охват составил 49 966 чел., в 2022 г. – 26 954 чел., а уже в 2023 году – 82 846 чел. Большим достижением в этом году стало достижение стопроцентного охвата терапией всех ВИЧ-положительных детей региона (в 2022 г. охват АРТ несовершеннолетних составлял 95 %). По-прежнему основным путем передачи ВИЧ-инфекции остается половой – 89,2 %, на втором месте парентеральный (при употреблении наркотических веществ) – 10,1 %, на третьем – вертикальный (от матери к ребенку) – 0,7 % [18].

Основную деятельность по профилактике и борьбе со СПИДом в Иркутской области осуществляет ГБУЗ «Иркутский областной центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями» (2003), которое в 2018 г. стало лучшим по стране среди профильных медицинских организаций. Важным направлением деятельности СПИД-центра является *Школа пациентов* – организованные занятия с целью социальной адаптации пациента к принятию своего ВИЧ-статуса, индивидуальной работы с ВИЧ-позитивным и его ближайшим окружением, перенаправление к «равному консультанту», проведение тематических занятий для повышения уровня информированности по вопросам ВИЧ-инфекции, ее лечения, приверженности лечению, освещению социально-правовых аспектов и пр. Специалистами Иркутского СПИД-центра реализуется совместная работа с различными специалистами-медиками (инфекционной, противотуберкулезной, наркологической, кожно-венерологической, онкологической службами, службой материнства и детства и т. д.), также ими используются различные инновационные подходы, такие как:

- передвижной лабораторно-диагностический комплекс для проведения бесплатного и анонимного экспресс-тестирования на ВИЧ (с 2019 г.). В мобильных пунктах СПИД-центра, кроме исследования на ВИЧ, выполняется исследование на вирусную нагрузку и иммунный статус;
- профилактические мероприятия с применением дополненной реальности (проект «Интерактивная выставка «Чувствуй лучше», 3D-мэппинг – проецирование 3D-изображений на любые объемные, рельефные объекты), которые ни одна организация до ИОЦ СПИД в медицине не проводила;
- организация ежегодных экспедиций по профилактике ВИЧ-инфекции (в 2023 г. – посещение 16 городов Иркутской области);
- активное сотрудничество с некоммерческими организациями (прежде всего с АОН «Кризисный центр для женщин «Мария», АНО «Сибирячки плюс»), результатом которого является, например, разработка *бесплатных сертификатов*, обеспечивающих бесплатное прохождение обследования не только на ИППП (инфекции, передающиеся половым путем), но также УЗИ и другие виды инструментальной диагностики, а также возможность регулярно проходить полный чек-ап в рамках диспансерного наблюдения.

С целью анализа содержания и особенностей деятельности ГБУЗ «ИОЦ СПИД» было проведено глубинное интервью со специалистами по социальной работе, гайд которого состоял из 15 вопросов, разбитых на три тематических блока: 1) ВИЧ-инфицированные как объект социальной работы; 2) суть и содержание деятельности специалиста по социальной работе с ВИЧ-позитивными людьми; 3) значение и перспективы социальной работы при оказании помощи ВИЧ-позитивным людям.

Опираясь на ответы, полученные от специалистов, можно составить примерный образ *среднестатистического ВИЧ-инфицированного человека*, обращающегося за помощью к специалистам ГБУЗ «ИОЦ СПИД»: мужчина, старше 30 лет, неработающий (получает пособие по инвалидности) или работающий (не в какой-то определенной сфере), чаще холост и

не имеет детей. Также ответ «мы работаем с любым ВИЧ-инфицированным человеком» подтверждает тот факт, что ВИЧ-инфекция – проблема не какой-то определенной группы людей (возрастной, профессиональной, половой и т. д.), а она может коснуться любого. На вопрос «С какими проблемами чаще всего к вам обращаются ВИЧ-позитивные?» наиболее популярными ответами являются *проблемы*, связанные со стигматизацией и дискриминацией, трудностями при обращении в другие учреждения, в том числе медицинские, а также со сложностями при оформлении необходимых документов. Особо специалисты отметили пожилых людей, поскольку «для них статус ВИЧ-инфекция очень тяжелый, они конечно везде его скрывают», «у них, как правило, больше всего проблем в их возрасте, а тут еще и ВИЧ-статус, который они очень тяжело принимают». На вопрос о необходимых качествах для оказания социальной поддержки и помощи ВИЧ-положительным людям специалисты ответили, назвав эмпатию и коммуникативные навыки. Важным критерием, по которому специалистами определяется эффективность их работы с ВИЧ-положительными людьми, является *обратная связь от пациента*, под которой понимается «когда люди тебя благодарят, тебе пишут благодарности и тому подобное», «та отдача и удовлетворение, что ты получаешь, когда помогаешь им справиться и преодолеть трудности», «мы их учим самим рыбачить, а не давать рыбу, чтобы могли решить свои проблемы, вот в этом и есть эффективность». При упоминании *трудностей в своей работе* специалисты называли вызывающее поведение получателей услуг, проявляющееся в словах «вы нам должны», «да вам столько денег за нас платят!», «у меня тут туберкулез, я на вас всех сейчас накашляю, начихаю, потому что вы мне помочь не можете». Но особой сложностью в деятельности специалистов являются неоплатность и безответственность клиентов, которая перерастает в другую проблему – позднее обращение, когда человек не лечился и безответственно относился к своему здоровью. Широко используемыми *инновационными технологиями* специалистами были названы интерактивные выставки, а также метод «равный равному» (равный консультант) и технология «человека с открытым лицом», когда человек с ВИЧ-инфекцией публично делится жизненным опытом на собственном примере. В целом специалисты были солидарны в том, что работу с ВИЧ-инфицированными в Иркутской области и России можно оценить на 10 из 10 баллов, поскольку она находится на высоком уровне и для всех пациентов делается все возможное. Также и сами пациенты СПИД-центра высоко оценивают их работу, как показывают проводимые самим центром регулярные социологические опросы. По мнению опрошенных специалистов, работа по решению проблем ВИЧ-инфицированных должна решаться совместно всеми структурами (государство, НКО, группы самопомощи и др.), что позволит разгрузить СПИД-центры, которые в настоящее время берут на себя всю основную работу как с ВИЧ-позитивными, так и со здоровым населением. «С ВИЧ-инфекцией в целом, в борьбе, если каждый хоть маленькую толику вложит – это уже будет большей плюс для профилактики ВИЧ-инфекции». В целом в России работа с ВИЧ-позитивными людьми более отлажена, поскольку «здесь больше бесплатных возможностей есть для лечения. Элементарно можно прийти и пройти бесплатное обследование у профильного врача в СПИД-центре. Лекарства также не везде все государства оплачивают для своих граждан, а у нас все за счет государства выдается». На вопрос «Какие факторы повлияли на то, что Иркутская область находится в числе регионов-лидеров?», специалисты ответили, что: 1) в 90-е гг. наличие большого числа потребителей инъекционных наркотиков; 2) эффективная работа по выявлению новых случаев. Как справедливо и точно подметил один из специалистов, «если сравнивать с другими регионами, у нас более миллиона человек обследуются в год на ВИЧ, соответственно, у нас выявляемость высокая. Если взять соседние регионы, у них там по 500 тысяч человек в год обследуются». И в заключение, по мнению большинства опрошенных специалистов, основным направлением социальной работы, которое нужно оптимизировать в первую очередь, это *предоставление паллиативной помощи*. «Нет прям таких воз-

возможностей, чтобы разместить человека и организовать ему постоянный уход. Это же если искать помещение или даже здание, то оно должно быть недалеко от СПИД-центра, но, к сожалению, насколько я знаю, сейчас такой возможности нет, варианты все слишком далеко расположены. Также специалистов нужно дополнительно привлекать, что тоже на сегодня трудновыполнимо, а ведь ВИЧ-инфицированному на стадии СПИД все также нужна поддержка и внимание».

Для разработки практических рекомендаций по оптимизации социальной работы с ВИЧ-инфицированными на территории Иркутской области был проведен SWOT-анализ, который показал сильные и слабые стороны социальной работы с ВИЧ-позитивными, а также позволил увидеть потенциальные угрозы и возможности (таблица).

Обобщая результаты SWOT-анализа, можно говорить о том, что существует много сильных сторон в организации социальной работы с ВИЧ-позитивными в России (на примере Иркутской области), но также имеются препятствия в лице слабых сторон и возможных угроз. Если сравнивать с зарубежным опытом, то социальная работа имеет свои особенности. Так, например, за рубежом обычной практикой является наличие легальных заведений для потребления наркотиков и обмен игл и шприцев в специально оборудованных для этого учреждениях. В свою очередь, в России для ВИЧ-инфицированных делается много в плане оказания поддержки, от бесплатного предоставления антиретровирусной терапии до ее доставки на дом для маломобильных граждан. При этом большое внимание оказывается несовершеннолетним ВИЧ-инфицированным (в виде пособий) и беременным женщинам. Общим для России и зарубежных стран является осуществление просветительской и профилактической деятельности, практика привлечения «равный равному», активное сотрудничество с другими организациями и волонтерами, осуществление серьезной работы с ключевыми группами ПИН, КСР, МСМ.

На основе результатов проведенного глубинного интервью и SWOT-анализа можно выделить *проблемы, с которыми сталкиваются специалисты при организации социальной работы* в России (на примере Иркутской области):

- недостаточно развитая паллиативная помощь;
- чрезмерная нагрузка на региональный СПИД-центр;
- затруднение обращений жителей за консультативной помощью специалистов в отдаленных населенных пунктах;
- страх и недоверие ВИЧ-инфицированных к медицинским организациям и специалистам и, как следствие, позднее обращение за помощью;
- недостаточная профилактика среди зрелого населения и, как следствие, рост новых случаев инфицирования среди людей в возрасте 30+.

На основании выделенных проблем были сформулированы *практические рекомендации по оптимизации социальной работы с ВИЧ-инфицированными*:

- Создание стационара, оборудованного для оказания паллиативной помощи пациентам регионального центра, а также подготовка необходимых специалистов. ВИЧ-инфицированным, находящимся в тяжелом (терминальном) состоянии, нужна поддержка специалистов, но сложность заключается в отсутствии специальных мест для их размещения. Важным критерием является близкое расположение стационара со СПИД-центром.
- Возможность передачи части работы специалистов СПИД-центра другим организациям, в том числе медицинским, а также некоммерческим и общественным организациям с целью разгрузки специалистов, например, в части доставки терапии для маломобильных пациентов центра.
- Увеличение охвата проведения профилактических мероприятий в трудовых коллективах и других в местах наибольшего скопления среди взрослой части населения (30–49 лет).

Таблица. Результаты SWOT-анализа организации социальной работы с ВИЧ-инфицированными на территории Иркутской области
Table. Results of a SWOT analysis of the organization of social work with HIV-infected people in the Irkutsk region

Сильные стороны/Strengths (S)	<ul style="list-style-type: none"> • оплата государством необходимых лекарств для ВИЧ-инфицированных state payment for necessary medications for HIV-infected people; • проведение уличных акций, низкопороговость/carrying out street actions, low threshold; • социальная поддержка ВИЧ-инфицированных несовершеннолетних (пособие для детей-инвалидов) social support for HIV-infected minors (benefits for disabled children); • доставка АРТ на дом для маломобильных ВИЧ-инфицированных home delivery of antiretroviral therapy (ART) for HIV-infected people with limited mobility; • работа горячей линии/hotline operation; • проведение профилактических мероприятий в образовательной среде carrying out preventive measures in the educational environment; • нацеленность на приверженность ВИЧ-инфицированного лечению focus on adherence of HIV-infected persons to treatment; • привлечение равных консультантов/involvement of peer consultants; • работа с ключевыми группами: ПИН, КСР, МСМ/working with key groups: injecting drug users (IDUs), DACs (commercial sex workers) and MSM (men who have sex with men); • основная помощь ВИЧ-инфицированным беременным женщинам и детям essential care for HIV-infected pregnant women and children; • взаимодействие с волонтерами/interaction with volunteers
Слабые стороны/Weak sides (W)	<ul style="list-style-type: none"> • недостаточно развитая паллиативная помощь/insufficient development of palliative care; • большая нагрузка на региональные СПИД-центры/heavy workload on regional AIDS centers; • труднодоступность консультирования со специалистами для жителей некоторых местностей difficulty in accessing consultations with specialists for residents of some areas; • недоверие ВИЧ-инфицированных к медицинским организациям и специалистам distrust of HIV-infected people towards medical organizations and specialists; • низкий уровень информированности населения по вопросам ВИЧ-инфекции low level of public awareness of HIV infection issues; • случаи обмана со стороны ВИЧ-позитивного при обращении за помощью cases of deception by HIV-positive people when seeking help; • низкая заинтересованность населения к профилактике ВИЧ-инфекции low interest of the population in HIV prevention; • большие затраты на реализацию профилактических мероприятий large costs for the implementation of preventive measures
Возможности/Opportunities (O)	<ul style="list-style-type: none"> • взаимодействие с другими структурами и организациями interaction with other structures and organizations; • использование современных технологий для большего охвата профилактическими мероприятиями use of modern technologies for greater coverage of preventive measures; • подготовка равных консультантов/peer counselor training; • различные форумы и круглые столы с целью обмена региональным и международным опытом various forums and round tables for exchanging regional and international experience; • разработка проектов для участия ВИЧ-позитивных в грантовых конкурсах development of projects for the participation of HIV-positive people in grant competitions; • борьба против социального сиротства среди детей ВИЧ-позитивных родителей fight against social orphanhood among children of HIV-positive parents
Угрозы/Threats (T)	<ul style="list-style-type: none"> • сокращение финансирования СПИД-центров/reduction in funding for AIDS centers; • страх обращения ВИЧ-позитивных за помощью в специальные учреждения fear of HIV-positive people seeking help in special institutions; • позднее обращение ВИЧ-позитивных за помощью к специалистам HIV-positive people seek help from specialists late; • непрофессиональное отношение специалистов по отношению к ВИЧ-позитивным unprofessional attitude of specialists towards HIV-positive people

- Развитие дистанционного формата предоставления консультаций, профилактических бесед, просветительских лекций и других мероприятий для жителей отдаленных местностей.
- Усиление и активизация мероприятий, направленных на повышение приверженности ВИЧ-инфицированных матерей, осуществление дополнительной профилактической работы с медицинскими работниками, со специалистами поликлиник, стационаров, женских консультаций и частных клиник. Самым частым последствием проблемы недоверия ВИЧ-инфицированных людей становится позднее обращение за помощью, когда оказывается максимальный риск смертельного исхода и, как следствие, умирают молодые родители, оставляя сиротами своих малолетних детей.

Заключение

На сегодняшний день признание ВИЧ-статуса по-прежнему оказывает негативное влияние на качество жизни и социальное благополучие ВИЧ-позитивных людей. Наличие ВИЧ-статуса становится причиной многочисленных случаев их стигматизации и дискриминации в повседневной жизни, вызванных низким уровнем информированности населения, социальными стереотипами и имеющимися страхами перед инфекцией, которые свидетельствуют о том, что их социальное положение в российском обществе все еще остается осложненным. Тем не менее по результатам последних социологических исследований заметна тенденция, что россияне год за годом становятся более осведомленными в вопросах ВИЧ-инфекции и проявляют большую толерантность в основном благодаря деятельности региональных СПИД-центров и работе организаций, занимающихся просветительской деятельностью и помощью ВИЧ-позитивным гражданам.

За практически 40 лет существования ВИЧ-инфекции в России сформированы механизмы работы по выявлению новых случаев инфицирования, организации профилактической работы с населением, реализации социальной работы в целях социальной помощи, поддержки и социального сопровождения ВИЧ-инфицированных людей. В России существует законодательство, которое предусматривает защиту ВИЧ-позитивных граждан от дискриминации в обществе, но, к сожалению, социальная стигма, подкрепленная различными мифами и предрассудками, препятствуют спокойной жизни ВИЧ-позитивных людей, мешая при трудоустройстве, обращении в медицинские и образовательные учреждения, созданию семьи и т. д. Большую роль в изменении общественного мнения, формировании толерантного отношения к ВИЧ-позитивным, профилактической работе и оказании им помощи в целом играет проводимая специалистами региональных СПИД-центров социальная работа, которая имеет свои особенности и сложности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Торосян Р.А. Конституционный запрет дискриминации лиц с ВИЧ-инфекцией в сфере труда // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2020. – № 4. – С. 152–158. EDN: HVIXVT.
2. Безгачева Е.Р., Копалкина Е.Г. Правовой статус ВИЧ-инфицированных осужденных в современной России // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: Сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 20–21 сентября 2023 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 23–26. EDN: YOSMKY.
3. Уровень осведомленности и толерантности к ВИЧ-инфицированным людям среди молодежи / Р.Р. Новикова, Г.И. Суворов, Д.А. Суворова, Р.С. Мануева // Эпомен: медицинские науки. – 2023. – № 11. – С. 60–68. EDN: BECVCB.
4. Больная тема: россияне о ВИЧ и СПИДе // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolnaja-tema-rossijane-o-vich-i-spide> (дата обращения 10.02.2024).

5. Батусова П. Д., Гулакова Ю.М. Толерантность российского общества в отношении ВИЧ-инфицированных лиц // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. – 2020. – № 1. – С. 27–34. EDN: YEPKJJ.
6. К ВИЧ-инфицированным коллегам стали относиться толерантнее // IT-сервис по поиску работы и подбору сотрудников. «SuperJob». URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/113105/k-vich-inficirovannym-kollegam-stali-otnositsya-tolerantnee/> (дата обращения 10.02.2024).
7. Самулев М.В., Бесчасная А.А. ВИЧ-инфекция: информированность молодежи и ее отношение к инфицированным // Новизна. Эксперимент. Традиции. – 2022. – Т. 8. – Вып. 2 (18). – С. 77–90.
8. Решетников А.В., Павлов С.В., Присяжная Н.В. Социально конструированный образ ВИЧ-инфицированного // Социологические исследования. – 2018. – № 6 (410). – С. 134–140. DOI: 10.7868/S0132162518060120.
9. Федеральный научно-методический Центр по профилактике и борьбе со СПИДом. URL: <http://www.hivrussia.info/> (дата обращения 10.02.2024).
10. Новицкая О.А., Грязева А.Е. Обучение безопасному поведению в плане заражения ВИЧ-инфекцией было и остается основной мерой профилактики ВИЧ-инфекции среди населения // Вестник совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. – 2017. – Т. 2. – № 4 (19). – С. 36–39. EDN: ZXWCG.
11. Иванян Р.Г. Социальная работа в области ВИЧ/СПИДа // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2011. – № 4 (10). – С. 123–134. EDN: VLDUPJ.
12. Бородкина О.И., Соколов Н.В. Социальные аспекты эпидемии ВИЧ/СПИДа: результаты социологических исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, Политология, Социология, Психология, Право, Международные отношения. – 2003. – № 1. – С. 99–108. EDN: RUBXNZ.
13. Прожерина Ю., Широкова И. В поддержку пациентов с ВИЧ-инфекцией // Ремедиум. – 2020. – № 4–6. – С. 54–57. DOI: 10.21518/1561-5936-2020-4-5-6-54-57.
14. Информационный бюллетень – Глобальная статистика по ВИЧ // Объединенная программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС). URL: <https://www.unaids.org/ru/resources/fact-sheet> (дата обращения 10.02.2024).
15. Всемирный день борьбы со СПИДом // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20231201/spid-1912928244.html> (дата обращения 10.02.2024).
16. Безгачева Е.Р. Опыт социальной работы с ВИЧ-инфицированными за рубежом // Молодежная наука: труды XXVII Всероссийской студенческой научно-практической конференции КриЖТ ИрГУПС. – Красноярск: КриЖТ ИрГУПС, 2023. – С. 86–91. EDN: MAAOZE.
17. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2022 году» // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=25076 (дата обращения 10.02.2024).
18. Экспресс-информация об эпидемической ситуации по ВИЧ-инфекции по Иркутской области // Иркутский областной центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями. URL: https://aids38.ru/?page_id=35 (дата обращения 10.02.2024).

Информация об авторах

Безгачева Елизавета Романовна, студент Института культуры, социальных коммуникаций и информационных технологий Байкальского государственного университета, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; bezgacheva_e@list.ru

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии Института культуры, социальных коммуникаций и информационных технологий Байкальского государственного университета, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; kopalkina2017@list.ru

Поступила в редакцию: 10.03.2024

Поступила после рецензирования: 20.05.2024

Принята к публикации: 30.06.2024

REFERENCES

1. Torosyan R.A. Constitutional prohibition of discrimination against persons with HIV at work. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2020, no. 4, pp. 152–158. (In Russ.) EDN: HVIXVT.
2. Bezgacheva E.R., Kopalkina E.G. Legal status of HIV-infected convicts in modern Russia. *Collection of articles of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference. Current problems of the humanities and social sciences*. Penza, Penza State Agrarian University Press, 2023. pp. 23–26. (In Russ.) EDN: YOSMKY.

3. Novikova R.R., Suvorov G.I., Daria A.S., Manueva R.S. The level of awareness and tolerance of HIV-infected people among young people. *Epomen: Medical Sciences*, 2023, no. 11, pp. 60–68. (In Russ.) EDN: BECVCB.
4. A sore subject: Russians about HIV and AIDS. *All-Russian Center for the Study of Public Opinion*. (In Russ.) Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolnaja-tema-rossijane-o-vich-i-spide> (accessed 10 February 2024).
5. Batusova P.D., Gulakova Yu.M. Tolerance of Russian society towards HIV-infected persons. *ASOU Conference. Collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences*, 2020, no. 1, pp. 27–34. (In Russ.) EDN: YEPKJJ.
6. They began to treat HIV-infected colleagues more tolerantly. *SuperJob*. Available at: <https://www.superjob.ru/research/articles/113105/k-vich-inficirovannym-kollegam-stali-otnosit-sya-tolerantnee/> (accessed 10 February 2024).
7. Samulev M.V., Beschasnaya A.A. HIV-infection: awareness of young people and their attitude towards the HIV-positive people. *Novelty. Experiment. Traditions*, 2022, vol. 8, Iss. 2 (18), pp. 77–90. (In Russ.)
8. Reshetnikov A.V., Pavlov S.V., Prisyazhnaya N.V. Socially constructed image of the HIV infected person. *Sociological Studies*, 2018, no. 6 (410), pp. 134–140. (In Russ.) DOI: 10.7868/S0132162518060120.
9. *Federal Scientific and Methodological Center for the Prevention and Control of AIDS*. (In Russ.) Available at: <http://www.hivrussia.info/> (accessed 10 February 2024).
10. Novitskaya O.A., Gryazeva A.E. Training safe behavior in the plan of infection HIV infection has been and is the primary measure of prevention of HIV infection among the population. *Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region*, 2017, vol. 2, no. 4 (19), pp. 36–39. (In Russ.) EDN: ZXWCG.
11. Ivanyan R.G. Social work in the field of HIV/AIDS. *Theory and practice of service: economics, social sphere, technology*, 2011, no. 4 (10), pp. 123–134. (In Russ.) EDN: VLDUPJ.
12. Borodkina O.I., Sokolov N.V. Social aspects of a HIV/AIDS epidemic: results of a sociological research. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law, International Relations*, 2003, no. 1, pp. 99–108. EDN: RUBXNZ.
13. Prozherina Yu., Shirokova I. Speaking in support of patients with HIV-infection. *Remedium*, 2020, no. 4–6, pp. 54–57. (In Russ.) DOI: 10.21518/1561-5936-2020-4-5-6-54-57.
14. Fact sheet – global HIV statistics. *Joint United Nations Program on HIV/AIDS*. (In Russ.) Available at: <https://www.unaids.org/ru/resources/fact-sheet> (accessed 10 February 2024).
15. World AIDS day. *RIA News*. (In Russ.) Available at: <https://ria.ru/20231201/spid-1912928244.html> (accessed 10 February 2024).
16. Bezgacheva E.R. Experience of social work with HIV-infected people abroad. *Proceedings of the XXVII All-Russian student scientific and practical conference KrIRT ISTU. Youth science*. Krasnoyarsk, KrIRT Publ., 2023. pp. 86–91. (In Russ.) EDN: MAAOZE.
17. State report “On the state of sanitary and epidemiological well-being of the population in the Russian Federation in 2022”. *Federal Service for Supervision in the Sphere of Protection of Consumer Rights and Human Welfare*. (In Russ.) Available at: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=25076 (accessed 10 February 2024).
18. Express information about the epidemic situation of HIV infection in the Irkutsk region. *Irkutsk Regional Center for the Prevention and Control of AIDS and Infectious Diseases*. (In Russ.) Available at: https://aids38.ru/?page_id=35 (accessed 10 February 2024).

Information about the authors

Elizaveta R. Bezgacheva, Student, Baikal State University, 11, Lenin street, Irkutsk, 664003, Russian Federation; bezgacheva_e@list.ru

Evgeniya G. Kopalkina, Cand. Sc., Associate Professor, Baikal State University, 11, Lenin street, Irkutsk, 664003, Russian Federation; kopalkina2017@list.ru

Received: 10.03.2024

Revised: 20.05.2024

Accepted: 30.06.2024

УДК 167.7:004.8

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1676

Шифр специальности ВАК: 5.7.6

ChatGPT и наука: взаимодействие научного сообщества и искусственного интеллекта

Д.В. Маляревич^{1,2}✉

¹ Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск

¹ Томский государственный университет, Россия, г. Томск

✉ malyarevich@tpu.ru

Аннотация. Современный информационный мир создает новые технологии, которые ранее казались возможными только в научно-фантастических фильмах и книгах, но стали реальностью. Появление генеративных нейросетей, таких как ChatGPT, создало проблемную ситуацию в научном сообществе и образовании, которая заключается в возможности этичного использования продуктов нейросетей в научной работе. В отечественном и зарубежном интеллектуальном пространстве возникла дилемма, которая не позволяла определить место и возможные действия, применимые в научной деятельности. **Цель:** рассмотреть современные попытки взаимодействия научного сообщества и искусственного интеллекта, а также предложить вариант их успешной коммуникации. **Актуальность** обусловлена всплеском общественной и научной дискуссии о влиянии искусственного интеллекта и нейросетей на производство научного знания. Исследуется и подвергается критике философский взгляд, который исходит из того, что нейросети являются проблемой современного общества (Н. Хомски), а также предлагается проект вписывания нейросетей и искусственного интеллекта в научный дискурс, опираясь на методологию Б. Латура и акторно-сетевой теории. В статье отстаивается позиция использования продуктов нейросетей в качестве инструмента проведения научного исследования. **Вывод:** представлено решение проблемы взаимодействия науки и искусственного интеллекта с помощью акторно-сетевой теории Б. Латура, позволяющей рассматривать нейросеть как составную часть научной деятельности.

Ключевые слова: ChatGPT, научная деятельность, оригинальность, акторно-сетевая теория, искусственный интеллект

Для цитирования: Маляревич Д.В. ChatGPT и наука: взаимодействие научного сообщества и искусственного интеллекта // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 2. – С. 99–109. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1676

UDC 167.7:004.8

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1676

ChatGPT and science: interaction between the scientific community and artificial intelligence

D.V. Malyarevich✉

¹ Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

✉ malyarevich@tpu.ru

Abstract. The modern information world is creating new technologies that previously seemed possible only in science fiction films and books and have become a reality. The emergence of generative neural networks, such as ChatGPT, has created a problematic situation in the scientific community and education, which lies in the possibility of ethical use of neural network products in scientific work. A dilemma arose in the domestic and foreign intellectual space, which did not allow determining the place and possible actions applicable in scientific activity. **Aim.** To consider modern attempts of interaction between the scientific community and artificial intelligence and to propose a variant of successful communication. **Relevance.** The surge in public and scientific discussion about the impact of artificial intelligence and neural networks on the production of scientific knowledge. This article examines the origins of the emergence of generative neural networks and their impact on human activity, including scientific activity. The philosophical view is investigated and criticized, which proceeds from the fact that neural networks are a problem of modern society (N. Chomsky), and a project is proposed to integrate neural networks and artificial intelligence into scientific discourse, based on the methodology of B. Latour and actor-network theory. The article defends the position of using neural network products as a tool for conducting scientific research. **Conclusion.** A solution to the problem of interaction between science and artificial intelligence is provided using B. Latour's actor-network theory, which allows us to consider the neural network as an integral part of scientific activity.

Keywords: ChatGPT, scientific activity, originality, actor-network theory, artificial intelligence

For citation: Malyarevich D.V. ChatGPT and science: interaction between the scientific community and artificial intelligence. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 2, pp. 99–109. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1676

Введение

Что такое ChatGPT? Алгоритм, способный генерировать тексты определенной формы и стиля? Большой прорыв написания текстов, способных произвести революцию в феномене человеческой жизнедеятельности, исходя из понимания что мир – это текст? Можно констатировать, что появилась техника, в строгом, аристотелевском значении, способная создавать текст по запросу, благодаря заложенным алгоритмам. Применение данной программы крайне разнообразно: от предложения нового рецепта пиццы до создания фабулы для фильмов, сериалов, компьютерных игр. Однако необходимо отметить, что существует отдельная сфера, в которой применение подобной технической новинки пока не внедрено или как минимум не институционализировано. Это научная работа. В зарубежных странах и в России уже были прецеденты, когда использование нейросетей ставило научное сообщество перед сложными философскими и этическими проблемами и вопросами. Например, в 2022 г. выпускник РГГУ на своей странице в социальных сетях сделал заявление, что его выпускная квалификационная работа была написана при помощи ChatGPT [1]. Руководство вуза изначально аннулировало работу, но затем, после общественной кампании, в которой принял участие министр науки [2], отменило свое решение и стало выступать за создание системы, способной различать и указывать на внедрение нейросетей в научные исследования. В задаче данной статьи не будет входить вопрос о правоте вуза, но стоит поставить следующий вопрос – насколько этично пользоваться данной техникой в рамках научной деятельности. Можно предположить, что современная эпоха инноваций и высоких технологий не оставит науку как дискурсу другого варианта, кроме как поднять вопрос о нейросетях. Но что же делать с подобным положением дел самой науке как социальному институту? Изначально отметим, что в данной статье, будет сконцентрировано внимание на написании научных текстов, в том числе исследовательских и ориентированных на образовательные цели. Создание подобных материалов от задумки и концепции до редактуры связано с деятельностью в научном дискурсе, в котором важное место занимает феномен оригинальности. Что представляет собой оригинальность в современном научном сообществе? Для перехода к рассмотрению явлений искусственного интеллекта в научной работе стоит упомянуть о технических достижениях в данной сфере, позволивших аккумулировать дискуссию о современ-

ных технологиях в сфере науки, а также о том, как существующие социальные теории, например современный марксизм, производят рефлексию относительно повсеместного внедрения искусственного интеллекта.

Век нейросетей: последние достижения

На современном этапе развития общества можно зафиксировать появление нейросетей и алгоритмов, выполняющих разнообразные процессы, которые раньше считались прерогативой деятельности *homo sapiens*. Стоит указать на современное развитие данных технологий и проблемы, которые стали формироваться под влиянием подобных новшеств. Например, нейросеть Midjourney генерирует различные изображения. Принцип ее работы достаточно прост: пишется запрос, в котором описывается объект, стиль изображения, краски и другие характеристики рисунка. Применение таких изображений крайне разнообразно: от любительского интереса к новому техническому новшеству до использования в разработке компьютерных игр. Midjourney имеет бесплатную демоверсию на небольшое количество изображений, а за 10 долларов можно получить возможность сгенерировать 200 рисунков, за 30 долларов пользователь снимает любые лимиты и может получить бесконечный доступ к продуктам нейросети. Данная плата в несколько раз меньше, чем привлечение и оплата труда художника.

Появление такого технического ресурса дало возможность появлению разнообразного медиа-контента. Например, как упоминалось выше, компьютерных игр, которые не имеют больших бюджетов крупных представителей игровой индустрии. Разработчик-энтузиаст под ником Nao_u за три дня создал компьютерную игру, которая с технической стороны крайне проста, но при этом вся графическая основа была создана нейросетью [3]. Игра называется Shoon; она находится в открытом доступе и является бесплатной. Подобный прецедент сильно обеспокоил сообщество художников, принимающих участие в геймерском пространстве. Из-за этого художники консолидировались и приняли решение о проведении акции протеста. На самом известном сайте, где художники показывали собственные произведения, авторы вставили одинаковые изображения, указывающие на негативное отношение к нейросети и глобальному искусственному интеллекту [4]. Подобное противостояние могло бы продолжаться и дальше, что в будущем привело к дальнейшей критике научно-технического прогресса, если бы сами художники не пришли к статусу – кво. Как пишет художник Б. Кравцов о роли нейросети в художественном творчестве, она может стать «максимум – его соавтором» [5]. Отказаться от художников в пользу нейросети, поскольку она может бесконечно создавать новые эксклюзивные графические материалы, невозможно, так как производство нейросетей сводится к переработке и изменению уже существующих артов и рисунков. Следовательно, работа художника необходима, поскольку нейросеть пока не может создать эксклюзивное художественное произведение. В данном случае нейросеть стала полноценным помощником в деятельности целой отрасли современной культуры и экономики.

Также появились и другие нейросети, алгоритмы, боты, которые успешно используются в разнообразной человеческой деятельности. Например, появились боты, которые точь-в-точь повторяют голоса людей благодаря применению небольшого количества материала, который предоставляет человек программе. Успешная реализация таких информационных технологий стала одной из причин акций протеста актеров озвучки, чьи голоса кинокомпании стали использовать без оплаты «настоящим» актерам [6]. Подобные прецеденты не позволяют сформировать устоявшееся общественное мнение о подобных технологических новшествах. Возникла проблема, связанная с распространением искусственного интеллекта, которую стоит рассматривать в двух плоскостях: экономики и этики. Экономические вопросы, связанные с нейросетями должны стать предметом интереса ученых-экономистов, однако, отметим, что К. Маркс писал: «мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключи-

тельное достояние человека» [7, с. 155]. Развитие нейросетей и становление экономических отношений, в которых искусственный интеллект в различных проявлениях становится важнейшим агентом подобных отношений, некоторым образом меняет экономические постулаты Маркса. Как отмечают Н. Дайер-Сефорд, М. Кьесен и Д. Штайнхофф, «мы согласны с Марксом в том, что трудиться по-прежнему могут только человеческие существа, помещая способность к труду в континуум степени общности интеллекта, мы, тем не менее, утверждаем, что трудиться могло бы и другое существо и, следовательно, что марксову концепцию труда больше не следует считать обязательно антропологической» [8, с. 125]. Подобные подходы ставят вопрос о некотором пересмотре постулатов классического марксизма, но при этом уже сейчас практика замещения человека нейросетью или иным программным обеспечением вызывает разнообразные социальные протесты. На данный момент научному сообществу не стоит тревожиться насчет искусственного интеллекта и его возможном внедрении в собственную деятельность. Д. Штайнхофф говорит: «Даже если “внедрение искусственного интеллекта”, как его называют в деловой литературе, на самом деле пока довольно низкое, и даже если сегодня многие бизнес-начинания в области искусственного интеллекта заканчиваются жалким, а иногда и забавным провалом, повсеместная интеграция аналитических и прогностических возможностей, основанных на данных, во все виды технологий представляет сценарий, который стоит рассмотреть» [9]. Не будем подробно описывать марксистский взгляд на искусственный интеллект, а лишь укажем, что происходит изменение в марксистской теории и как она описывает трансформацию в экономическом измерении. Можно констатировать, что внедрение искусственного интеллекта в современное социальное пространство уже стало нормой, которая заставляет корректировать устоявшиеся представления и теории. Данная статья сконцентрирует внимание на рефлексии относительно науки и рассматривает вопрос о том, как научное сообщество справляется с новыми технологическими вызовами.

Оригинальность в современном научном сообществе

Для того чтобы приступить к рассмотрению явления оригинальности, стоит отметить, что важным аспектом существования научного сообщества является публикация результатов работы в специализированных периодических изданиях. Существуют и другие способы реализации своего труда – через социальные сети, подкасты, видеоролики, но для академического научного сообщества главным принципом верификации собственной квалификации и коллег являются публикации. Как отмечает С.А. Мамаева, «В науке признание может осуществляться в форме назначения на должность, повышения в должности, присуждения разного рода наград, премий, званий и прочих отличий. Но допуск первой рукописи к публикации – это отправной пункт, это “пропуск” в мир науки» [10].

Обратимся к тем требованиям, которые выставляют научные издания и издательства. Помимо научной степени авторов, размеров работы, применяется основной критерий – оригинальность. Данный термин раскрывается в легальном использовании заимствований (в первую очередь – цитирование), которые проверяются рецензентами и программами, в результате чего исключается плагиат. Суть научной оригинальности с позиции научного издательства заключается не в новаторстве какого-либо открытия или мысли, но в сохранении и монолитности принципа честности письма, которое можно раскрыть понятием не-плагиат. Большое количество научных активистов ставят борьбу с плагиатом целью своей деятельности. Например, в РФ таким сообществом является «Диссернет». Как отмечается, «участники сообщества совместными усилиями, основанными на принципах сетевого распределения труда и использовании современных компьютерных технологий, противодействуют незаконным махинациям и подлогам в области научной и образовательной деятельности, в особенности в процессе защиты диссертаций и присвоения ученых степеней в России» [11].

Такие активисты ставят в основу своей борьбы сохранение научной этики. Активисты «Диссернета» проверяют диссертации на наличие плагиата, а также статей и других научных работ. Как отмечают А.Ю. Антоновский и Р.Э. Бараш, ««Диссернет»» встает на позицию самого общества, как бы обеспокоенного тем обстоятельством, что его интегральная составляющая – наука – деградирует и дискредитирует себя» [12, с. 30].

Сложно сказать, когда требование к оригинальности собственных научных изысканий стало обязательным пунктом не только к публикации материалов, но и к самой деятельности ученого. Можно было бы предположить, что сама наука подразумевает независимую рефлексию, которая определяет новаторство конкретного исследователя. Не будем заниматься генеалогическим рассмотрением оригинальности, а сконцентрируем внимание на текущем положении дел в гуманитарных науках. Э.К. Арутюнов и И.Н. Улитин указывают на то, что из-за введения компьютерных проверок, например, через систему «Антиплагиат» происходит падение уровня качества публикаций, или, как говорят сами исследователи: «Зачастую, студентам, магистрантам, аспирантам приходится заниматься компиляцией, чтобы удовлетворить требования проверки оригинальности текста». Потому что программа, проверяющая текст научных трудов, считает плагиатом официальные источники, такие как нормативно-правовые акты, инструкции, теории» [13, с. 146]. Ряд специалистов выступает против компьютерных проверок. Суть подобного подхода заключается не в желании устроить «разгул» некорректного цитирования и породить поколение исследователей, которые не способны вести научную деятельность по принципам «*fair play*», а, наоборот, дать больше творческих возможностей для собственной реализации научным работникам. Использование чужих трудов и материалов с последующей выдачей их за собственный продукт является плагиатом. С этической точки зрения такую операцию можно приравнять к краже, однако такое рассуждение связано с юридическим дискурсом и проблемой существования авторских прав. Однако как связать существующую научную мораль исследователя с появлением новых технологий, способных генерировать любые тексты в зависимости от написанного запроса? Если опять рассматриваем гуманитарные науки, в том числе и философию, то, как высказал М. Мамардашвили, «...когда акт философского мышления выполнен, то в нем есть все и не может быть речи о каких-то заимствованиях или плагиате» [14, с. 80].

Альтернативный подход должен основываться на иной программе и исходить из иного состояния, которое может дать возможности и ответы для ученых о том, как им, с одной стороны, не попасть в сложные бюрократические и юридические взаимоотношения и соблюсти все необходимые моральные принципы, а с другой – не стать не востребуемыми плагиаторами. Современные технические особенности функционирования и сохранения феномена оригинальности обуславливается простой механической проверкой материалов. Может быть, стоит проверять оригинальность и анализировать работы с привлечением специалиста, который сможет понять разницу между индивидуальным творческим продуктом и простой компиляцией. При существующем порядке проверки научных материалов она может и в целом не проводиться. Её современный смысл можно заключить в строчках М. Ю. Лермонтова «Узнаю я спокойствие, оно, \ \ Наверно, много причинит вреда» [15].

На данный момент применение нейросетей уже имеет место в научной работе. Например, американские физики смогли настроить программу для проведения расчетов, которые должны были дать прогноз на положение Марса, Земли и Солнца. Как отмечают исследователи, «...SciNet (название нейросети – прим. автора) выполнила преобразование координат, изменив углы Марса таким образом, что они, казалось, были измерены с Солнца, а не с Земли. Это впечатляюще означает, что SciNet переключился с геоцентрического мировоззрения на гелиоцентрическое, без явного указания сделать это» [16]. Подобный эксперимент ставит под вопрос статус человека как познающего начала. И. Черникова отмечает, что в отношении состояния современной науки можно говорить, что «представление о мире, которое склады-

вается в современной науке, столь радикально меняется, что это затрагивает не только профессиональные круги, но и является основой нового мировидения и, следовательно, ведет к новому образу отношений “Человек–Мир”» [17, с. 78]. Задача современной философии науки, возможно, заключается в выстраивании новых взаимоотношений к исследованию и познанию, в которой человек не будет занимать какое-либо привилегированное положение, а будет применять новые методологические принципы, устанавливающие «не-токсичные» взаимодействия человека и ИИ. Искусственный интеллект, а конкретно нейросети, уже получили инструментальное измерение в научной работе, а именно – в естественно-научном знании. Однако гуманитарное исследование предполагает в первую очередь написание текстов. Как можно представить возможной работу ученого-гуманитария, когда существует подобная машина? Необходимо зафиксировать проблемную ситуацию, связанную с состоянием генеративных нейросетей, способных если не заменить исследователя, то поставить новые условия для его деятельности. Задача разработки и создания новых рамок данной деятельности должна стать одной из главных для современных философов и методологов науки.

Однако некоторые современные исследователи искусственного интеллекта и языка ставят под сомнение влияние нейросетей и программ, генерирующих текстовые материалы. Н. Хомски высказал несколько тезисов относительно неприменимости ChatGPT: «какими бы полезными эти программы ни были в некоторых узких областях (например, они могут быть полезны в компьютерном программировании или в подборе рифм для легкого стиха), мы знаем из науки лингвистики и философии знания, что они глубоко отличаются от того, как люди рассуждают и используют язык» [18]. Основное положение Н. Хомски заключается в том, что нейросеть, с одной стороны, обладая огромным количеством информации, находящейся в Интернете, либо обрабатывает большое количество материала, который может оказаться плагиатом, либо генерирует крайне неэтичные высказывания, которые невозможно использовать в научной работе. Американский философ резюмирует: «Учитывая аморальность, ненаучность и лингвистическую некомпетентность этих систем, мы можем только смеяться или плакать над их популярностью» [18].

Складывается двоякое отношение к использованию нейросетей в научной работе: с одной стороны, ряд ученых-исследователей, например физики, уже стали применять данную технологию, но с другой – некоторые представители выражают скепсис относительно использования подобных технологических новшеств. Можно сделать вывод, что современное состояние нейросетей дает лишь возможность внедрять их как инструмент, как калькулятор для вычислений.

Нейросеть против научного сообщества

В 2022 г. случился скандал в РГГУ, связанный с применением нейросети ChatGPT. Данное событие стало катализатором для исследовательской работы: в отечественном пространстве начали выпускать большое количество научных статей, посвященных подобной проблематике. Например, Н. Гаргуша и Ю. Городова в своей статье отмечают большое количество плюсов внедрения ChatGPT, но при этом выделяют и минусы: «использование чат-бота не отменяет самостоятельного критического осмысления студентами заданий и результатов, которые получаются с применением ChatGPT» [19, с. 14]. Но где проходит эта черта, которая разделяет «критическое осмысление заданий» и плагиат? Как пишет М. Дейв, «академические круги не могут продолжать раздвигать границы исследований и открытий, если сама их целостность будет поставлена под угрозу из-за копирования работы, выполненной другими» [20]. Есть и другое мнение, которое указывает на то, что нормализация генеративного искусственного интеллекта может привести к деградации научного сообщества при сохранении существующего порядка в академии: «общее снижение письменной языковой культуры также приводит к затруднениям в производстве письменных академических текстов» [21].

Крайне важно произвести разделение между понятиями плагиата и фальсификации исследования. Под плагиатом стоит понимать намеренную кражу чужих разработок, идей и выдачу их за результат собственной деятельности. Фальсификация представляет собой манипулирование с данными для достижения необходимого для исследователя результата.

Как отмечают Ф. Элали и Л. Рашид, «фальсификация исследовательских работ с использованием модели, сгенерированной искусственным интеллектом, включает в себя фальсификацию несуществующих данных и результатов, а также плагиат выводов из предыдущих работ для поддержки сфабрикованных первичных результатов. Созданные искусственным интеллектом, фальсифицированные работы с использованием новых технологий могут соответствовать стандартам и ожиданиям авторов и редакторов журналов» [21]. Фальсификацией в научной работе с использованием нейросетей можно назвать не какого-либо некорректные заимствования, а простую выдумку, с последующей выдачей данной лжи в качестве правдивых данных проведенной научной работы. Исходя из таких критериев, сохранение оригинальности в том виде, которая имеется на данный момент, заключается в борьбе с воображением нечестных исследователей. Рассмотрение и проверка такого рода мошенничества уже не совсем подходит к деятельности такой организации, как «Диссернет», поскольку нейросети генерируют ошибки, которые сводятся к «выдумке», если так можно сказать про способности генеративного искусственного интеллекта. Данный фактор возвращает к уже ставшей новой классической философской дискуссии – может ли машина мыслить и, соответственно, может ли ИИ врать? Как отмечает К. Метц, «новые чат-боты управляются технологией, которую ученые называют большой языковой моделью, или L.L.M. Эти системы обучаются, анализируя огромное количество цифрового текста, отобранного из Интернета, который включает в себя объемы неправдивого, предвзятого и иным образом токсичного материала. Тексты, на которых чат-боты учатся, также немного устарели, потому что они должны потратить месяцы на их разработку, прежде чем публика сможет их использовать» [22]. Исходя из этого, работа генеративного ИИ не совсем подходит под классическую философскую проблематику искусственного интеллекта и сознания, так как устройство подобных программ пока строится на тотальной компиляции всего объема информации, который можно найти в сети Интернет. Можно предположить, и программисты ИИ подтверждают это, что развитие подобных программ только впереди. По мнению К.И. Рецовой, «технически чат-боты могут служить чем-то похожим на друга или наставника, но прорывной успех приложения произошел благодаря возможности создавать романтических и сексуальных партнеров по требованию» [23, с. 131].

Ввиду этого, ряд исследователей считают, что данную проблему можно решить. Как ни парадоксально, но в этом могут помочь непосредственно сами нейросети и ChatGPT. Один из разработчиков компании, создавшей текстовый генератор, отметил, что «компания работает над системой противодействия мошенничеству путем “статистического нанесения водяных знаков на выходные данные”» [24]. Подобная маркировка сможет вести контроль над некорректными заимствованиями. Есть и другой способ, который поможет избежать фальсификации со стороны нейросетей, – это принятие чат-бота на уровне автора. В случае с плагиатом принятие решения о том, что действие нейросетей приравнивается к данному типу мошенничества, требует некой «субъектности» от ИИ или хотя бы закрепления авторского права за генерацией текста.

Новый автор – нейросеть

В своем программном эссе «Смерть автора» Р. Барт отметил, что «ныне мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов, ... но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источни-

ков» [25, с. 388]. С этого момента возникла новая парадигма существования не только всех текстов как таковых, но и новое восприятие реальности. Современное развитие нейросетей и сопряженных с ними технологий поставило научное сообщество перед становлением нового автора – чат-бота. Необходимо отметить подобное событие с этической точки зрения, а именно с точки зрения существования плагиата в научном сообществе. Р. Янковский написал статью, в которой соавтором выступил ChatGPT. Описывая ситуацию с научным журналом, который был предупрежден, что часть материала будет сгенерирована нейросетью, исследователь сказал: «Они опасались, что публикация статьи, в которой непонятно кто автор – машина или человек, – может привести к проблемам» [26]. Однако автор не указал программу в качестве соавтора. В свою очередь, Ф. Рахими и А. Абади [27] в своей работе сделал нейросеть соавтором своего исследования. Этическая комиссия научного издания заявила, что обозначать программу в качестве соавтора некорректно и потребовала внести корректировки в текст статьи. Подобный прецедент может показать, что научное сообщество не может признать ChatGPT как исследователя. Такое решение можно считать мотивированным, поскольку на данный момент нейросети признаны инструментами и помощниками для научной работы, которые при этом способны к генерации материала. Однако дальнейшее становление нейросетей может поставить перед научным сообществом этическую проблему признания подобного программного обеспечения в качестве субъекта научной деятельности.

Можно предположить, что развитие науки стало развиваться исходя из терминологического и методологического аппарата Б. Латура. Сам феномен нейросети в науке нельзя отнести к субъекту науки, непосредственно к фигуре самого ученого. В данной ситуации обращаемся к понятию акторно-сетевой теории, а именно к актору. Как отмечал Б. Латур, «использовать слово «актор» («актер») означает, что никогда не ясно, кто или что действует, когда действуем мы, – ведь актер на сцене никогда не играет один» [28, с. 68]. По мнению Латура, акторы (люди, предметы, идеи) не являются просто объектами или субъектами: они взаимодействуют друг с другом и влияют на друг друга. Он считает, что взаимодействие акторов создает реальность и она не может быть понята без учета всей сети взаимодействий. В акторно-сетевом подходе Латура акцент смещается с одного центрального актора или структуры на все акторы и взаимодействия между ними. Акторы имеют разную силу и способность оказывать влияние, но Б. Латур считает, что ни один актер или группа акторов не может полностью контролировать социальную реальность. Если взять текст научной статьи, часть которого сгенерирована ChatGPT, то можно поставить вопрос «Где сам автор (человек–исследователь)?». Конечный продукт (статья), хоть и был написан человеком, но влияние уже сгенерированного материала могли изменить его изначальные замыслы и план, что послужило созданию подобного тандема. Сам феномен оригинальности и подлинности для научного сообщества возможно не так актуален. Проблема ставится более шире: отход от субъектно-объектных отношений современной науки и становление парадигмы таких акторов, как «человек–нейросеть».

Вывод делать крайне рано, поскольку, например, ChatGPT на данный момент – несовершенная машина, способная и на ошибки, и на выдумки, но совершенно точно можно сказать, что уже сейчас нейросеть – это актер, с которым ученым и философам придется работать и определять его место в науке. Модель «нейросеть–актер» кажется привлекательной, потому что она не будет решать этическую проблему, а просто перенесет ее в иную плоскость, где задать вопрос о способности машины мыслить не получится. Этические дилеммы будут поставлены в другой порядок. Как пишут А.Р. Каримов и М.Г. Хорт об этических проблемах, связанных с искусственным интеллектом, «в то же время разработка ИИ чревата множеством проблем, которые стали предметом обширных дискуссий в философской литературе. К таким проблемам обычно относят проблему цифровой безработицы, проблему сбора и сохранения персональных данных, используемых для обучения ИИ, проблему атрибуции ответ-

ственности за действия систем ИИ, проблему «черного ящика» (отсутствия транспарентности принятия решений), проблему искусственной тупости (ошибки, совершаемые ИИ), проблему прав роботов и этического отношения к роботам и т. д.» [29, с. 346]. Список этот неполный, можно выделить еще n -е количество проблем ИИ, но их этическое решение еще впереди.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуковский И. Машина выдает все сама. Студент из Москвы получил «тройку» за диплом, написанный нейросетью // Газета. ru URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/02/01/16181311.shtml> (дата обращения 15.09.2023).
2. Министр призвал не наказывать студента, которому диплом писала нейросеть // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/02/2023/63e377ff9a79479db4184ada> (дата обращения 15.09.2023).
3. Энтузиаст за три дня сделал экшен-игру, вся графика которой была создана нейросетью // Playground. URL: https://www.playground.ru/misc/news/entuziast_za_tri_dnya_sdelal_ekshen_igru_vsya_grafika_kotoroj_byla_sozdana_na_nejrosetyu-1228300 (дата обращения 15.09.2023).
4. Художники устроили бойкот рисующему искусственному интеллекту // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2022/12/14/19270621.shtml> (дата обращения 15.09.2023).
5. Хайп мирового масштаба от исследователя NASA. Кто придумал нейросеть Midjourney и отберет ли она работу у живых художников и дизайнеров // Inc. URL: <https://incussia.ru/understand/midjourney-creator/> (дата обращения 15.09.2023).
6. Актеры дубляжа запустили петицию против нелегального синтеза их голосов нейросетями // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/495649-aktery-dublaza-zapustili-peticiu-protiv-nelegal-nogo-sinteza-ih-golosov-nejrosetami> (дата обращения 15.09.2023).
7. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – М.: АСТ, 2019. – 709 с.
8. Dyer-Witheford N., Mikkola Kjøsen A., Steinhof J. Inhuman power: artificial intelligence and the future of capitalism. – London: Pluto Press, 2019. – 210 p.
9. Marxism and work in the AI industry: interview with James Steinhoff // Digilabour. URL: <https://digilabour.com.br/en/marxism-and-work-in-the-ai-industry-interview-with-james-steinhoff/> (дата обращения 17.09.2023).
10. Мамаева С.А. Символическое значение «Публикации» в процессе институционализации научного знания // Научная периодика: проблемы и решения. – 2011. – Т. 1. – № 2. – С. 12–16.
11. О проекте // Диссернет. URL: <https://www.dissersnet.org/about> (дата обращения 17.09.2023).
12. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест? // Epistemology & Philosophy of Science. – 2018. – Т. 55. – Вып. 2. – С. 18–33. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201855223>.
13. Арутюнов Э.К., Улитин И.Н. К законодательному вопросу проверки уникальности (оригинальности) текста гуманитарных научных работ // Научная периодика: проблемы и решения. – 2017. – Т. 7. – № 3. – С. 144–150.
14. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. – М.: Прогресс, 1993. – 352 с.
15. Стихотворения 1831 года // Лермонтов Михаил Юрьевич. URL: <https://www.mlermontov.ru/book/594/> (дата обращения 25.10.2023).
16. Physics Insights from Neural Networks // Physics. URL: <https://physics.aps.org/articles/v13/2> (дата обращения 17.09.2023).
17. Черникова И.В. Философия и история науки. – Томск: НТЛ, 2011. – 388 с.
18. Chomsky N. The False Promise of ChatGPT // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/03/08/opinion/noam-chomsky-chatgpt-ai.html> (дата обращения 17.09.2023).
19. Гаркуша Н.С., Городова Ю.С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов // Профессиональное образование и рынок труда. – 2023. – Т. 11. – № 1. – С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.52944/PORT.2023.52.1.001>.
20. Dave M. Plagiarism software now able to detect students using ChatGPT // British Dental Journal. – 2023. – № 234. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41415-023-5868-8>.
21. Elali F.R., Rachid L.N. AI-generated research paper fabrication and plagiarism in the scientific community // Patterns (N Y). – 2023. – Vol. 4 (3). – 100706. DOI: [10.1016/j.patter.2023.100706](https://doi.org/10.1016/j.patter.2023.100706).
22. Cade Metz. Why do A.I. Chatbots tell lies and act weird? Look in the mirror // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/02/26/technology/ai-chatbot-information-truth.html> (дата обращения 25.10.2023).
23. Рецова К.М. Трансгуманизм: закат эры гуманизма и культурная парадигма метамодерна // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2022. – Вып. 3 (2). – С. 127–135. DOI: [10.25991/VRHGA.2022.3.2.011](https://doi.org/10.25991/VRHGA.2022.3.2.011).

24. AI-assisted plagiarism? ChatGPT bot says it has an answer for that. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2022/dec/31/ai-assisted-plagiarism-chatgpt-bot-says-it-has-an-answer-for-that> (дата обращения 17.09.2023).
25. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–392.
26. Ученый ВШЭ опубликовал одну из первых научных статей, написанных ChatGPT! Что это значит для науки и будущего творческих профессий? // Собака.ru URL: <https://www.sobaka.ru/city/science/165100> (дата обращения 17.09.2023).
27. Farid Rahimi, Amin Talebi Bezmin Abadi. ChatGPT and publication ethics // Archives of Medical Research. – 2023. – Vol. 54. – Iss. 3. – P. 272–274. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.arcmed.2023.03.004>.
28. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
29. Каримов А.В., Хорт М.Г. Современные вызовы в этике искусственного интеллекта // Academic research in educational sciences. – 2023. – Т. 4. – № 4. – С. 344–349. DOI: 10.24412/2181-1385-2023-2-344-349.

Информация об авторе

Маляревич Даниил Владиславович, ассистент отделения социально-гуманитарных наук Школы общественных наук Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; магистрант философского факультета Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; malyarevich@tpu.ru; <https://orcid.org/0009-0002-9870-6556>

Поступила в редакцию: 25.02.2024

Поступила после рецензирования: 25.05.2024

Принята к публикации: 30.06.2024

REFERENCES

1. Zhukovsky I. The machine gives out everything itself. A student from Moscow received a “C” for a thesis written by a neural network. (In Russ.) *Gazeta.ru*. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2023/02/01/16181311.shtml> (accessed 15 September 2023).
2. The minister called not to punish the student whose diploma was written by a neural network. *RBC*. (In Russ.) Available at: <https://www.rbc.ru/society/08/02/2023/63e377ff9a79479db4184ada> (accessed 15 September 2023).
3. An enthusiast made an action game in three days, all the graphics of which were created by a neural network. *Playground*. (In Russ.) Available at: https://www.playground.ru/misc/news/entuziast_za_tri_dnya_sdelal_ekshen_igru_vsya_grafika_kotoroj_byla_sozdana_nejrosetyu-1228300 (accessed 15 September 2023).
4. Artists organized a boycott of artificial intelligence drawing. *Gazeta.ru*. (In Russ.) Available at: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2022/12/14/19270621.shtml> (accessed 15 September 2023).
5. World-class hype from a NASA researcher. Who invented the Midjourney neural network and will it take away work from living artists and designers. *Inc*. (In Russ.) Available at: <https://incussia.ru/understand/midjourney-creator/> (accessed 15 September 2023).
6. Dubbing actors launched a petition against the illegal synthesis of their voices by neural networks. *Forbes*. Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/495649-aktery-dublaza-zapustili-peticiu-protiv-nelegal-nogo-sinteza-ih-golosov-nejrosetami> (accessed 15 September 2023).
7. Marx K. *Capital. Criticism of political economy*. Moscow, AST Publ. House, 2019. 709 p. (In Russ.)
8. Dyer-Witheford N., Mikkola Kjøsen A., Steinhof J. *Inhuman power: artificial intelligence and the future of capitalism*. London, Pluto Press, 2019. 210 p.
9. Marxism and work in the AI industry: interview with James Steinhoff. *Digilabour*. Available at: <https://digilabour.com.br/en/marxism-and-work-in-the-ai-industry-interview-with-james-steinhoff/> (accessed 17 September 2023).
10. Mamaeva S.A. Symbolic meaning of “publication” in the process of institutionalization of scientific knowledge. *Scholarly Communication Review*, 2011, vol. 1, no. 2, pp. 12–16. (In Russ.)
11. About the project. *Dissernet*. (In Russ.) Available at: <https://www.dissernet.org/about> (accessed 17 September 2023).
12. Barash R.E., Antonovskiy A.Yu. Radical science: are the scientists capable of social protest? *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, Iss. 2, pp. 18–33. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201855223>.
13. Arutyunov E.K., Ulitin I.N. To the legal issue verification of uniqueness (originality) humanitarian scientific works. *Scholarly Communication Review*, 2017, vol. 7, no. 3, pp. 144–150. (In Russ.)
14. Mamardashvili M.K. *Cartesian reflections*. Moscow, Progress Publ., 1993. 352 p. (In Russ.)

15. Poems of 1831. *Lermontov Mikhail Yurievich*. (In Russ.) Available at: <https://www.mlermontov.ru/book/594/> (accessed 25 October 2023).
16. Physics Insights from Neural Networks. *Physics*. Available at: <https://physics.aps.org/articles/v13/2> (accessed 17 September 2023).
17. Chernikova I.V. *Philosophy and history of science*. Tomsk, HTL Publ. House, 2011. 388 p. (In Russ.)
18. Chomsky N. The false promise of ChatGPT. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/03/08/opinion/noam-chomsky-chatgpt-ai.html> (accessed 17 September 2023).
19. Garkusha N., Gorodova J. Pedagogical opportunities of ChatGPT for developing cognitive activity of students. *Vocational Education and Labour Market*, 2023, no. 1, pp. 6–23. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.52944/PORT.2023.52.1.001>.
20. Dave M. Plagiarism software now able to detect students using ChatGPT. *British Dental Journal*, 2023, no. 234. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41415-023-5868-8>.
21. Elali F.R., Rachid L.N. AI-generated research paper fabrication and plagiarism in the scientific community. *Patterns (N Y)*, 2023, vol. 4 (3), 100706. DOI: 10.1016/j.patter.2023.100706.
22. Why do A.I. Chatbots tell lies and act weird? Look in the mirror. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/02/26/technology/ai-chatbot-information-truth.html> (accessed 25 October 2023).
23. Retsova K.M. Transhumanism: the decline of the era of humanism and the cultural paradigm of metamodernity. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2022, Iss. 3(2), pp. 127–135. (In Russ.) DOI: 10.25991/VRHGA.2022.3.2.011.
24. AI-assisted plagiarism? ChatGPT bot says it has an answer for that. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2022/dec/31/ai-assisted-plagiarism-chatgpt-bot-says-it-has-an-answer-for-that> (accessed 17 September 2023).
25. Bart R. Death of the author. *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow, Progress Publ., 1989. pp. 384–392. (In Russ.)
26. A HSE scientist published one of the first scientific articles written by ChatGPT! What does this mean for science and the future of creative professions? *Sobaka.ru*. (In Russ.) Available at: <https://www.sobaka.ru/city/science/165100> (accessed 17 September 2023).
27. Farid Rahimi, Amin Talebi Bezmin Abadi. ChatGPT and publication ethics. *Archives of Medical Research*, 2023, vol. 54, Iss. 3, pp. 272–274. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.arcmed.2023.03.004>.
28. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network theory*. Moscow, Higher School of Economics Publ. House, 2014. 384 p. (In Russ.)
29. Karimov AV., Hort M.G. Contemporary challenges in the ethics of Artificial Intelligence. *Academic research in educational sciences*, 2023, vol. 4, no. 4, pp. 344–349. (In Russ.) DOI: 10.24412/2181-1385-2023-2-344-349.

Information about the author

Malyarevich V. Daniil, Assistant, national Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; Master Student, Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; malyarevich@tpu.ru; <https://orcid.org/0009-0002-9870-6556>

Received: 25.02.2024

Revised: 25.05.2024

Accepted: 30.06.2024

УДК 005.334:338.467.6:78.091-021.133
DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1770
Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Развитие кадрового потенциала индустрии туристских услуг Приазовья России

Т.Л. Краснодед[✉]

Мелитопольский государственный университет, Россия, г. Мелитополь

[✉]tl.krasnoded@gmail.com

Аннотация. Актуальность: в научной сфере туризма Новороссии существует объективная необходимость изучения проблемы кадрового потенциала туристической индустрии Приазовья Российской Федерации. Профессионально-кадровый элемент туристической индустрии на сегодняшний день выступает одним из стратегических векторов ее развития в новых регионах, что свидетельствует об актуальности тематики исследования. **Цель:** оценка кадровой ситуации в туристической индустрии новых регионов России и формулирование предложений по усовершенствованию профессиональных компетенций трудовых ресурсов отрасли. **Методы:** методы экономической теории, инструменты маркетинговых исследований и экономико-математические методы. **Результаты:** выявлен высокий уровень кадровой потребности туристической инфраструктуры Донецкой, Запорожской и Херсонской областей, особенно в инженерно-техническом персонале на предприятиях гостинично-ресторанного сектора, индустрии развлечений, транспортной инфраструктуры, санаторно-лечебной сферы, а также в менеджерах туризма различных уровней. Обосновано, что ключевым элементом управления отраслью является профильный менеджмент туризма. Выявлено несколько механизмов повышения квалификации в туристическом менеджменте. Качество, эффективность, рациональность, своевременность, креативность, правильность, профессиональность, грамотность – показатели работы, которые выделены как результаты повышения квалификации менеджеров высшего, среднего и низшего уровней в индустрии туристских услуг. Приведен перечень производственно-экономических, военно-политических, институциональных, морально-психологических, идеологических факторов, которые определяют формирование кадрового потенциала туристического Приазовья России. Эти факторы создают условия функционирования имеющихся трудовых ресурсов отрасли. Рассмотрены некоторые обстоятельства работы туристического персонала, которые не позволяют получать высокую производительность труда на предприятиях туристической индустрии. Маркетинговые исследования показали, что существует слабая заинтересованность субъектов туристического бизнеса новых регионов России в повышении квалификации и усовершенствовании профессиональных компетенций в связи с военно-политической напряженностью. По результатам исследования предложено создание многофункционального информационно-образовательного туристического центра, в организационной структуре которого выделены такие функциональные подразделения, как отдел информационного обеспечения, отдел образовательной деятельности, отдел маркетинга и консалтинга, финансово-экономический и юридический отделы. Повышение качества труда и усовершенствование кадрового потенциала туристической индустрии новых регионов России – важнейшие задачи в условиях современности и развития инфраструктуры отрасли. В сбалансировании ситуации особую роль играет государство и формирование соответствующих функциональных институтов.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, повышение квалификации, профессиональная компетентность, дополнительное образование, туризм, туристический менеджмент, туристическая дестинация, государство, новые регионы

Благодарности: Исследования выполнены в рамках государственного задания на проведение научно-исследовательской работы по теме «Инновации в пищевой индустрии и сфере услуг» FRRS-2023-0010

Для цитирования: Краснодед Т.Л. Развитие кадрового потенциала индустрии туристских услуг Приазовья России // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 2. – С. 110–124. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1770

UDC 005.334:338.467.6:78.091-021.133
DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1770

Development of human resources in the tourism services industry in the Azov region of the Russian Federation

T.L. Krasnoded[✉]

Melitopol State University, Melitopol, Russian Federation

[✉]tl.krasnoded@gmail.com

Abstract. Relevance. In the scientific field of tourism in Novorossia there is an objective need to study the problems of human resources in the tourism industry of the Azov region of the Russian Federation. The professional and personnel element of the tourism industry today is one of the strategic vectors of its development in new regions, which indicates the relevance of the research topic. **Aim.** To assess the personnel situation in the tourism industry of new regions of Russia and state the proposals for improving the professional competencies of the industry labor resources. **Methods.** Methods of economic theory, marketing research tools and economic and mathematical methods. **Results.** It was revealed that there is a high level of personnel needs in the tourism infrastructure of Donetsk, Zaporozhye and Kherson regions, especially in engineering and technical workers at enterprises in the hotel and restaurant sector, the entertainment industry, transport infrastructure, sanatorium and medical sphere, as well as in tourism managers of various levels. It is substantiated that the key element of industry management is specialized tourism management. Several mechanisms for advanced training in tourism management were identified. Quality, efficiency, rationality, timeliness, creativity, correctness, professionalism, literacy are the performance indicators highlighted as the results of advanced training for managers at the top, middle and lower levels in the tourism services industry. The paper introduces the list of production-economic, military-political, institutional, moral-psychological, and ideological factors that determine the formation of the personnel potential of the tourist Azov region of Russia. These factors create the conditions for the functioning of the industry existing labor resources. The author considers some circumstances of the work of tourism personnel that do not allow high labor productivity at tourism industry enterprises. Marketing research shown that there is little interest among tourism business entities in new regions of Russia in upgrading their skills and improving professional competencies because of military-political tensions. Based on the results of the study, the author proposed and justified the creation of a multifunctional information and educational tourism center, which should carry out the designated type of activity for subjects of the tourism industry. The organizational structure of the institute includes such functional units as the information support department, the educational activities department, the marketing and consulting department, the financial, economic and legal departments. Improving the quality of labor and the human resources potential of the tourism industry in new regions of Russia is the most important task in modern conditions and when developing the industry infrastructure. In balancing the situation, a special role is played by the state and the formation of appropriate functional institutions.

Keywords: labor resources, advanced training, professional competence, additional education, tourism, tourism management, tourist destination, state, new regions

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the state assignment for conducting research work on the topic "Innovation in the food industry and services sector" FRRS-2023-0010

For citation: Krasnoded T.L. Development of human resources in the tourism services industry in the Azov region of the Russian Federation. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 2, pp. 110–124. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1770

Введение

Несмотря на военно-политическую напряженность и некоторые затруднения с притоком туристов, на территориях Приазовья России туризм начинает возрождаться. Преимущественная часть туристических дестинаций имеет уникальные экосистемы и обладает бесцен-

ными рекреационными качествами, что дает местному населению и органам власти высокий стимул в первую очередь для развития внутреннего туризма. Особенно данная проблема стала актуальна с появлением негативных изменений в доходной части экономики туризма, поэтому на сегодняшний день сформированы проекты развития туризма новых Приазовских регионов России. Например, создание федерального круглогодичного морского курорта «Приморск», восстановление курортных комплексов регионального курорта «Кирилловка», восстановление водохозяйственных ресурсов Запорожской области – очистка рек и промоины, соединяющей Азовское море с лиманами, облагораживание туристической территории горячих источников Терпенья, разработка турпроектов с господдержкой в Геническе Херсонской области, где имеется выход на побережье Азовского моря, реализация программ гастро-, эко- и агротуризма. Отдельный проект – это восстановление транспортной инфраструктуры вдоль Азовской акватории. Усилия субъектов новых регионов России в сфере туризма уже отмечены Всероссийской туристической премией «Russian Travel Awards» за достижения и успехи в сфере туризма Запорожской области.

Однако для дальнейшей реализации обозначенных и иных перспективных проектов необходимо не только утверждение ряда инвестиционных планов, но и решение организационных вопросов. При этом одной из насущных является кадровая проблема регионов и отсутствие квалифицированного персонала в различных областях туризма. Сегодня процесс решения данной проблемы не стоит на месте. Например, в рамках разработки региональной программы «Запорожская целина» планируется привлечь предпринимательский и кадровый потенциал с других регионов. Туризм – одна из первых отраслей, где необходимы кадровые реформы не только путем осуществления количественного увеличения, но и повышения качества рабочей силы, так как человеческий капитал и трудовые ресурсы – это ключевое звено туристических ресурсов соответствующей индустрии России. Приазовские регионы, находящиеся в состоянии постконфликтной военно-политической напряженности, не являются исключением. В своей совокупности качественные и количественные характеристики материально-технических, социально-экономических и особенно трудовых туристических ресурсов данных дестинаций не позволяют полноценно функционировать туристской инфраструктуре. Поэтому вполне очевидно, что одним из направлений ее развития, в том числе новых регионов России, является расширение кадрового потенциала и повышение квалификации трудовых ресурсов, обслуживающих объекты данной инфраструктуры и приводящих в активное действие механизмы туризма по всем его направлениям, которые способны развивать туристические дестинации Приазовья Донецкой, Запорожской и Херсонской областей. Таким образом, проблематика повышения профессиональных компетенций в данной отрасли обозначенных регионов является актуальной в контексте теоретических и прикладных исследований.

Целью статьи – анализ и формирование направлений усовершенствования кадрового потенциала индустрии туристских услуг приазовских туристических дестинаций России.

Научный обзор

Проблемы усовершенствования кадрового потенциала туристической индустрии как на национальном, так и на региональном уровнях многократно раскрывались в исследованиях теоретиков и практиков. Особое внимание уделялось проблеме несовершенства профессиональных компетентностей персонала данной сферы как одной из ключевых [1–4].

Ввиду актуальности тематики результаты исследований рынка трудовых ресурсов отрасли туризма рассмотрены в работах О.В. Пироговой, А.Ю. Пироговой, Г.Ю. Сорокина, С.Ш. Турабекова, Н.А. Рахимовой, Б.Б. Мардонова. В их исследованиях идет речь о проблемах, особенностях функционирования, показателях и направлениях развития рынка трудовых ресурсов в рамках индустрии туризма [5, 6].

Непосредственно проблематика повышения квалификации, переквалификации, получения дополнительного образования, а также механизмы усовершенствования процессов повышения качества трудовых ресурсов в индустрии гостеприимства и туризма России достаточно полно раскрыты в исследованиях таких авторов, как М.В. Полевая, А.В. Романюк, Р.Р. Гареев, Ф.К. Гадимова, Е.С. Сахарчук [7–9]. В.Ю. Морозовым и А.А. Поправкиной раскрыты традиционные и современные подходы подготовки кадров в сфере туризма и индустрии гостеприимства в России [10].

При всем многообразии механизмов усовершенствования кадрового потенциала и методик повышения квалификации кадров в туристической индустрии ученые акцентируют внимание на правовых регуляторах туристского рынка труда, которые отражены в нормативно-законодательных документах и рассмотрены научным сообществом, что нашло свое отражение в публикациях отечественных теоретиков и практиков. Например, в исследованиях Е.А. Павлова говорится об особенностях законодательного регулирования подготовки кадров для сферы рекреации и спортивно-оздоровительного туризма, а также об оценках качества и уровня их подготовленности [11].

В научной работе Г.А. Карповой, М.В. Волошиновой и Л.В. Хоревой рассмотрены особенности использования сетевых форм подготовки кадров для сферы туризма, раскрыты проблемы, связанные с современным состоянием нормативной базы развития сетевизации обучения. В контексте трансформации образовательных стандартов в сфере туризма описаны возможные направления применения профстандартов в сфере подготовки кадров для индустрии туризма, обоснована целесообразность менее жесткой привязки стандартов к профессиональным на уровне подготовки специалистов с высшим образованием [12].

В контексте государственного регулирования рассмотрена позиция С.В. Дусенко относительно открытия специализированных учебных заведений, цель функционирования которых – повышение квалификации кадров индустрии туризма. Такая концепция нашла свое отражение и в данном исследовании [13].

Ввиду военно-политических и социально-экономических обстоятельств, недостаточно изученными и освещенными в научном сообществе, остаются проблемы повышения качества трудовых туристических ресурсов в новых регионах России, к которым относятся туристические дестинации Приазовья.

Методология исследования

В процессе исследования автором применялись методы теоретико-экономической группы, в частности для общей оценки ситуации по кадровому обеспечению туристической индустрии приазовских регионов, а также с целью формирования собственных концепций относительно влияния уровня качества рабочей силы на конечный результат туристического производства. Одновременно использовались инструменты экспертной оценки ситуации. Посредством маркетинговых исследований и математических методов осуществлялось определение кадровой потребности туристических дестинаций новых территорий России, в том числе потребности компетентного менеджмента в туризме Новороссии. Также данная методика была применена при выявлении приоритетности факторов, в том числе образования, влияющих на степень заинтересованности субъектов в развитии индустрии туризма.

Результаты

Повышение квалификации кадров индустрии туристских услуг сегодня можно расценивать как стратегический вектор ее развития в новых регионах России. Как известно, кадры – это ценный классический ресурс любого производства – делопроизводства, промышленного производства, производства сферы услуг. Индустрия туризма включает в себя все три составляющие, поэтому ее развитие требует наличия многофункционального кадрового ком-

плекса – от обслуживающего персонала до управляющих наивысшего уровня. При этом главное условие эффективной работы кадрового аппарата, как и в любой другой сфере, – это гармоничное взаимодействие сотрудников на всех уровнях хозяйствования и управления при наличии имеющихся туристических ресурсов.

Автором проведено исследование рынка труда в туристической индустрии дестинаций Приазовья. Примененная методология представляет собой алгоритм реализации последовательных функций и соответствующих методик, а также имеет ряд характеристик:

1. Способ получения данных – проведение опроса в регионах путем использования инструментов анкетирования и интервьюирования: местного населения (518 чел.); туристов (360 чел.); представителей туристского, в том числе гостинично-ресторанного бизнеса (132 объекта); представителей органов власти (24 чел.).

2. Информационная и техническая поддержка – Министерства культуры, спорта и туризма, молодежной политики, администрации Донецкой, Запорожской и Херсонской областей, региональных отделений общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых».

3. Сроки проведения исследования – с мая 2022 г. по январь 2024 г. в три этапа:

- 1-й этап – сбор информации (май–июнь 2022 г., август–сентябрь 2022 г., январь 2023 г., май–июнь 2023 г., август–октябрь 2023 г., январь 2024 г.);
- 2-й этап – обработка информации (систематизация, математические расчеты), декабрь 2023 г. – январь 2024 г.;
- 3-й этап – интерпретация результатов исследования, формирование выводов, январь–февраль 2024 г.

4. Методы – маркетинговые, экспертные, экономико-математические, технические, экономической теории.

Следует отметить, что при проведении анкетирования для каждого сектора индустрии туризма были разработаны, апробированы и распространены индивидуальные опросники в целях получения объективно необходимых, достоверных и разнообразных данных по гостинично-ресторанной сфере, транспортной инфраструктуре, культурно-развлекательному сектору.

Исследования сектора рынка труда в туризме позволили выявить основные кадровые потребности предприятий туристической инфраструктуры Донецкой, Запорожской и Херсонской областей (табл. 1).

В целом, как показали исследования, уровень обеспеченности туристической индустрии трудовыми ресурсами за год изменился в лучшую сторону. Уменьшение потребности в кадрах составило от 8,3 до 12,4 процентных пунктов по секторам «Объекты питания» и «Туроператоры, турагентства, туристические информационные центры» соответственно. Средний показатель уменьшения кадровой потребности индустрии туризма на территории новых исследуемых туристических регионов России составил 10,7 процентных пунктов в целом по всем секторам. Однако в разрезе специальностей основными категориями дефицита трудовых ресурсов остаются квалификации инженерно-технического направления, работники которых требуются практически в каждом секторе туристической индустрии, а также менеджеры туристического и гостинично-ресторанного направлений разных уровней, несмотря на тот факт, что за 2023–2024 гг. дефицит по этим специальностям также уменьшился (табл. 2).

Следует разграничивать такие понятия, как «отсутствие кадров» и «отсутствие квалифицированных кадров». На сегодняшний день специалисты менеджмента большинства предприятий, связанных с туризмом, не обладают профильными профессиональными компетенциями, которые следует рассматривать как конкурентное преимущество любого субъекта туристического бизнеса. Тут следует отметить, что образовательная система Российской Федерации, как и любой другой институт, внедряется в обедненную постукраинскую экономику туризма поэтапно, а процесс адаптации населения и туристического бизнеса к нормам и требованиям современности – сложный и противоречивый, требующий как самообразования

субъектов, так и фундаментального профессионального обучения менеджеров туристической сферы, в составе которой культурный, отельно-ресторанный и развлекательный сектора.

Таблица 1. Кадровые потребности туристической индустрии Донецкой, Запорожской и Херсонской областей (на начало года)

Table 1. Personnel needs of the tourism industry of Donetsk, Zaporozhye and Kherson regions (at the beginning of the year)

Сектор туристической индустрии Tourism industry sector	Основные специальности сектора туристической индустрии Main specialties of the tourism industry sector	Потребность в специалистах (среднее по сектору туристической индустрии), % Demand for specialists (average for the tourism industry sector), %	
		2023	2024
Средства размещения Accommodation facilities	Специалисты компьютерных систем бронирования и размещения, специалисты туристического менеджмента, инженерно-технические работники Specialists in computer reservation and accommodation systems, tourism management specialists, engineering and technical workers	41,8	32,3
Объекты питания Food facilities	Повара высшей категории, официанты, профильные менеджеры, инженерно-технические работники Chefs of the highest category, waiters, specialized managers, engineers and technical workers	23,2	14,9
Транспортная инфраструктура Transport infrastructure	Водители пассажирских перевозок наземного, водного и воздушного транспорта, водители грузоперевозок, инженерно-технические работники Drivers of passenger transportation of land, water and air transport, freight drivers, engineering and technical workers	32,6	21,0
Туроператоры, турагентства и туристические информационные центры Tour operators, travel agencies and tourist information centers	Профильные менеджеры туристического бизнеса, маркетологи, планово-экономические работники Profile managers of tourism, business, marketers, economic planners	76,7	64,3
Культурно-исторические объекты Cultural and historical objects	Историки и искусствоведы, профессиональные гиды, переводчики Historians and art historians, professional guides, translators	29,6	18,4
Санаторно-лечебные и медицинские учреждения Sanatorium and medical institutions	Профильные медицинские работники, инженерно-технические работники Specialized medical workers, engineering and technical workers	42,4	33,3
Развлекательные заведения Entertainment facilities	Аниматоры, музыканты, артисты Animators, musicians, artists	31,0	19,8
Образование в отрасли туризма Education in the tourism industry	Профильные научно-педагогические работники высших учебных заведений Profile scientific and pedagogical workers of higher educational institutions	58,4	46,4

Источник: сформировано автором на основе результатов маркетингового исследования рынка труда туристических дестинаций Приазовья России.

Source: generated by the author based on the results of marketing research of the labor market of tourist destinations in Azov region of Russia.

Таблица 2. Потребности туристической инфраструктуры Донецкой, Запорожской и Херсонской областей в туристическом менеджменте (на начало года)
Table 2. Needs of the tourism infrastructure of Donetsk, Zaporozhye and Kherson regions in tourism management (at the beginning of the year)

Уровень менеджмента Management level	Должность, специальность Position, specialty	Основная функциональность Basic functionality	Потребность в данных специалистах, % Demand for these specialists, %	
			2023	2024
Высший уровень Top manager	Например, генеральный директор, коммерческий директор, директор, член правления фирмы For example, general director, commercial director, director, member of the board of a company	Формирование глобальных целей и стратегии развития предприятия, определение внутрифирменных ценностей фирмы либо гостинично-ресторанного объекта Formation of global goals and development strategy of the enterprise, determination of internal company values of the company or hotel and restaurant facility	38,8	20,5
Средний уровень Middle manager	Например, руководитель подразделений, начальник службы размещения и отдела продаж, начальник отдела производства питания For example, head of departments, head of accommodation and sales department, head of food production department	Управление работой других менеджеров, решение более принципиальных задач, участие в составлении планов функционирования и развития объекта индустрии Managing the work of other managers, solving more fundamental problems, participating in drawing up plans for the functioning and development of an industrial facility	44,6	29,2
Низший уровень Entry manager	Например, руководитель подразделения или бригады, старшие горничные, главный в группе «room service» For example, the head of a department or team, senior maids, the head of the "room service" group	Управление деятельностью конкретных сотрудников, контроль результатов их работы, отсутствие контроля над работой других менеджеров Managing the activities of specific employees, monitoring the results of their work, lack of control over the work of other managers	22,3	14,0

Источник: сформировано автором на основе результатов маркетингового исследования рынка труда туристических дестинаций Приазовья России.

Source: generated by the author based on the results of marketing research of the labor market of tourist destinations in Azov region of Russia.

В связи с этим для усовершенствования уже действующего аппарата менеджмента объективно необходимо внедрение следующих механизмов повышения квалификации управленцев в сфере туризма, культуры и индустрии развлечений:

- организация и реализация обучающих выездных программ на передовые предприятия туристической индустрии;
- проведение обучающих тренингов, лекций, презентаций, семинаров, мастер-классов, тематических конференций и форумов для представителей туристического бизнеса на базе высших учебных заведений профильной ориентации;
- организация профессиональных курсов переквалификации для представителей туристического бизнеса на базе высших учебных заведений профильной ориентации;
- внедрение на предприятия самообучающих программ внутрикорпоративного менеджмента туризма;
- внедрение профессиональных профильных программ обучения персонала «кадры по обмену».

Внедрение обозначенных мероприятий по повышению квалификации менеджеров туристической индустрии Приазовья позволит усовершенствовать их универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, что даст возможность:

- качественно проводить анализ отраслевого рынка туризма, в том числе сферы гостинично-ресторанных, развлекательных, санаторно-курортных и других услуг;
- правильно определять тактику работы с клиентами, поставщиками и иными партнерами по туристическому бизнесу;
- умело использовать инновационные системы закупок и формировать товарную политику в сфере торговли походно-туристической продукцией, гостинично-ресторанным оборудованием и продуктами питания;
- креативно формировать популяризационно-рекламную кампанию предприятий индустрии туризма;
- вовремя и рационально реагировать на «конкурентноопасную» ситуацию на отраслевом рынке;
- формировать эффективную стратегию дальнейшего развития предприятий туристической индустрии;
- профессионально рассчитывать стоимость туристической продукции и услуг;
- понимать законодательные и нормативные документы в области туризма, в том числе гостинично-ресторанного сектора, индустрии развлечений, сферы культуры.

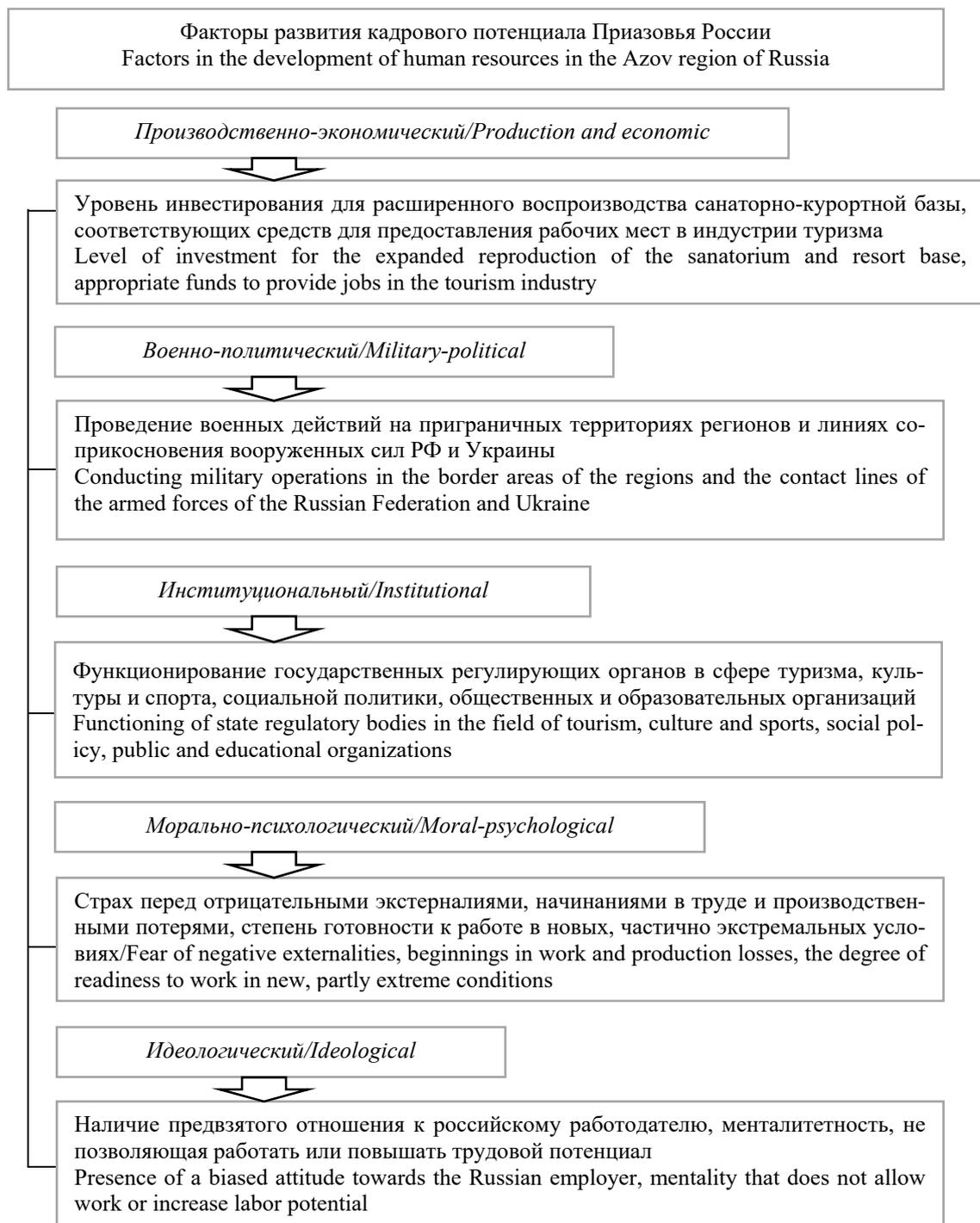
Таким образом, благодаря дополнительным обучающим механизмам, реализация такого набора характеристик выполненной работы в туристическом менеджменте управленцами уровней Top, Middle и Entry, как «качественно, эффективно, рационально, креативно, вовремя, правильно, профессионально, грамотно и т. п.», будет демонстрировать достижение желаемых результатов (финансово-экономических и социальных) туристического бизнеса Приазовья.

Отсутствие профессионального менеджмента в сфере туристских услуг новых туристических направлений России – это важная, но лишь одна из проблем туристической инфраструктуры. Уровень ее развития на самом деле определяется более широким спектром детерминант, так или иначе влияющих на степень кадрового обеспечения туристического Приазовья.

На сегодняшний день в контексте исследования обозначенной проблематики на новых территориях России можно выделить ряд главных факторов развития кадрового потенциала в туристической индустрии (рис. 1).

Совокупное действие имеющихся рассмотренных детерминант формирования процесса кадрового развития Приазовья России в той либо иной мере создает ряд обстоятельств, при которых сегодня на данной туристической дестинации образовался дефицит качественных кадров в туристической отрасли, в том числе отельно-ресторанной и санаторно-лечебной сферах, а также индустрии культурных развлечений и транспортной инфраструктуре. К таким обстоятельствам, по мнению автора, можно отнести:

- отсутствие соответствующего образования у многих работников, занимающих определенную должность;
- в процессе получения образования сотрудником не в полном объеме были освоены общепрофессиональные и профессиональные компетенции;
- отсутствие практического опыта у многих работников в связи с возрастом или в связи с тем, что ранее никогда не занимали данную должность;
- отсутствие актуального профессионального опыта по смежным специальностям;
- отсутствие у субъектов финансовых средств на дополнительное обучение, повышение квалификации и переквалификацию персонала, а также принятие на работу квалифицированного специалиста;
- отсутствие заинтересованности у сотрудников в дополнительном расширении своих профессиональных возможностей в индустрии туризма ввиду морального состояния и отсутствия зависимости от приобретения дополнительного образования.

Источник: составлено автором.

Source: generated by the author.

Рис. 1. Основные группы факторов, определяющих формирование кадрового потенциала туристического Приазовья России

Fig. 1. The main groups of factors determining the formation of human resources in the tourism region of the Azov region of Russia

По результатам маркетинговых исследований туристических дестинаций Приазовья России большинство опрошенных глобальным фактором, не позволяющим сегодня повышать кадровый потенциал, лежащий в основе развития туристской инфраструктуры, считает не-

оконченные военные действия в Донецкой, Запорожской и Херсонской областях, происходящие в рамках специальной военной операции России (88,8 % респондентов). 11,2 % опрошенных делают акцент на отсутствии всеобщей заинтересованности населения, а также государства в развитии туризма Приазовья страны. По мнению автора, тут можно подискутировать – не является ли отсутствие такой заинтересованности также следствием данных военно-политических обстоятельств? Так или иначе в рамках проблемы «незаинтересованности» респонденты выделяют группу основных детерминантов (часть респондентов делает акцент на нескольких факторах): нежелание туристов иных регионов России передвигаться по дестинациям, а также пользоваться туристическими услугами субъектов Донецкой, Запорожской и Херсонской областей (73,3 % опрошенных); низкий уровень инвестиционной заинтересованности среди внутрирегиональных и внешних субъектов туристического бизнеса (48,4 %); слабая заинтересованность в скорейшем развитии отрасли со стороны государства (30,8 %); нежелание туристического бизнеса повышать свою квалификацию в сферах гостинично-ресторанного, культурного, развлекательного секторов (54,2 %).

Следует отметить, что вытекающим обстоятельством является отсутствие потенциальных рабочих мест в туристической инфраструктуре обозначенных регионов, которая, в свою очередь, приводит к уменьшению эффективности отрасли, в том числе к снижению положительного социального результата туризма. По мнению автора, такая проблема касается профессиональной подготовки «государственных управленцев» разных уровней соответствующей отрасли.

Как показали исследования, нежелание усовершенствовать профессиональные компетенции, особенно получать платное дополнительное образование в области туризмоведения, множество субъектов также связывают с военно-политической напряженностью. Поэтому в стимулировании ситуации, по мнению автора, действительно необходим серьезный концептуальный подход с участием государственных органов.

Опыт развитых туристических регионов России [14–18], а также зарубежья [19–21] демонстрирует различные практики государственного подхода и соответствующей туристической политики, подкрепленные законодательно-правовыми механизмами.

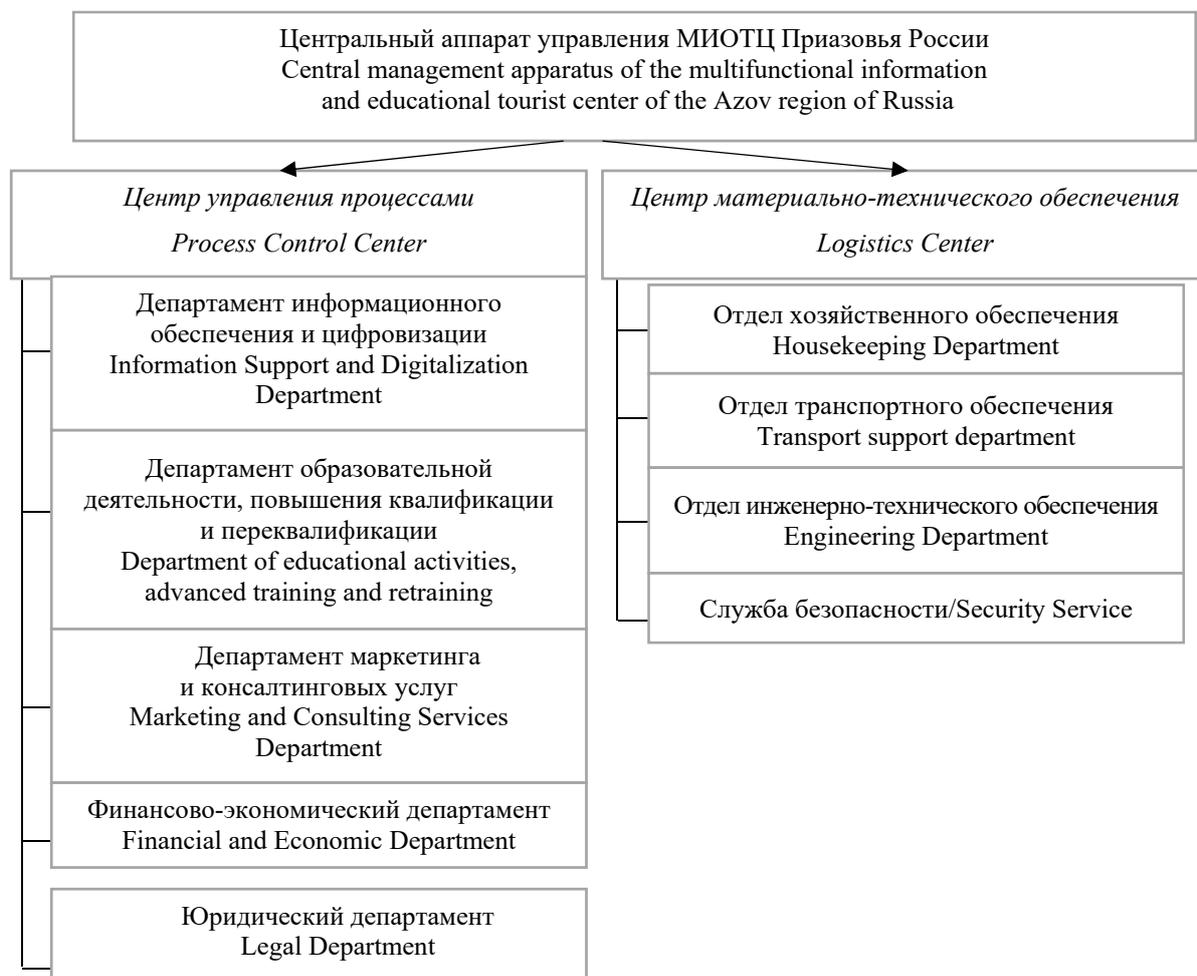
Однако, учитывая потребности и организационно-экономические возможности Новороссии, по мнению автора, следует начать с того, с чем ранее уже субъекты туристического бизнеса имели дело, одновременно внедрив дополнительные организационные, образовательные, стимулирующие и контролируемые механизмы. В данном контексте следует рассмотреть создание многофункционального информационно-образовательного туристического центра Приазовья России (МИОТЦ). Цель его функционирования – формирование и укрепление производственного суверенитета в отрасли туризма данной туристической дестинации через внедрение в туристическое производство информационной и образовательной помощи субъектам туристического рынка Приазовья России (рис. 2).

Основными функциями МИОТЦ: организационная, образовательная, информационная, консалтинговая, финансово-экономическая.

В контексте реализации главной цели организации и поставленных функций можно выделить следующие основные задачи МИОТЦ Приазовья России:

- осуществление процесса ознакомления субъектов туристического бизнеса с нормативно-правовыми изменениями, нововведениями, механизмами работы в конкретных сферах индустрии;
- предоставление консультаций и проведение научных исследований отраслевого рынка в различных секторах индустрии туристских услуг;
- организация туристических выставок и иной популяризационной туристской деятельности;
- формирование региональных программ дополнительного образования трудовых ресурсов туристической индустрии с учетом производственных потребностей регионов;

- разработка индивидуальных программ внутрикорпоративной подготовки кадров действующих субъектов туристической индустрии;
- организация профессиональных лекций, семинаров, тренингов для участников туристического бизнеса;
- организация курсов повышения квалификации для специалистов туризма, уже имеющих профильное образование;
- организация процессов переквалификации трудовых ресурсов индустрии туристских услуг;
- обеспечение рабочих мест для трудовых кадров отрасли, прошедших процесс обучения, повышения квалификации и переквалификации.

Источник: составлено автором.
Source: generated by the author.

Рис. 2. Организационная структура многофункционального информационно-образовательного туристического центра Приазовья России
Fig. 2. Organizational structure of the multifunctional information and educational tourist center of the Azov region of Russia

Обучающие программы Центра следует разрабатывать и внедрять в рамках сотрудничества с высшими учебными заведениями новых регионов Российской Федерации, что не только создаст платформу для повышения квалификации и переквалификации потенциальных

слушателей, но и расширит рабочие возможности работников сферы образования. На сегодняшний день в высших учебных заведениях существует возможность не только основного, но и дополнительного профессионального образования. Например, в данном контексте в пределах рассматриваемых проблем дефицита кадров ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет» проводит дополнительное обучение магистров второго курса по смежным специальностям «Туризм», «Технология продукции и организация общественного питания», а также по ряду экономико-управленческих и технических направлений, широко применимых в индустрии туристских услуг. Также программы дополнительного и профессионального образования могут быть представлены Донецким государственным и Азовским государственным педагогическим университетами.

Для новых туристических регионов России, учитывая особенности их постконфликтного существования, имеются различные актуальные дистанционные и заочные формы и методы повышения квалификации кадров и усовершенствования туристского потенциала. При этом управление качеством и контроль подготовки слушателей в системе дополнительного профессионального образования гостинично-ресторанного сектора и отрасли туризма в целом должны осуществляться организациями, которые непосредственно реализуют образовательный процесс (контроль проведения и посещаемости занятий, сдача итоговых экзаменов, контрольные срезы и промежуточные тестирования), а также представителями многофункционального информационно-образовательного туристического центра, являющегося организатором данной образовательной деятельности.

Также следует отметить, что система повышения квалификации менеджмента в туризме всех уровней и переквалификации, о которой говорилось ранее, должна быть интегрирована в данный организационно-управленческий институт. В контексте такой подготовки в первую очередь необходимо учитывать направление деятельности субъекта и специфику отраслевого рынка.

В конечном итоге формирование и функционирование данного Центра позволит улучшить качество туризма в Приазовских регионах Новороссии и увеличить внутренние потоки туризма. Это, в свою очередь, даст возможность создавать новые рабочие места в рамках индустрии, производить креативный туристический продукт и повысить доходность соответствующего сектора экономики. Иными словами, работа Центра должна быть направлена на то, чтобы превратить современный туризм новых Приазовских территорий страны в полноценную индустрию. Финансирование аппарата должно осуществляться за средства регионального бюджета, а также частично федерального, поскольку его долгосрочные цели связаны непосредственно с созданием курортов национального значения.

Обсуждение

Таким образом, с точки зрения структурного состава туристических ресурсов, кадровый компонент является равноценной составляющей, поэтому очевидно, что процесс функционирования туристской инфраструктуры и существование соответствующей индустрии на принципах устойчивого развития не возможны без участия в нем квалифицированных кадров гостинично-ресторанной сферы, индустрии развлечений и культуры, транспортного сектора и логистической цепи, курортной медицины, а также других секторов туризма.

Теоретическая ценность исследования проблематики кадрового потенциала туристической индустрии Приазовья Российской Федерации заключается в качественной и количественной оценке ее кадрового потенциала, обозначении главных механизмов повышения квалификации туристического менеджмента новых регионов РФ; выявлении качественных характеристик функционирования эффективного туристского менеджмента; раскрытии основных факторов формирования обстоятельств функционирования действующих трудовых ресурсов отрасли Приазовья.

Практическая значимость исследования автора состоит в вынесении рекомендаций по повышению кадрового потенциала туристической индустрии новых регионов России как одного из векторов развития регионального туризма. Ключевым элементом при этом выделено формирование такого государственного института, как межрегиональный информационно-образовательный туристический центр. Ведущей стратегией данной организации должно быть предусмотрено оказание помощи в организации туризма и реализации туристских возможностей приазовских регионов Новороссии.

Результаты исследования могут быть использованы при формировании региональной стратегии образования и усовершенствования качества трудовых ресурсов отрасли туризма в контексте развития соответствующей ветви инфраструктуры индустрии туризма Приазовья России.

Заключение

Таким образом, усовершенствование кадрового потенциала индустрии туристских услуг Приазовья России является стратегическим вектором ее развития, в частности инфраструктуры гостинично-ресторанного, санаторно-лечебного, культурно-развлекательного и транспортного секторов. Нарастивание качества трудовых ресурсов даст дестинациям не только улучшенный туристический продукт и приток туризма, но и дополнительные рабочие места. Процесс образовательной деятельности в отрасли туризма является важной составляющей успеха субъектов туристического бизнеса, а также функционирования индустрии на принципах устойчивого развития. Сложившиеся военно-политические и социально-экономические обстоятельства в Донецкой, Запорожской и Херсонской областях сегодня усложняют дополнительную образовательную деятельность субъектов туристической индустрии, что требует внедрения взвешенного государственного подхода, разработки и использования институциональных программ сбалансирования ситуации в контексте глобальной туристской политики новых регионов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриева А.А., Валиева К.Ф. Внутренний туризм России: современные проблемы и стратегические перспективы развития // Молодой учёный: сборник статей VII Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза: Наука и Просвещение, 2022. – С. 64–68. EDN: OEGLPL
2. Раимова М.Д., Махатов С.И. Пути ускорения развития туризма и повышения его роли в экономике // *Gospodarka i Innowacje*. – 2022. – Т. 24. – С. 395–400.
3. Gössling S., Scott D., Hall M. Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19 // *Journal of Sustainable Tourism*. – 2020. – P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1758708>.
4. Global and regional tourism performance // UNWTO/World Tourism Organization a UN Specialized Agency. – 2022. URL: <https://www.unwto.org/tourism-data/global-and-regional-tourism-performance> (дата обращения 08.02.2024).
5. Пирогова О.В., Пирогова А.Ю., Сорокин Г.Ю. Занятость населения в сфере туризма // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 12-3. – С. 593–598.
6. Турабеков С.Ш., Рахимова Н.А., Мардонов Б.Б. Взаимосвязь между развитием туристических услуг и уровнем занятости // *Colloquium-journal*. – 2020. – № 7-6 (59). – С. 49–52.
7. Полевая М.В. Модернизация системы подготовки кадров для индустрии туризма: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2011. – 47 с.
8. Романюк А.В., Гареев Р.Р., Гадимова Ф.К. Развитие кадрового потенциала в индустрии гостеприимства и туризма России в рамках реализации национальных проектов // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. – 2022. – Т. 11. – № 4. – С. 62–72. EDN: ZRCHHF. DOI: 10.12737/2306-627X-2022-11-4-62-72.
9. Сахарчук Е.С. Повышение квалификации сотрудников туристского предприятия как компонент системы управления знаниями // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 5 (91). – С. 172–181. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10519.

10. Морозов В.Ю., Поправкина А.А. Особенности подготовки кадров в сфере туризма и гостеприимства в России: традиционный и современный подходы // *Сервис в России и за рубежом*. – 2015. – № 2 (58). – С. 88–99. DOI: 10.12737/11894.
11. Павлов Е.А. Проблемы законодательного регулирования подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для сферы рекреации и спортивно-оздоровительного туризма // *Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса*. – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 27–37. DOI: 10.12737/17733.
12. Карпова Г.А., Волошинова М.В., Хорева Л.В. Подготовка кадров для сферы рекреации и туризма: сетевизация и профессиональные стандарты // *Рекреация и туризм. Современные механизмы и технологии подготовки кадров для сферы рекреации и туризма*. – 2019. – № 3 (3). – С. 27–35. DOI: 10.18572/2686-858X-2019-3-3-27-35.
13. Дусенко С.В. О создании и функционировании центра повышения квалификации кадров сферы туризма // *Современные проблемы сервиса и туризма*. – 2010. – № 2. – С. 70–74.
14. Котлярович А.П. Инновационные стратегии геоэкономического развития туристского рынка Российской Федерации // *Инновационная парадигма экономических механизмов хозяйствования: сборник научных трудов VIII международной научно-практической конференции*. – Симферополь: Ариал, 2023. – С. 278–281. EDN: VAAOCQ.
15. Саченок Л.И., Змерзлый Б.В. Направления государственно-правового регулирования туристической деятельности // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского: Юридические науки*. – 2021. – Т. 7 (73). – № 1. – С. 289–303. DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-289-30.
16. Уразалиев Р.М. Правовое обеспечение туристской деятельности // *Молодой ученый*. – 2023. – № 11 (458). – С. 267–268.
17. Шалом Д.В. Проблемные аспекты федерального и регионального законодательства в сфере туризма в Российской Федерации // *Молодой ученый*. – 2021. – № 13 (355). – С. 216–218.
18. Стрембицкая Л.И. Роль государства в развитии туризма и деятельности индустрии // *StudNet*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstva-v-razvitii-turizma-i-deyatelnosti-industrii> (дата обращения 05.02.2024).
19. Дедусенко Е.А. Зарубежный опыт подготовки кадров для индустрии гостеприимства и туризма // *Туризм и сервис. Подготовка кадров, проблемы и перспективы развития: сборник научных статей*. – М.: Изд-во РГУТиС, 2010. – С. 61–65.
20. Зарубежный опыт управления развитием туризма на основе механизма государственно-частного партнерства / А.Т. Тлеубердинова, А.Т. Алдабергенова, Д.М. Салауатова, С. Пратт // *Вестник Казахского университета «Туран»*. – 2022. – № 2. – С. 193–201. DOI: <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2022-1-2-193-201>.
21. Тарасенок А.И. Туристический комплекс Республики Беларусь: Современные проблемы и новый механизм развития // *Белорусский экономический журнал*. – 2016. – № 1 (74). – С. 109–127.

Информация об авторе

Краснодед Татьяна Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики Мелитопольского государственного университета, Россия, г. Мелитополь, 272312, пр. Б. Хмельницкого, 18; tl.krasnoded@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8930-3248>

Поступила в редакцию: 12.03.2024

Поступила после рецензирования: 15.06.2024

Принята к публикации: 30.06.2024

REFERENCES

1. Dmitrieva A.A., Valieva K.F. Domestic tourism in Russia: modern problems and strategic development prospects. *Collection of articles of the VII International Research Competition. Young scientist*. Penza, Science and Enlightenment Publ., 2022. pp. 64–68. (In Russ.) EDN: OEGLPL.
2. Raimova M.D., Makhatov S.I. Ways to accelerate the development of tourism and increase its role in the economy. *Gospodarka i Innowacje*, 2022, vol. 24. pp. 395–400. (In Russ.)
3. Gössling S., Scott D., Hall M. Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19. *Journal of Sustainable Tourism*, 2020, pp. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1758708>.
4. Global and regional tourism performance. *UNWTO/World Tourism Organization a UN Specialized Agency*. 2022. Available at: <https://www.unwto.org/tourism-data/global-and-regional-tourism-performance> (accessed 8 February 2024).
5. Pirogova O.V., Pirogova A.Yu., Sorokin G.Yu. Employment of the population in the field of tourism. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2020, no. 12-3, pp. 593–598. (In Russ.)

6. Turabekov S.Sh., Rakhimova N.A., Mardonov B.B. The relationship between the development of tourism services and the level of employment. *Colloquium-journal*, 2020, no. 7-6 (59), pp. 49–52. (In Russ.)
7. Poleyeva M.V. *Modernization of the personnel training system for the tourism industry*. Dr. Diss. Abstract. Moscow, 2011. 47 p. (In Russ.)
8. Romanyuk A.V., Gareev R.R., Gadimova F.K. development of human resources in the hospitality and tourism industry of Russia within the framework of national projects. *Scientific research and development. Economics of the Firm*, 2022, vol. 11, no. 4, pp. 62–72. (In Russ.) EDN: ZRCHHF. DOI: 10.12737/2306-627X-2022-11-4-62-72.
9. Sakharchuk E.S. Further training of employees of a tourism company as a component of a knowledge management system. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2019, no. 5 (91), pp. 172–181. (In Russ.) DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10519.
10. Morozov V.Yu., Popravkina A.A. Features of personnel training in the field of tourism and hospitality in Russia: traditional and modern approaches. *Service in Russia and abroad*, 2015, no. 2 (58), pp. 88–99. (In Russ.)
11. Pavlov E.A. Regulatory problems of training, retraining and advanced training of personnel for the sphere of recreation and sport tourism. *Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 27–37. (In Russ.) DOI: 10.1273717733.
12. Karpova G.A., Voloshinova M.V., Khoreva L.V. Training for personnel for the sphere of recreation and tourism: networking and professional standard. *Recreation and tourism. Modern mechanisms and technologies for training personnel for the sphere of recreation and tourism*, 2019, no. 3 (3), pp. 27–35. (In Russ.) DOI: 10.18572/2686-858X-2019-3-3-27-35.
13. Dusenko S.V. On the creation and functioning of a center for advanced training of tourism personnel. *Modern problems of service and tourism*, 2010, no. 2, pp. 70–74. (In Russ.)
14. Kotlyarovich A.P. Innovative strategies for the geo-economic development of the tourist market of the Russian Federation. *Collection of scientific papers of the VIII international scientific and practical conference. Innovative paradigm of economic mechanisms*. Simferopol, Arial Publ., 2023. pp. 278–281. (In Russ.) EDN: VAAOCQ.
15. Sachenok L.I. Directions of state-legal regulation of tourism activities. *Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science*, 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 289–303. (In Russ.) DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-289-303.
16. Urazaliev R.M. Legal support for tourism activities. *Young scientist*, 2023, no. 11 (458), pp. 267–268. (In Russ.)
17. Shalom D.V. Problematic aspects of federal and regional legislation in the field of tourism in the Russian Federation. *Young scientist*, 2021, no. 13 (355), pp. 216–218. (In Russ.)
18. Strembitskaya L.I. The role of the state in the development of tourism and industry. *StudNet*, 2022, no. 2. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstva-v-razviti-turizma-i-deyatelnosti-industrii> (accessed 5 February 2024).
19. Dedusenko E.A. Foreign experience in training personnel for the hospitality and tourism industry. Tourism and service. *Collection of scientific Art. Tourism and service. Personnel training, problems and development prospects*. Moscow, RGUTiS Publ. house, 2010. pp. 61–65. (In Russ.)
20. Tleuberdinova A.T., Aldabergenova A.T., Salauatova D.M., Pratt S. Foreign experience in tourism development management based on the public-private partnership mechanism. *Bulletin of "Turan" University*, 2022, no. 2, pp. 193–201. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2022-1-2-193-201>.
21. Tarasenok A.I. Tourist complex of the Republic of Belarus: modern problems and new development mechanism. *Belarusian Economic Journal*, 2016, no. 1 (74), pp. 109–127. (In Russ.)

Information about the author

Tatyana L. Krasnoded, Cand. Sc., Associate Professor, Melitopol State University, 18, B. Khmel'nitsky avenue, Melitopol, 272312, Russian Federation; tl.krasnoded@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8930-3248>

Received: 12.03.2024

Revised: 15.06.2024

Accepted: 30.06.2024

УДК 316.74:001

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1837

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Природа «сдвига» власти и управления в когнитивном обществе: концептуальный аспект

Г.В. Смолонский✉

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

✉SGV-070@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыта природа трансформационных процессов, происходящих в когнитивном обществе начиная с последней трети XX в. Обоснована роль знания в трансформациях подобного рода в сферах власти и управления. Показано, что изменение статусной роли знания, превращенного в доминирующий ресурс общества знания, создает предпосылки возникновения результативных инновационных стратегий управления и власти. **Актуальность** обусловлена необходимостью формирования теории так называемого когнитивного общества – общества знания. Сегодня исследователи изучают его структуру и характеристики. Доминирующей в системе этих характеристик, полагают аналитики, является изменение статуса знания: оно превращено в базисный ресурс нового общества – общества, теория эволюции которого до сих пор не разработана. Исследовательская задача заключается в том, чтобы показать, что трансформация статуса знания, обретающего функции ресурса развития общества, ресурса власти и управления, является основным в понимании категориального конструкта «сдвиг власти и управления». **Методы:** системный комплексный анализ, позволяющий рассмотреть общество знания как ценность связей и отношений, историческая реконструкция, сравнительный анализ, прогнозирование. **Результаты:** в статье рассмотрена природа трансформации сфер власти и управления, произошедшей на рубеже XX–XXI вв. под влиянием нового статуса знания в когнитивном обществе. Обозначены конструктивные характеристики феномена «сдвиг власти и управления». Показано что, знание демонстрирует новый ресурсный статус в системе инновационного общества.

Ключевые слова: знания, информация, когнитивное общество, ресурс власти и управления, инновации как «креативный разрушитель», «сдвиг» власти и управления

Для цитирования: Смолонский Г.В. Природа «сдвига» власти и управления в когнитивном обществе: концептуальный аспект // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 2. – С. 125–132. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1837

UDC 316.74:001

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1837

Nature of the “shift” of power and control in a cognitive society: a conceptual aspect

G.V. Smolonsky✉

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

✉SGV-070@yandex.ru

Abstract. The article reveals the nature of transformation taking place in the cognitive society, starting from the last third of the XX century. The role of knowledge in transformations of this kind occurring in the spheres of power and management is substantiated. It is shown that a change in the status role of knowledge, transformed into the dominant resource of a knowledge society, creates the preconditions for the formation of effective innovative strategies of management and power. **Relevance.** The need to form a theory of the so-called cognitive society, the knowledge society. Today, researchers are studying the structure of its design characteristics. Analysts believe, the change in the status of knowledge: it has been turned into the basic resource of a new society – a society whose theory of evolution has not yet been formed, is dominant in the system of these characteristics. Meanwhile, only by mastering such a theory a knowledge society can be managed effectively. The research task is to show how the transformation of the status of knowledge, which acquires the functions of a resource for the society development, a resource of power and management, is fundamental in understanding the categorical construct “shift of power and management”. **Methods.** Systemic comprehensive analysis, allowing us to consider the knowledge society as the value of connections and relationships, historical reconstruction, comparative analysis, forecasting. **Results.** The article examines the nature of the spheres of power and management transformation occurred at the turn of the XX–XXI centuries under the effect of the new status of knowledge in the cognitive society. The constructive characteristics of the phenomenon of “shift of power and control” are outlined. It is shown that knowledge demonstrates a new resource status in the system of an innovative society.

Keywords: knowledge, information, cognitive society, resource of power and control, innovation as a “creative destroyer”, “shift” of power and control

For citation: Smolonsky G.V. Nature of the “shift” of power and control in a cognitive society: a conceptual aspect. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 2, pp. 125–132. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1837

В ходе исследования изменений, которые происходят в последнее время в эпистемологии и касаются вопросов ее связи и «общества знания», В.А. Лекторским введен конструкт «цивилизация знания» [1] как этапа социальной эволюции, когда знание обретает статус важнейшего ресурса.

Становление «цивилизации знания» хронологически совпало с явлением, в футурологической концепции О. Тоффлера обозначенным как «сдвиг власти». Но это, скорее, не просто «сдвиг власти», но и трансформация (посредством выхода знания на доминирующие позиции в качестве ресурса общества) средств и механизмов управления и власти. Вернемся к тем работам О. Тоффлера, где автор раскрывает свой футурологический концепт «сверхиндустриальной» цивилизации: это «Футурошок» (1970) [2], «Третья волна» (1980) [3], «Сдвиг власти. Знание, богатство и насилие на пороге XXI века» (1990) [4]. Обратим внимание на достаточно длительный срок, разделяющий появление блоков трилогии. Вероятно, это позволило О. Тоффлеру быть более осторожным в вопросах прогнозирования. В вышедшем в 1970 г. «Футурошоке» [2] автор пишет об ускоренных темпах происходящей в обществе трансформации – технологической, социальной. И только в работах 1980 и 1990 гг. Тоффлер напишет о возможностях управления этими трансформациями. Он определяет способ производства «третьей волны» как «демассификация», самой же «третьей волной» автор обозначает тот этап цивилизации, на котором возникает способ производства, кардинально изменяющий характер занятости (в соответствии с новыми принципами и ресурсами сегменты власти и управления распределены иначе). О специфике сформировавшихся в контексте трансформаций третьей волны новой культуры и новой экономики знаний пишет П.Н. Рвалов: «е принципы предполагают вознаграждение за умение обращаться с символами, образами и абстракциями, за способность говорить и мыслить логично и за другие способности, которые ранее были не столь необходимы и в наименьшей степени вознаграждались. Новая экономика предполагает вознаграждение за познавательные способности и образование, вознаграждение за способность к быстрому приспособлению и изменениям; гибкие способны работать более чем на одного босса и, может быть, даже одновременно выступать в роли босса. Экономике знания нужны те, кто может, не имея навыков в одной пожизненной специальности,

обладать опытом в нескольких различных сферах, кто способен перемещать идеи из одной сферы в другую, – новой экономике нужны предприимчивые и креативные» [5, с. 47].

П. Друкер, назвавший знание основным экономическим ресурсом [6], дополняет эту характеристику тем, что оно превращается в условиях новой экономики в материал креативности. Инновация создается креативным классом посредством знания и обретает в этих условиях статус «креативного разрушителя» [7]. Предвидя наступление трансрыночной цивилизации, О. Тоффлер [3] пишет о трансформации природы собственности. Информация превращена в мощный производственный фактор, создающий капитал. И если ранее ресурсом был капитал, то в информационную эпоху роль ресурсов исполняют информация и интеллект. Возникли понятия «информационная собственность», «интеллектуальная собственность». Сила, богатство и знание «...могут использоваться на любом уровне социальной жизни – как в бытовых отношениях, так и на политической арене. Каждый фактор сообщает власти определенное качество. Сила или угроза применения силы способны лишь на грубое принуждение, лишены гибкости, функционально ограничены и свойственны власти низкого качества. Власть среднего качества основана на богатстве и имеет в распоряжении как негативные, так и позитивные средства стимулирования. Высшее качество и наибольшую активность придают власти знания, они позволяют достичь искомым целей, минимально расходуя ресурсы власти; убедить людей в личной заинтересованности в этих целях; превратить противников в союзников» [8, с. 24].

Д. Белл и О. Тоффлер [4, 8, 9] связали в своих футурологических прогнозах понятия «смещение власти», «сдвиг власти» с новыми формами власти и управления в когнитивном обществе. По-новому заявили о себе в проектах футурологов и субъекты власти и управления. Так, термин «оверстрат» был создан в сегменте социологического знания для обозначения нового слоя управленческого звена как креативного класса – тех, кто формирует будущее [10]. Знание и информация были отнесены к совокупности доминирующих ресурсов стратегического уровня, что обусловлено новым статусом знания.

Конститутивной характеристикой общества знания, той характеристикой, которая цементирует весь ряд свойств и качеств, присущих обществу знания, является процесс превращения знания в информацию. Д. Белл описывает роль знания в постиндустриальную эпоху как форму социальных инвестиций, получивших стоимостную оценку в системе рынка: «знание – это то, что объективно известно, это интеллектуальная собственность, принадлежащая определенному лицу или группе лиц и удостоверяемая авторским правом или какой-либо другой формой социального познания (скажем, публикацией). Это знание оплачивается – на основе времени, затраченного на исследование и изложение его результатов, и расходов, связанных с его распространением и передачей при обучении, Знание подвержено оценкам со стороны рынка, высших административных и политических должностных лиц или равных им по положению людей, которые могут высказывать суждения в отношении как ценности результатов, так и обоснованности претензий на ресурсы, когда таковые предъявляются. В этом смысле знание – составная часть социальных инвестиций; оно представляет собой законченное изложение чего-либо в форме книги, статьи или даже компьютерной программы, записанной на бумагу или магнитную ленту с целью передачи, и подвержено грубой качественной оценке» [9, с. 32].

Д. Белл приводит различные интерпретации информации: мера неопределенности, устраняемая посредством сообщения; данные, по отношению к которым возможна компиляция, обработка, представление в различных формах. Анализируя проблему представления знания и информации (knowledge representation), исследователи обращаются к таким формам как семантические сети, фреймы, сценарии, концептуальные схемы. В рамках коммуникационного маркетинга информация интерпретируется в качестве содержания сообщения. Таким образом трактуемые подходы к феномену информации базируются на представлении о том,

что доминирующим способом существования информации выступают коммуникативные процессы. Существует и так называемый информационный подход, в пределах которого знание объясняется как локальное понятие, которым владеет индивид (А.В. Чугунов, С.Б. Шитов, С.Е. Ячин) [11–13]. Иная трактовка знания представлена у Д.У. Делонга и Т. Дейвенпорта [14], которые считают, что информация не всегда содержит знание, но знание всегда содержит конструктив. При сравнении обозначенных позиций стоит отметить следующее: информация конкретна, в то время как знание в обобщенной форме включает причинно-следственные связи и отношения; знание – это форма для представляемой информации. Есть, однако, одна закономерность: ее смысл в том, что количественный рост информационных массивов автоматически не может привести к расширению познавательных границ. Рассел Акофф, обращаясь к методологии системного подхода, вводит схему отношений «данные-информация-знание-понимание-мудрость». «Движение информации, – пишет Р. Акофф, – осуществляется путем получения первичных данных и их упорядочения относительно того или иного аспекта, в результате чего растет понимание связей и структуры рассматриваемого явления. Знание затем формируется в своего рода шаблон. Высшая степень знания связана с обобщением шаблонов и выявлением заложенных в них системных принципов. Возникает видение данного процесса в более общей системе деятельности и явлений, раздвигаются границы оценки эффективности получаемых результатов, что способно коренным образом повлиять на цели и мотивы деятельности субъектов» [15, с. 30].

Автор считает, что получаемое знание, заложенное в тех или иных артефактах, образцах поведения, «...может быть раскрыто квалифицированным пользователям, это обстоятельство в сфере современной экономики и бизнеса вызывает культурный резонанс в форме такого явления, которое здесь называется ретроспективным инжинирингом. Однако в большинстве случаев это знание не может быть раскрыто во всех своих деталях. Достаточно того, что сам объект как целое формирует у потребителя особое знание, связанное с возможностями его использования» [16, с. 31].

В качестве форм существования знания можно выделить знание индивидуальное, модифицированное, объективированное. Индивидуальное знание опосредует отношение человека и мира, их взаимодействие. Эти понятия воплощены в модели действительности (декларативное знание) и алгоритмах действий (изменения, ноу-хау). В моделях используется модифицированные знания (знаки, символы). Форма представления объективированного знания – интеллектуальные модели. Вновь обратившись к схеме-цепи, предложенной Р. Акоффом [15, 16], отметим, что данные в ней интерпретированы как неупорядоченные символы, данные внеконтекстны; информация выделена, обработана; в знании фиксируются сущностные связи, которые используются в решениях, действиях.

Общество знания сделало актуальным вопрос о новом статусе знания. Оно превратилось в ресурс управления, что предопределило переход знания, ранее используемого в сегментах государственного политического управления, в среду социальной инфраструктуры.

О. Тоффлер (свою футурологическую версию-прогноз он охарактеризовал как практическую «практопию» – практическую утопию) интерпретирует социальные модернизационные трансформации через представленные системы этих трансформаций в их органичном соединении с новой ролью знания в цивилизации «третьей волны» [9]. В концепции футуролога профессионалы усматривают монополию на знание, а использование интеллектуальных технологий формирует новый способ создания и получения общественного богатства. В сегменте власти и управления также происходит переструктурирование взаимосвязей, которое О. Тоффлер уподобляет смещению и разрушению тектонических пластов, относя кардинальные изменения, происходящие в природе власти и управления, к редким явлениям социальной истории. Знание отнесено к «культурным источникам» власти и управления. Как «культурный источник» знание обладает такими характеристиками, которые позволяют использо-

вать его в качестве мощного ресурса (бесконечность, демократичность, общедоступность, способность подчинить силу и богатство, а также изменить специфику экономической системы, применяющей информационные технологии «третьей волны» в момент перехода к массовому производству и массовому потреблению). Радикально трансформировался и способ реализации принципов властных и управленческих отношений, осуществился переход от отношений «господства–подчинения» к управлению и власти. Подобная ситуация зависит от распространения информации, идей, символов, отсюда и то название, которое дает О. Тоффлер возникающей экономической системе: это система «суперсимволическая». В цивилизации «третьей волны» контроль над информацией дает право реальной власти в экономической, политической, управленческой сферах. Информация, став гарантом извлечения прибыли, ушла из сферы производства. Так была создана сложнейшая информационная система.

О. Тоффлер, концептуализируя идею «сдвига», происходящего в постиндустриальную эпоху в сегментах власти и управления, использует понятие «ключи» власти и управления. Их состав масштабен и многолик: это система массовых коммуникаций, пронизывающих организационную структуру; это то образование и квалификация, которые влияют на рабочую силу; это система знаний, характеризующая организационную структуру фирмы. Всем участвующим в производственных процессах нужны знания: предприниматели нуждаются в знаниях менеджеров, в свою очередь менеджеры нуждаются в знаниях служащих. В целом это говорит о том, что принятое в индустриальном обществе разделение персонала на «головы» и «руки» утрачено.

Цена обучения характеризуется широким доступом к информации, высокий образовательный уровень соответствует более демократической организации производственного процесса. Возникает и иная социальная реальность, ориентированная на иные, отличные от индустриального общества идеалы. В то время как идеал индустриального общества – ассимиляция и гомогенность, для общества постиндустриального таким идеалом становится разнообразие и неоднородность [17–19]. При этом акцент делается на коммуникативную природу нового общества, что не исключает утраты единого центра, о чем пишут М.А. Буйвол [17], В. Россман [20], А.П. Чубик [21].

О чем идет речь? Идея утраты центра изложена первоначально в работах В. Россмана [20], где автор излагает концепцию *Axis-Mundi* (центра мира). В традиционных цивилизациях космический и социальный порядок интерпретируется, исходя из представления о центре мира. Это идеологема центра, метафора культуры и социальности. Идеологема центра является средством создания баланса и гармонии всех сил: это силы политические, религиозные, эстетические. Идеологема центра была средством поддержания общественного баланса, равновесия – утрата центра вела к утрате гармонии, устойчивости.

В исследовании А.П. Чубик дана интересная интерпретация центра в разных культурных и социальных традициях. «В культурной традиции Греции роль такого центра играл театр – он находился в центре города, его пространство первоначально было храмом, пространство театра было сакральным пространством («театрон» – греч., от «теос» – бог и «тронос» – престол, местопребывание, местонахождение). Центром мира для евреев считался иерусалимский Храм, но в диаспоре центром мира стала книга. Именно она рождала жизнь, буквы предсуществовали физическому миру. Лишь книжное бытие принималось в качестве истинного. Книга в представлении евреев – дом, родина, литература, в книге открывается смысл общения с высшими сферами бытия. Эти сферы – (сэфер) – также Книга. Евреи в диаспоре воздвигли грандиозное знание Книги, создали комментарии Книги как башни или тройчатые коридоры Храма. Замещая Бога, Книга священна, Книга Книг – образ мира, а сам мир читается и интерпретируется как книга [21, с. 47].

Эпоха постмодернизма, характерными чертами которой явились полицентричность, маргинальность, периферийность, утратила идеологему центра; пространство культуры, как и

пространство социальности, было интерпретировано как ацентричное, лишенное центра [22–24]. Таким же образом характеризуется и власть этой эпохи: она ацентрична, в ней нет иерархии, структуры власти описаны аналитиками как распыленные, в них нет суверена, и эта власть вездесуща; ее модулем является самораскрытие.

Глобальная сеть, интенсифицировав коммуникативные процессы, трансформировала и основания, на которые ориентировано в своей системности социальное пространство. Н. Думай в 1990 г. писал о явлении функциональной дифференциации и центробежности социальных процессов, что лишило общество «вершины и центра». В. Россман же постулирует потребность в центре, «инстинкте сакрального центра». Он полагает, что сакральный опыт прошлого сохраняет свое значение; древние культуры, используя механизмы мистических религий, возвращали членов общины в центр, освобождая их от отчуждения и одиночества. В. Россман считает центром современной культуры экран. Он формирует культуру «около» (экраны кинотеатров, компьютеров, игровых автоматов, мобильных телефонов – мир «около» экрана). Вместе с тем, выступая в роли символа коммуникативных связей и отношений, экран «...не предполагает никакой субстанциальной или содержательной характеристик культуры. Он открывает доступ к различным центрам – и в этом смысле современная цивилизация, если о таковой можно говорить, полицентрична. Но старинные сакральные центры утрачивают всю свою метафизику и трансцендентность. В традиционных цивилизациях центр открывал дорогу на небо, будучи вертикалью восхождения. В современной цивилизации небо удалилось от нас настолько далеко, что даже понимание статуса этих центров и самой концепции центра мира требует от современного человека значительного усилия. Ведь там, где полицентризм, нет больше круговращения по единым орбитам, нет ощущения сакральности. Современная культура – это не культура-вокруг, а культура-около, не культура, взвизгивающая на центр из хоровода, где каждый черпает все свои перспективы, а культура, подсматривающая и оглядывающаяся из статической точки на свои центры» [25, с. 57].

Полицентричность – это не культура-вокруг, но культура-около. Сравнивая ее с ранними культурами, в которых существование центра было очевидным, В. Россман делает вывод об утрате культурной и важной социальной функции: «Помимо культовой и ритуальной, мифологема центра выполняла в культурах также важную социальную функцию. Центр служил тем элементом, который собирал вокруг себя членов сообщества, определял формы общения, взаимодействия, социального обмена. Ритуалы центра способствовали снятию напряжения между различными полюсами культуры и включали в себя символы общественного единения и священного брака. Статус человека в значительной степени определялся дистанцией и отношением к центру в социальном пространстве. Центр также представлял собой критическую модель самоидентификации. В нем аккумулировались духовные устремления носителей традиции, их доминирующее отношение к миру» [25, с. 42].

В постмодернистской культуре и социальности исчезновение единого центра ведет к изменению характера власти и управления. И власть, и управление уже не определены спецификой центра, единого и устойчивого по своей природе и сути: центр, формирующий административные декларации, превращен в неповоротливую макроструктуру власти и управления. Эта макроструктура не способна «схватывать» спонтанно возникающие коммуникации, и это с закономерностью естественного процесса приводит к «рассеиванию» власти, к ее переходу на эмпирический, повседневный, «низовой» уровень – явление, нашедшее отражение в термине «микрофизика» власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лекторский В.А., Труфанова Е.О. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // Человек. – 2019. – Т. 30. – № 1. – С. 102–124.
2. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 261 с.

4. Тоффлер Э. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. – М.: ИНИОН, 1991. – 32 с.
5. Рвалов П.Н. Конститутивные характеристики и статус информационной власти: контекст медиасферы когнитивного общества: дис. ... канд. филос. наук. – Томск, 2019. – 138 с.
6. Друкер П. Эра социальных трансформаций. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2506> (дата обращения 15.02.2024).
7. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 2012. – 288 с.
8. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. – М.: АСТ, 2003. – 669 с.
9. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.
10. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые создают будущее. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 384 с.
11. Чугунов А.В. Модель общества знания и ее инварианты // Общество знания: от идеи к практике. Ч. 1. Основные контуры концепции общества знания. – СПб.: Скифия-принт, 2008. – С. 60–98.
12. Шитов С.Б. От информационного общества к обществу знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3 (9). – С. 198–200.
13. Ячин С.Е., Смирнова М.Ю. От экспертных к эпистемическим сообществам: к трансформации институциональных рамок власти знания в современном мире // Информационное общество. – 2012. – № 3. – С. 39–48.
14. Делонг Д.У., Дейвенпорт Т. Эффективные методы сохранения знаний в организациях: передовой опыт. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 293–311.
15. Акофф Р. Искусство решения проблем. – М.: Мир, 1982. – 224 с.
16. Акофф Р. Системы, организации и междисциплинарные исследования. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6412?ysclid=ixfnt2cdup502122636> (дата обращения 15.02.2024).
17. Буйвол М.А. Власть знания в информационном обществе: от гносеологической к социокультурной интерпретации: дис. ... канд. филос. наук. – Томск, 2005. – 154 с.
18. Буйвол М.А. Становление информационного сектора экономики в пространстве постиндустриальной формации // Актуальные проблемы социальной философии: труды региональной научно-практической конференции, Томск, 28–29 октября 2004 г. – Томск: Изд-во ТПУ, 2004. – С. 102–103.
19. Буйвол М.А. Природа власти в информационном обществе // Актуальные проблемы социальной философии: труды региональной научно-практической конференции, Томск, 28–29 октября 2004 г. – Томск: Изд-во ТПУ, 2004. – С. 11–13.
20. Россман В.И. Мистерия центра: Идентичность и организация социального пространства в современных и традиционных обществах // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 42–57. EDN: IPKOON.
21. Чубик А.П. Технологический характер СМИ в условиях коммуникативной культуры: дис. ... канд. филос. наук. – Томск, 2009. – 137 с.
22. Гваттари Ф., Делёз Ж. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – 261 с.
23. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // Альманах «Восток». URL: https://web.archive.org/web/20180929012423/http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (дата обращения 15.02.2024).
24. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М.: Праксис, 2002. – 320 с.
25. Россман В. В поисках Четвертого Рима: Российские дебаты о переносе столицы. – М.: ИД ВШЭ, 2013. – 288 с.

Информация об авторах

Григорий Вадимович Смолонский, аспирант Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; SGV-070@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.03.2024

Поступила после рецензирования: 25.06.2024

Принята к публикации: 30.06.2024

REFERENCES

1. Lektorsky V.A., Trufanova E.O. Constructivism in epistemology and human sciences. *Man*, 2019, vol. 30, no. 1, pp. 102–124. (In Russ.)
2. Toffler E. *Future shock*. Moscow, АСТ Publ., 2002. 557 p. (In Russ.)

3. Toffler E. *The Third Wave*. Moscow, ACT Publ., 2004. 261p. (In Russ.)
4. Toffler E. *Shifting power: knowledge, wealth and coercion on the threshold of the 21st century*. Moscow, INION Publ., 1991. 32 p. (In Russ.)
5. Rvalov P.N. *Constitutive characteristics and status of information power: the context of the media sphere of cognitive society*. Cand. Diss. Tomsk, 2019. 138 p. (In Russ.)
6. Drucker P. *The era of social transformations*. (In Russ.) Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2506> (accessed 15 February 2024).
7. Schumpeter J. *Theory of economic development*. Moscow, Progress Publ., 2012. 288 p. (In Russ.)
8. Toffler E. *Metamorphoses of power. Knowledge, wealth and power on the threshold of the 21st century*. Moscow, AST Publ., 2003. 669 p. (In Russ.)
9. Bell D. Social framework of the information society. *New technocratic wave in the West*. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 330–342. (In Russ.)
10. Florida R. *Creative class: people who create the future*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2016. 384 p. (In Russ.)
11. Chugunov A.V. Model of the knowledge society and its invariants. *Knowledge society: from idea to practice. Part 1. Basic outlines of the concept of a knowledge society*. St. Petersburg, Skifia-print, 2008. pp. 60–98. (In Russ.)
12. Shitov S.B. From the information society to the knowledge society. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2011, no. 3 (9), pp. 198–200. (In Russ.)
13. Yachin S.E., Smirnova M.Yu. From expert to epistemic communities: towards the transformation of the institutional framework of knowledge power in the modern world. *Information Society*, 2012, no. 3, pp. 39–48. (In Russ.)
14. DeLong D.W., Davenport T. Effective methods of knowledge preservation in organizations: best practices. *Knowledge Management*. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 293–311. (In Russ.)
15. Ackoff R. *The art of problem solving*. Moscow, Mir Publ., 1982. 224 p. (In Russ.)
16. Ackoff R. *Systems, organizations and interdisciplinary research*. (In Russ.) Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/6412?ysclid=ixfnt2cdup502122636> (accessed 15 February 2024).
17. Buyvol M.A. *The power of knowledge in the information society: from epistemological to sociocultural interpretation*. Cand. Diss. Tomsk, 2005. 154 p. (In Russ.)
18. Buyvol M.A. Formation of the information sector of the economy in the space of the post-industrial formation. *Current problems of social philosophy. Proc. of the regional scientific and practical conference*. Tomsk, October 28–29, 2004. Tomsk, TPU Publ. House, 2004. pp. 102–103. (In Russ.)
19. Buyvol M.A. The nature of power in the information society. *Proceedings of the regional scientific and practical conference, Current problems of social philosophy*. Tomsk, October 28–29, 2004. Tomsk, TPU Publ. House, 2004. pp. 11–13. (In Russ.)
20. Rossman V.I. The mystery of the center: identity and organization of social space in modern and traditional societies. *Questions of Philosophy*, 2008, no. 2, pp. 42–57. (In Russ.) EDN: IPKOON.
21. Chubik A.P. *Technological nature of the media in conditions of communicative culture*. Cand. Diss. Tomsk, 2009. 137 p. (In Russ.)
22. Guattari F., Deleuze J. *What is philosophy?* Moscow, Academic Project Publ., 2009. 261 p. (In Russ.)
23. Deleuze J., Guattari F. Rizoma. *Almanac “East”*. (In Russ.) Available at: https://web.archive.org/web/20180929012423/http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (accessed 15 February 2024).
24. Foucault M. *Intellectuals and power*. Moscow, Praxis Publ., 2002. 320 p. (In Russ.)
25. Rossman V. *In search of the Fourth Rome: Russian debates about the transfer of the capital*. Moscow, HSE Publ. House, 2013. 288 p. (In Russ.)

Information about the authors

Grigory V. Smolonsky, Applicant, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; SGV-070@yandex.ru

Received: 15.03.2024

Revised: 20.06.2024

Accepted: 30.06.2024